

ISSN 2782-1668 (print)

ISSN 2712-8857 (online)

LEAP

EUROPEAN AND ASIAN
LAW REVIEW

Volume 8
Issue 1 (20)

2025

ISSN 2782-1668 (печатный)
ISSN 2712-8857 (электронный)

ЖУРНАЛ
EUROPEAN AND ASIAN LAW REVIEW

2025

Том 8. Выпуск 1

Основан в марте 2018 года. Выходит 4 раза в год.

Учредитель, издатель и распространитель:
Уральский государственный
юридический университет имени В. Ф. Яковлева

В журнале рассматриваются актуальные проблемы юридической науки и практики государств-членов Евразийского экономического союза, БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества с элементами сравнительно-правовых исследований.

На страницах журнала публикуются научные статьи, аналитические материалы, комментарии экспертов и обзоры, подготовленные профессиональными юристами – учеными и практиками из государств-членов Евразийского экономического союза, БРИКС и Шанхайской организации сотрудничества, а также политиков, представителей органов государственной власти, бизнеса и общественности.

Главный редактор журнала:

Юлия Валерьевна Иванчина – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Заместители главного редактора:

Елена Александровна Истомина – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Фёдор Викторович Фетюков – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-72531 от 20.03.2018.

Адрес редакции: 620137, Россия, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, оф. 114.
Телефон: +7 (343) 375-06-70;
e-mail: ealawreview@uslu.su;
<https://ealawreview.ru/>.

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

© European and Asian Law Review, 2025

ISSN 2782-1668 (print)
ISSN 2712-8857 (online)

**JOURNAL
EUROPEAN AND ASIAN
LAW REVIEW**

2025

Volume 8. Issue 1

Journal was founded in 2018. Issued 4 times a year

Founder, publisher and distributor:

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev

Actual problems of the legal science and practice of the member states of the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization are considered in the journal.

The journal publishes scientific articles, analytical materials, expert comments and reviews prepared by professional lawyers – scientists and practitioners from the member states of the Eurasian Economic Union and the Shanghai Cooperation Organization, as well as politicians, government officials, business and the public.

Editor-in-Chief:

Yulia V. Ivanchina – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Deputy Editors-in-Chief:

Yelena A. Istomina – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Labor Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Fyodor V. Fetyukov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology, and Mass Media.

State registration Certificate PI No. FS 77-72531 dated 20 March 2018.

Editorial office address: 21 Komsomolskaya Str., office 114, Yekaterinburg, Russia 620137

Phone: +7 (343) 375-06-70, e-mail: ealawreview@uslu.su

<http://ealawreview.ru>

The views expressed in this issue are those of the authors and do not reflect the views of the editorial staff.

© European and Asian Law Review, 2025

Редакционная коллегия

Юрий Сергеевич Безбородов – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Владимир Сергеевич Белых – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой предпринимательского права, директор Института права и предпринимательства Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки Российской Федерации, директор Евразийского научно-исследовательского центра сравнительного и международного предпринимательского права (Екатеринбург, Россия).

Людмила Николаевна Берг – доктор юридических наук, профессор, заместитель министра международных и внешнеэкономических связей Свердловской области (Екатеринбург, Россия).

Сергей Александрович Боголюбов – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий отделом экологического и аграрного законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации (Москва, Россия).

Владимир Александрович Бублик – доктор юридических наук, профессор, ректор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Данил Владимирович Винницкий – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой финансового права, директор Института права БРИКС Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Отбек Турсунпулатович Ганиев – кандидат юридических наук, доцент, советник юстиции 3-й степени, доцент кафедры криминалистики и судебной экспертизы Ташкентского государственного юридического университета (Ташкент, Узбекистан).

Александр Константинович Голиченков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой экологического и земельного права, декан юридического факультета Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия).

Светлана Юрьевна Головина – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Бронислав Мичиславович Гонгало – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, директор Уральского филиала Исследовательского центра частного права им. С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации, член Совета при Президенте Российской Федерации по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства (Екатеринбург, Россия).

Сергей Артурович Калинин – кандидат юридических наук, доцент кафедры теории государства и права Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Иван Яковлевич Козаченко – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права им. М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

Игорь Александрович Кравец – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, конституционного права Новосибирского национального исследовательского государственного университета (Новосибирск, Россия).

Фархад Калбаевич Кутлымуратов – кандидат юридических наук, доцент, декан юридического факультета Каракалпакского государственного университета им. Бердаха (Нукус, Узбекистан).

Лев Александрович Лазутин – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и европейского права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, заслуженный юрист Российской Федерации (Екатеринбург, Россия).

Алексей Алексеевич Ливеровский – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург, Россия).

Андрей Михайлович Лушников – доктор юридических наук, доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой трудового и финансового права Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова (Ярославль, Россия).

Зинаида Александровна Незнамова – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права им. М. И. Ковалева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Виктор Сергеевич Плетников – доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Олег Александрович Пучков – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры теории государства и права им. С. С. Алексеева Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Роза Наильевна Салиева – доктор юридических наук, профессор, заведующий лабораторией правовых проблем недропользования, экологии и топливно-энергетического комплекса Академии наук Республики Татарстан (Казань, Россия).

Марат Сабирьянович Саликов – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Екатеринбург, Россия).

Ирина Владимировна Шестерякова – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры трудового права Саратовской государственной юридической академии (Саратов, Россия).

Андрей Викторович Шидловский – кандидат юридических наук, декан юридического факультета, доцент кафедры уголовного права Белорусского государственного университета (Минск, Беларусь).

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, приглашенный профессор Университета «Париж Запад Нантерр ля Дефанс» (Екатеринбург, Россия).

Редакционный совет

Нозимахон Эльдаровна Гафурова – кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой международного права и прав человека Ташкентского государственного юридического университета (Узбекистан).

Адди Мацц – профессор финансового права, директор образовательной программы «Финансовое право» Республиканского университета (Уругвай).

Аммон Винсент Мбелле – профессор Университета Дар-эс-Салама, представитель Танзании в Комиссии Организации Объединенных Наций по торговле и развитию (Танзания).

Владимир Александрович Бублик – доктор юридических наук, профессор, ректор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Россия).

Крейг Уэст – ассоциированный профессор, руководитель департамента финансов и налогообложения Университета Кейптауна (ЮАР).

Емил Асенов Мингов – профессор Софийского университета им. Св. Климента Охридского (Болгария).

Марат Алдангорович Сарсембаев – доктор юридических наук, профессор кафедры международного права Евразийского национального университета им. Л. Н. Гумилева и член Научно-консультативного совета при Конституционном Совете Республики Казахстан (Казахстан).

На Ли – эксперт Восточно-Китайского университета политических наук и права, сотрудник Сетевого института права БРИКС (Китай).

Никола Тупанчески – доктор юридических наук, профессор Университета Св. Кирилла и Мефодия (Македония).

Паскуале Пистоне – доктор юридических наук, профессор, директор по академическим вопросам Международного бюро фискальной документации, профессор Венского университета экономики, ассоциированный профессор Университета Салерно, почетный профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Нидерланды).

Дикшит Прасад Сенгупта – доктор юридических наук, профессор, главный советник Национального института публичных финансов и политики (Индия).

Толеш Ерденович Каудыров – доктор юридических наук, профессор, ректор Академии правосудия Верховного Суда Республики Казахстан (Казахстан).

Сергей Александрович Трахимёнок – доктор юридических наук, профессор Института национальной безопасности Республики Беларусь (Беларусь).

Александр Трунк – доктор права, профессор, директор Института стран Восточной Европы Университета им. Христиана Альбрехта, почетный профессор Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева (Германия).

Леонид Борисович Хван – кандидат юридических наук, доцент кафедры административного и финансового права Ташкентского государственного юридического университета (Узбекистан).

Владимир Владимирович Ярков – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, заведующий кафедрой гражданского процесса Уральского государственного юридического университета им. В. Ф. Яковлева, член Научно-консультативного совета при Верховном Суде Российской Федерации, приглашенный профессор Университета «Париж Запад Нантерр ля Дефанс» (Россия).

Ярмо Койстинен – кандидат юридических наук, доктор права, доцент Университета Восточной Финляндии (Финляндия).

Editorial Board

Yuri S. Bezborodov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Vladimir S. Belykh – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Entrepreneurial Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Scientist of the Russian Federation, Director of the Eurasian Research Center for Comparative and International Business Law (Yekaterinburg, Russia).

Lyudmila N. Berg – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Minister of the Ministry of International and Foreign Economic Relations of the Sverdlovsk Region (Yekaterinburg, Russia).

Sergey A. Bogolyubov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Environmental and Agrarian Legislation at the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation (Moscow, Russia).

Vladimir A. Bublik – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Acting Rector of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Danil V. Vinnitskiy – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Financial Law Department, Director of the Institute of Law BRICS of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Otabek T. Ganiev – Candidate of Juridical Sciences, Associate of the 3rd degree, Associate Professor of the Department of Criminalistics and Forensic Examination of the Tashkent State Law University (Tashkent, Uzbekistan).

Alexander K. Golichenkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Environmental and Land Law Department, Dean of the Faculty of Law of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

Svetlana Yu. Golovina – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Labor Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Bronislav M. Gongalo – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Head of the Civil Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Director of the Ural Branch of the Private Law Research Center named after S. S. Alexeyev under the President of the Russian Federation, member of the Council under the President of the Russian Federation for the Codification and Improvement of Civil Legislation (Yekaterinburg, Russia).

Sergei A. Kalinin – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Deputy Dean for Scientific and Educational Activities of the Faculty of Law of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Ivan Ya. Kozachenko – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Professor of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Igor A. Kravets – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Constitutional Law of Novosibirsk National Research University (Novosibirsk, Russia).

Farhad K. Kutlymuratov – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of Karakalpak State University named after Berdakh (Nukus, Uzbekistan).

Lev A. Lazutin – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the International and European Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Alexey A. Liverovsky – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the St. Petersburg State University of Economics (St. Petersburg, Russia).

Andrei M. Lushnikov – Doctor of Juridical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and Finance Law of P. G. Demidov Yaroslavl State University (Yaroslavl, Russia).

Zinaida A. Neznamova – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law named after M. I. Kovalev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Viktor S. Pletnikov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Oleg A. Puchkov – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Theory of State and Law named after S. S. Alekseev of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Roza N. Salieva – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Laboratory of Legal Problems of Subsoil Use, Ecology and Fuel and Energy Complex of the Academy of Sciences of the Republic of Tatarstan (Kazan, Russia).

Marat S. Salikov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Constitutional Law Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Yekaterinburg, Russia).

Irina V. Shesteryakova – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Labor Law Department of the Saratov State Law Academy (Saratov, Russia).

Andrei V. Shidlovskii – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Dean of the Faculty of Law of the Belarusian State University (Minsk, Belarus).

Vladimir V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Civil Procedure Department of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Member of the Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Visiting Professor at the Paris Nanterre University (Yekaterinburg, Russia).

Editorial Council

Nozimakhon E. Gafurova – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor, Head of the Department of International Law and Human Rights of the Tashkent State Law University (Republic of Uzbekistan).

Addy Mazz – Professor of Financial Law, Director of the Specialization Program in Financial Law of the Republican University (Republic of Uruguay).

Ammon Vincent Mbelle – Professor of the Dares-Salaam University, Representative of Tanzania to the United Nations Commission on Trade and Development (UNCTAD) (United Republic of Tanzania).

Vladimir A. Bublik – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Acting Rector of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Russia).

Craig West – Associate Professor, Head of Department of Finance and Tax of University of Cape Town (South Africa).

Emil Asenov Mingov – Professor of the Sofia University St. Kliment Ohridski (Bulgaria).

Marat A. Sarsembayev – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor of the International Law Department of the L. N. Gumilyov Eurasian National University, the Member of the Scientific and Advisory Board of the Constitutional Council of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan).

Na Li – Post-doc Research Fellow at East China University of Political Science and Law, Staff Member of the BRICS Network University (China).

Nikola Tupanceska – Doctor of Juridical Sciences, Professor of the Ss. Cyril and Methodius University's (Macedonia).

Pistone Pasquale – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Director for Academic Affairs of the International Bureau of Fiscal Documents, Professor of the Vienna University of Economics, Associate Professor of the University of Salerno, Honorary Professor of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Kingdom of the Netherlands).

Dikshit Prasad Sengupta – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Senior Adviser of National Institute of Public Finance and Policy (Republic of India).

Tolesh Erdenovich Kaudyrov – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Rector of the Academy of Justice of the Supreme Court of the Republic of Kazakhstan (Republic of Kazakhstan).

Sergei A. Trakhimyonok – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the National Security Institute of the Republic of Belarus (Republic of Belarus).

Alexander Trunk – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Professor, Director of the Eastern European Law Institute of the University of Christian-Albrecht, Honorary Professor of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (Germany).

Leonid B. Khvan – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Administrative and Financial Law Department of Tashkent State Institute of Law (Uzbekistan).

Vladimir V. Yarkov – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Honored Scientist of the Russian Federation, Head of the Department of Civil Procedure of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Member of the Scientific Advisory Council under the Supreme Court of the Russian Federation, Visiting Professor at the Paris Nanterre University (Russia).

Jarmo T. Koistinen – Doctor of Philosophy (PhD) in Law, Associate Professor of the University of Eastern Finland (Finland).

Содержание

Научные статьи

Долотина Р. Р. Особенности судебной защиты трудовых прав дистанционных работников	10
Дженакова Е. В. Вопросы совершенствования правового регулирования отношений по распространению информации	18
Заметина Т. В., Троицкая Т. В. Избирательное законодательство и выборы в XXI веке	30
Кисленко С. Л., Фокин А. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации	41
Магомедов Ш. М. Роль модельного законодательства в регламентации прокурорского надзора за исполнением законов на пространстве СНГ	55
Митин А. Н., Новикова С. В. Применение герменевтики для анализа толкования права на основе традиционных ценностей	66
Саликов М. С., Нечкин А. В., Руденко В. В. Евразийские принципы конституционализации органов публичной власти: становление и перспективы развития	80
Чичина Е. В. Случаи привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени (на основе законодательства Республики Беларусь)	90
Yasinskaya-Kazachenko A. V. Prevention of Labor Disputes at the Level of Application of Accounting Tools and Control of the Taxation Process	102

Contents

Research Articles

Dolotina, R. R. Features of Judicial Protection of the Labor Rights of Remote Workers	10
Dzhenakova, E. V. Issues of Improving Legal Regulation of Relations on Information Dissemination	18
Zametina, T. V. & Troitskaya, T. V. Electoral Legislation and Elections in the XXI century	30
Kislenko, S. L. & Fokin, A. D. Fraud Using Information and Telecommunication Technologies as a Threat to the National Security of the Russian Federation	41
Magomedov, Sh. M. The Role of Model Legislation in Regulation of Prosecutorial Supervision of Laws Execution in the CIS	55
Mitin, A. N. & Novikova, S. V. Application of Hermeneutics to Analyze the Interpretation of Law Based on Traditional Values	66
Salikov, M. S. & Nechkin, A. V. & Rudenko, V. V. Eurasian Principles of Constitutionalization of Public Authorities: Formation and Development Prospects	80
Chichina, E. V. Cases of Involving Employees in Work Beyond the Established Working Hours (Based on the Legislation of the Republic of Belarus)	90
Yasinskaya-Kazachenko, A. V. Prevention of Labor Disputes at the Level of Application of Accounting Tools and Control of the Taxation Process	102

Для цитирования:

Долотина Р. Р. Особенности судебной защиты трудовых прав дистанционных работников // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 10–17. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_10.

Information for citation:

Dolotina, R. R. (2025) Osobennosti sudebnoi zashchity trudovykh prav distantsionnykh rabotnikov [Features of Judicial Protection of the Labor Rights of Remote Workers]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 10–17. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_10.

УДК 349.2

BISAC 54000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_10.

Научная статья

ОСОБЕННОСТИ СУДЕБНОЙ ЗАЩИТЫ ТРУДОВЫХ ПРАВ ДИСТАНЦИОННЫХ РАБОТНИКОВ

Р. Р. Долотина

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина

ORCID ID: 0000-0002-1402-6661

Статья посвящена рассмотрению ключевых аспектов судебной защиты трудовых прав дистанционных работников в контексте современного рынка труда. Проводится анализ особенностей правового регулирования дистанционной занятости, выявляются основные проблемы, возникающие у работников при защите своих прав. Особое внимание уделено исследованию механизмов, обеспечивающих эффективную защиту интересов работников в судебном порядке. В заключение акцентируется значимость формирования благоприятной правовой среды для обеспечения защиты трудовых прав.

Ключевые слова: дистанционный труд, дистанционный работник, удаленная работа, защита трудовых прав, судебная защита

FEATURES OF JUDICIAL PROTECTION OF THE LABOR RIGHTS OF REMOTE WORKERS

Regina R. Dolotina

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

ORCID ID: 0000-0002-1402-6661

The article is devoted to the consideration of key aspects of judicial protection of the labor rights of remote workers in the context of the modern labor market. The paper analyzes the specifics of the legal regulation of remote employment and identifies the main problems that employees face in protecting their rights. Special attention is paid to the study of mechanisms that ensure effective protection of the interests of employees in court. In conclusion, the

importance of creating a favorable legal environment to ensure the protection of labor rights is emphasized.

Keywords: *remote labor, remote worker, remote work, protection of labor rights, judicial protection*

Введение

Работа на дому продемонстрировала экспоненциальный рост вследствие пандемии COVID-19, значительное число компаний предоставило своим сотрудникам возможность продолжить выполнение профессиональных обязанностей в удаленном формате. Тенденция к увеличению числа дистанционных работников наблюдалась еще до 2020 г., однако пандемия существенно ускорила этот процесс. Кроме сотрудников, работающих исключительно из дома, многие перешли на гибридный режим, предполагающий чередование дней работы в домашних условиях и непосредственно на рабочих местах. Среди этих гибридных работников 63 % указывают, что их работодатели требуют, чтобы они работали в офисе или на рабочем месте лично в течение минимального количества дней в неделю или месяц. Примерно 59 % работают из дома три или более дней в неделю, в то время как 41 % работают удаленно два или менее дней в неделю¹.

По оценкам «Forbes Advisor», в 2025 г. около 22 % рабочей силы² будут работать удаленно. Ведущей отраслью для удаленных сотрудников является сектор компьютеров и ИТ. Также распространена удаленная работа в маркетинге, отраслях бухгалтерского учета и финансов, управления проектами, медицины и здравоохранения, HR и рекрутинга, обслуживания клиентов. Много объявлений об удаленной работе для бухгалтеров, помощников руководителей, графических дизайнеров, рекрутеров, представителей службы поддержки клиентов, финансовых аналитиков и менеджеров проектов.

Преимущества удаленной работы требуют от трудового законодательства формулирования различных правил для разных ее видов, ее защиты и содействия бурному развитию. В то же время особенность удаленной работы, ослабляющая организационное подчинение, стала серьезным вызовом традиционному трудовому законодательству.

Существенным катализатором эволюции форм трудовой деятельности стало развитие информационно-коммуникационных технологий, а также расширение спектра профессий, не требующих обязательного присутствия на стационарном рабочем месте в рамках офисного пространства, производственных объектов или учреждений. Эти факторы обусловили необходимость разработки правовых норм, регулирующих дистанционную занятость, что привело к введению в Трудовой кодекс Российской Федерации отдельной главы, закрепляющей понятия «дистанционная работа» и «дистанционный работник», регламентирующей формы электронного взаимодействия между удаленным сотрудником и работодателем, устанавливающей специфику организации и охраны труда для дистанционных работников, а также определяющей основания прекращения трудового договора с ними.

Распространение нестандартных форм занятости, включая работу на основе интернет-платформ (краудсорсинг), совместное использование труда работников, работу по вызову и заключение контрактов с неопределенным количеством рабочих

¹ URL: <https://www.rigganlawfirm.com/employment-law/the-evolving-landscape-of-remote-work-laws-what-employers-and-employees-need-to-know/> (дата обращения: 21.03.2025).

² Статистика и тенденции удаленной работы // URL: <https://www.forbes.com/advisor/business/remote-work-statistics/> (дата обращения: 21.03.2025).

часов («нулевые контракты»), требует дальнейшего совершенствования трудового и связанного с ним миграционного законодательства в государствах Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Это обусловлено необходимостью адаптации правовых норм к новым реалиям рынка труда, обеспечения защиты прав работников и соблюдения принципов социальной справедливости. Важно учитывать особенности каждой формы занятости, такие как гибкость рабочего графика, условия оплаты труда и гарантии социального страхования, чтобы обеспечить соответствие законодательству всех стран-участниц ЕАЭС [Головина, 2019].

Российский законодатель закрепил виды основной дистанционной работы: постоянная, временная, комбинированная удаленная работа, а также исключительные случаи дистанционной работы. Дополнительным толчком к расширению сфер применения удаленного труда стала пандемия, в условиях которой работодатели оперативно решали проблему обеспечения выполнения сотрудниками трудовых обязанностей из дома.

Основная часть

Появление удаленной работы привело к возникновению новых смежных проблем, таких как дисбаланс между работой и личной жизнью работников и работодателей, неэффективное соотношение производительности труда и общения, отсутствие гибкого и одновременно контролируемого графика работы, невыполнение требований к организации и оснащению удаленного рабочего места, сложность контроля процесса осуществления трудовых обязанностей, нежелание удаленных работников возвращаться к работе в офисе и др.

Дистанционная форма занятости имеет ряд особенностей, которые могут оказывать негативное влияние на эффективность управления персоналом и организационную идентификацию сотрудников [Nurzyński, 2023]:

сложность контроля. Работодатель лишается возможности осуществлять непосредственный контроль над деятельностью сотрудников, что затрудняет мониторинг выполнения задач и оценку производительности труда. В отличие от традиционного режима работы, где взаимодействие между руководителем и подчиненными происходит ежедневно, в условиях удаленной работы этот процесс становится менее очевидным и оперативным [Bailey, Kurland, 2002: 390];

снижение идентификации с организацией. Уменьшение частоты личного присутствия в офисе ведет к снижению уровня вовлеченности и лояльности сотрудников к компании. Удаленные работники реже взаимодействуют с коллегами и руководством, что ослабляет их эмоциональную связь с коллективом и корпоративной культурой. Единственным каналом взаимодействия остается выполнение профессиональных обязанностей через цифровые каналы связи;

повышенная текучесть кадров. Дистанционная занятость предоставляет сотрудникам больше возможностей для смены мест работы, поскольку территориальные ограничения практически отсутствуют. Работники могут искать вакансии в различных регионах и странах, что усложняет удержание квалифицированных специалистов на долгосрочной основе;

риски технологических сбоев. Удаленная работа предполагает активное использование информационных технологий, что делает компанию и сотрудников уязвимыми перед техническими неполадками. Отказ оборудования, проблемы с сетью или программным обеспечением могут стать причинами снижения эффективности и даже полной остановки рабочих процессов.

На реальные изменения условий труда и модернизацию законодательства отреагировала судебная практика: в судах получили широкое распространение споры, связанные с нарушением прав и обязанностей дистанционных работников. М. Дячуком [Дячук, 2022: 55–67] систематизированы наиболее характерные гражданские дела, касающиеся дистанционной работы. К ним автор относит: споры, обусловленные невозможностью дистанционного режима для конкретной работы, ненадлежащим оформлением трудовых отношений между работодателем и дистанционными работниками, ненадлежащим уведомлением работников о необходимости продолжения работы в офисе после окончания периода дистанционного исполнения обязанностей, немотивированным увольнением работника по инициативе работодателя, в том числе за прогул, и др.

Все государства-члены Евразийского экономического союза (ЕАЭС), стремясь повысить доступность судебной защиты для трудящихся, приняли меры по освобождению работников от обязанности по уплате государственной пошлины по делам, связанным с любыми категориями трудовых споров. Данное освобождение применяется как на этапе подачи искового заявления в судебные органы, так и на стадии завершения судебного разбирательства, независимо от его исхода [Родионов, 2024: 78]. Эта мера направлена на устранение финансовых барьеров, которые могли бы препятствовать работникам в защите их прав и законных интересов через судебную систему.

Верховный Суд РФ только начинает формировать судебную практику по спорам между работодателями и дистанционными сотрудниками. Так, Гражданская коллегия Верховного Суда РФ постановила, что ограничение права дистанционного работника на получение гарантий и компенсаций при увольнении по инициативе работодателя недопустимо. Бывшая сотрудница обратилась в Каширский городской суд Московской области с требованием признать незаконность приказа об увольнении, восстановить ее на рабочем месте, взыскать средний заработок за период вынужденного прогула в сумме 118 527,25 руб. и возместить моральный ущерб в размере 20 000 руб. Истец заявила, что нарушений трудовой дисциплины и виновных действий с ее стороны не было. Следовательно, ей полагаются гарантии и компенсации согласно гл. 27 Трудового кодекса РФ, обеспечивающие защиту прав сотрудников при прекращении трудовых отношений. Однако суды первой, апелляционной и кассационной инстанций признали увольнение законным, несмотря на возражения истицы относительно размера выплат. Верховный Суд указал, что дистанционные работники имеют равное право на получение гарантий и компенсаций при увольнении по инициативе работодателя, аналогичное правам тех, кто работает непосредственно на территории работодателя (дело № 4-КГ21-54-К1). В связи с этим дело было направлено на новое рассмотрение в суд первой инстанции [Данилов, 2022: 62].

Процессуальная специфика рассмотрения таких дел судами выражается в своеобразном предмете доказывания, ранее не свойственном трудовым спорам. Указанная особенность объясняется характером работы: будучи дистанционной, она предполагает удаленное оформление «трудовых» документов. Дополнительными факторами, актуализирующими виртуальный способ обмена информацией между работником и работодателем, выступает невозможность дистанционного сотрудника явиться по фактическому месту нахождения организации по состоянию здоровья, вследствие введенных ограничений, нахождения в другом городе, физического отсутствия помещения у работодателя. Таким образом, в отличие от классических юридических фактов, входящих в предмет доказывания по трудовым спорам, при

рассмотрении спора, касающегося дистанционных трудовых отношений, суду необходимо установить значимые обстоятельства, существовавшие и оставившие свой след в виртуальном пространстве. Это обуславливает необходимость широкого применения электронных доказательств для подтверждения или опровержения юридически значимых обстоятельств по делу.

Например, подтверждением наличия трудовых отношений между работодателем и дистанционным работником является предоставление сотруднику удаленного доступа к выполнению работы (создание аккаунта, предоставление пароля, регистрация корпоративного электронного ящика и др.), обеспечение его оборудованием и программно-техническими средствами, электронная переписка и обмен документами. При доказывании наличия или отсутствия дополнительных оснований прекращения трудового договора, а именно нарушения порядка взаимодействия работника с работодателем более двух дней с момента запроса работодателя, используется фиксация фактов, свидетельствующих об уважительности причин невыхода дистанционного работника на связь с работодателем либо об отсутствии вины работника в нарушении электронного взаимодействия. В качестве доказательств могут использоваться:

скриншоты переписки, демонстрирующие отправку сообщений работодателю, которые он по какой-либо причине не получил (вследствие попадания сообщения в папку «Спам», направления письма на ошибочный электронный адрес и др.);

доказательства выполнения сотрудником удаленной работы (скриншоты электронной переписки с работодателем; получение технических заданий; электронные приказы о включении работника в состав рабочей группы по проекту; документы, графики, планы, иные материалы, изготовленные в электронной форме в рамках выполнения работником трудовых функций; фотографии, видео- и аудиозаписи, подтверждающие выполнение работы, и т. п.) (п. 11 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23 декабря 2021 г. № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права»);

электронные отчеты (метрики) о времени, проведенном работником на определенном сайте (электронном ресурсе), соответствующие времени выполнения задания либо установленному графику «удаленного» рабочего времени;

взб-трекинги как информация о том, какие страницы и контент просматривал работник, перенаправления, поиски и другие действия, совершаемые им в виртуальном пространстве, позволяющие установить целенаправленное использование электронных ресурсов в служебных целях;

сведения от провайдера об отключении сети Интернет в определенные дни (периоды) как подтверждение уважительности причины невыполнения дистанционной работы или нарушения установленного порядка взаимодействия с работодателем.

Несмотря на достаточно обширный круг доказательств, необходимых для разрешения судами споров о трудовых правах дистанционных работников, ненадлежащее правовое регулирование электронных средств доказывания в гражданском процессуальном законодательстве снижает доказательственные возможности работника. Как справедливо указывает М. В. Чудиновских [Чудиновских, 2022], практика признания переписки в мессенджерах допустимым доказательством в трудовых спорах носит противоречивый характер. Переписка принимается судом в качестве доказательства при условии, если она предусмотрена правилами дистанционной работы, ведется через официальные каналы, указанные в договоре или

дополнительном соглашении, надлежащим образом удостоверена электронной цифровой подписью либо усиленной электронной цифровой подписью. Электронная переписка может также осуществляться путем обмена электронными образами (скан-копиями) бумажных документов с графическими подписями сторон. В противном случае допустимость скриншота переписки оценивается судьей исходя из общих правил доказывания и требований, предъявляемых законом к письменным доказательствам. Незаверенный скриншот переписки, произведенной посредством электронной почты, мессенджеров, социальных сетей, без удостоверения графической подписью, электронной цифровой подписью участников переписки ставится под сомнение как материал, не имеющий оригинала, вследствие чего нельзя установить его первоначальное содержание и внесение изменений. Как правило, такое доказательство не принимается во внимание при вынесении судебного решения.

Аудио- и видеозаписи также должны отвечать определенным требованиям, установленным законом (ст. 77 ГПК РФ). С. Ю. Чуча [Чуча, 2019] приводит условия легализации видеозаписи как доказательства в трудовых спорах (издание приказа о действии системы видеонаблюдения, наличие локального нормативного акта об организации видеонаблюдения, ознакомление и письменное согласие работников на съемку и др.). Однако они применимы к случаям проведения видеосъемки в отношении работников, находящихся на рабочих местах в очном формате. Проведение аудио- и видеозаписи при удаленном формате работы без согласия собеседника принимается судом в качестве допустимого доказательства, если известна информация о времени, месте, условиях записи; если она производилась участником события; если запись касается договорных отношений между сторонами; если стороны ее не оспаривают. Кроме того, запись не должна нарушать тайну частной жизни, личную и семейную тайну, честь и доброе имя лиц, в отношении которых осуществлялась запись [Нижегородцев, 2018]. Неосведомленность дистанционных работников о порядке принятия судом доказательств приводит к исключению важнейших средств доказывания из арсенала удаленного работника в споре с работодателем, что снижает гарантии успеха судебной защиты его нарушенных прав.

Выводы

Судебная защита трудовых прав дистанционных работников представляет собой актуальную и важную область правового регулирования, требующую дальнейшего изучения и совершенствования. Анализ существующей судебной практики показывает наличие значительных пробелов в законодательстве, что усложняет процесс отстаивания прав работников. Таким образом, дальнейшие усилия по совершенствованию правового регулирования и обеспечению социальной защищенности дистанционных работников станут залогом стабильного и справедливого функционирования рынка труда в условиях цифровизации.

Библиографический список

Bailey D., Kurland N. A review of telework research: Findings, new directions, and lessons for the study of modern work // *Journal of Organizational Behavior*. – 2002. – Vol. 23. – № 4. – P. 383–400.

Nurzyński F. Managing Conflict among Employees during Remote Work // *Nowe trendy w zarządzaniu*. – 2023. – P. 119–131.

Головина С. Ю. Совершенствование трудового законодательства России с учетом законодательного опыта государств Евразийского экономического союза // *Российское право: образование, практика, наука*. – 2019. – № 5. – С. 4–9.

Данилов С. ВС РФ защитил права дистанционных работников // Практическая бухгалтерия. – 2022. – № 6. – С. 62–63.

Дячук М. Споры, связанные с дистанционной работой // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2022. – № 7. – С. 55–67.

Нижегородцев О. Аудио- и видеозаписи как доказательства в трудовом споре // Кадровая служба и управление персоналом предприятия. – 2018. – № 7. – С. 10–23.

Родионов А. О. Процессуальные гарантии работников по законодательству государств-членов ЕАЭС при рассмотрении индивидуальных трудовых споров // *European and Asian Law Review*. – 2024. – Т. 7. – № 4. – С. 74–83.

Чудиновских М. В. Защита прав дистанционных работников: пробелы, проблемы, судебная практика // Ученые записки Тамбовского отделения РОСМУ. – 2022. – № 27. – С. 79–81.

Чуча С. Ю. Правовой режим электронных доказательств в суде при рассмотрении трудовых споров // Предпринимательское право. – 2019. – № 3. – С. 29–35.

References

Bailey, D. & Kurland, N. (2002) A review of telework research: Findings, new directions, and lessons for the study of modern work. *Journal of Organizational Behavior*, 23 (4), 383–400.

Chucha, S. Yu. (2019) Pravovoi rezhim elektronnykh dokazatel'stv v sude pri rassmotrenii trudovykh sporov [The legal regime of electronic evidence in court when considering labor disputes]. *Predprinimatel'skoe pravo*, (3), 29–35.

Chudinovskikh, M. V. (2022) Zashchita prav distantsionnykh rabotnikov: probely, problemy, sudebnaya praktika [Protection of the rights of remote workers: gaps, problems, judicial practice]. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeleniya ROSMU*, (27), 79–81.

Danilov, S. (2022) VS RF zashchitil prava distantsionnykh rabotnikov [The Supreme Court of the Russian Federation has defended the rights of remote workers]. *Prakticheskaya bukhgalteriya*, (6), 62–63.

Dyachuk, M. (2022) Spory, svyazannye s distantsionnoi rabotoi [Disputes related to remote work]. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*, (7), 55–67.

Golovina, S. Yu. (2019) Sovershenstvovanie trudovogo zakonodatel'stva Rossii s uchetom zakonodatel'nogo opyta gosudarstv Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza [Improving the labor legislation of Russia, taking into account the legislative experience of the states of the Eurasian Economic Union]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (5), 4–9.

Nizhegorodtsev, O. (2018) Audio- i videozapisi kak dokazatel'stva v trudovom spore [Audio and video recordings as evidence in a labor dispute]. *Kadrovaya sluzhba i upravlenie personalom predpriyatiya*, (7), 10–23.

Nurzyński, F. (2023) Managing Conflict among Employees during Remote Work. *Nowe trendy w zarzadzaniu*, 119–131.

Rodionov, A. O. (2024) Protsessual'nye garantii rabotnikov po zakonodatel'stvu gosudarstv-chlenov EAES pri rassmotrenii individual'nykh trudovykh sporov [Employees' Procedural Guarantees under the Legislation of the EAEU Member States in the Consideration of Individual Labor Disputes]. *European and Asian Law Review*, 7 (4), 74–83.

Информация об авторе

Регина Рашидовна Долотина – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры трудового права и права социального обеспечения Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (e-mail: rdolotina@mail.ru).

Information about the author

Regina R. Dolotina – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Labor Law and Social Security Law of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (e-mail: rdolotina@mail.ru).

© Р. Р. Долотина, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Дженакова Е. В. Вопросы совершенствования правового регулирования отношений по распространению информации // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 18–29. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_18.

Information for citation:

Dzhenakova, E. V. (2025) Voprosy sovershenstvovaniya pravovogo regulirovaniya pravootnosheniya po rasprostraneniyu informatsii [Issues of Improving Legal Regulation of Relations on Information Dissemination]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 18–29. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_18.

УДК 342.727

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_18.

Научная статья

ВОПРОСЫ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ОТНОШЕНИЙ ПО РАСПРОСТРАНЕНИЮ ИНФОРМАЦИИ

Е. В. Дженакова*Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина*

ORCID ID: 0000-0001-6332-3008

Автор статьи анализирует российское законодательство в области распространения информации. Рассматриваются вопросы совершенствования правового регулирования отношений по распространению информации с учетом межотраслевого характера информационные отношения, их структурной сложности, многообъектности отношений по распространению информации. Отмечается, что в условиях активного развития информационного общества большое значение приобретает задача формирования, систематизации и унификации правовых понятий, определений и терминов. Совершенствование правового регулирования отношений по распространению информации связано не только с необходимостью теоретического переосмысления существующих правовых категорий, но и непосредственно с процессами унификации и гармонизации информационно-правовых норм. Показано, что несовершенство норм, регулирующих отношения по распространению информации, препятствует развитию информационного законодательства в целом. Сделан вывод о том, что разработка отдельного законодательного акта, регулирующего отношения по распространению информации, будет способствовать формированию эффективного механизма публично-правового регулирования распространения информации, а также систематизации информационного законодательства в целом.

Ключевые слова: *распространение информации, правоотношения по распространению информации, информационное законодательство, систематизация, механизм публично-правового регулирования*

ISSUES OF IMPROVING LEGAL REGULATION OF RELATIONS ON INFORMATION DISSEMINATION

Ekaterina V. Dzhenakova

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin

ORCID ID: 0000-0001-6332-3008

The author analyzes the problems of Russian legislation in the sphere of information dissemination. The issues of improving the legal regulation of relations on the dissemination of information are considered. It is noted that it is necessary to take into account the intersectoral nature of information relations. The complexity of legal relations of information dissemination is emphasized. It is argued that in the context of the active development of the information society, one of the main issues determining legal regulation in the information space is the task of forming, systematizing and unifying legal concepts, definitions and terms. The author notes that the process of improving the legal regulation of relations of information dissemination is associated with the need for a theoretical rethinking of existing legal categories. In addition, it is also associated with the processes of unification and harmonization of current information legal norms. It is shown that the imperfection of the norms regulating relations of information dissemination hinders the development of information legislation in general. It is concluded that the development of a legislative act regulating legal relations of information dissemination will contribute to the formation of an effective mechanism for public-legal regulation of the dissemination of information, as well as the process of systematization of information legislation in general.

Keywords: *dissemination of information, relations on information dissemination, information legislation, systematization, mechanism for public-legal regulation*

Введение

В рамках решения актуальных проблем правового обеспечения информационных отношений особую важность приобретают вопросы совершенствования нормативных положений в области регулирования отношений по распространению информации. Вместе с тем совершенствование законодательства невозможно без проведения анализа и комплексных правовых исследований в области распространения информации. Недостаточность соответствующих научно-правовых материалов обуславливает развитие методологических ошибок в законодательстве [Устинович, 2010].

С 2006 г. – момента принятия Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 23 ноября 2024 г.) «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (далее – Закон об информации) – в российское информационное законодательство внесено более ста различных изменений в части регулирования отношений, возникающих по поводу распространения информации, приняты федеральные законы, регулирующие отношения по распространению отдельных видов информации.

С одной стороны, активное формирование информационных норм является объективным процессом, отражающим динамичное развитие новых информационных и цифровых технологий и возникающих по их поводу информационных отношений. С другой стороны, информационное законодательство носит ситуативный и несистемный характер, осуществляется, по замечанию В. Б. Наумова, в режиме дополняемого регулирования исходя из локальных задач [Наумов, 2018], при этом

не учитываются разработанные правовой доктриной общие подходы и методология формирования нормативной базы.

Несовершенство информационно-правовых норм, регулирующих отношения по распространению информации, препятствует развитию информационного законодательства в целом.

Совершенствование программных и технических средств информационного взаимодействия способствует их активному внедрению и использованию во всех без исключения областях человеческой деятельности. К концу 2022 г. Россия вошла в десятку стран-лидеров цифровизации государственного сектора услуг и цифровой трансформации правительства; увеличился уровень цифровизации отраслей экономики и социальной сферы за 2021–2022 гг.; объем информации, переданной россиянами по сети Интернет, за 2020–2021 гг. вырос вдвое и составил 105,3 Эбайт; 84 % россиян ежедневно используют Интернет как способ социального взаимодействия [Абдрахманова, Васильковский, Вишневский, Гохберг и др., 2023]. В период пандемии коронавируса 2020–2022 гг. практически все виды социальной жизни осуществлялись в сетевом (онлайн) режиме. Изменение эпидемиологической обстановки, позволившее вернуться к привычным формам социального взаимодействия, тем не менее, не привело к их возврату на «доковидный» уровень. Показательным событием, характеризующим данный период и ставшим своеобразным ответом времени, стало закрепление в 2022 г. в словаре русского языка норм написания слова «онлайн» и включающих его сложных слов («онлайн-общение», «онлайн-банк», «онлайн-портал», «онлайн-мессенджер», «онлайн-пресс-конференция» и т. п.).

Современный уровень развития цифровых технологий привел к тому, что уже не только сам человек формирует смыслы и ценности, этот процесс активно и очень эффективно осуществляется технологиями искусственного интеллекта, и основная угроза заключается в оказываемом ими влиянии на общественное сознание.

В научной литературе появилось понятие «цифровое слабоумие» [Боброва, 2019; Старцев, Хлебников, Джабраилов, 2021], которое в наиболее общем виде характеризуется ослаблением способности мыслить, рассуждать, критически оценивать получаемую информацию; уменьшением влияния рационального на процесс познания, на процесс создания культурных ценностей; минимизацией потребностей в запоминании информации, логических рассуждениях, размышлениях. Опасность заключается в том, что этот процесс представляет собой качественно новый вектор развития человечества, характеризующийся «оглушением мышления», а это реальные угрозы свободе мышления, стабильному развитию общества, существованию Российского государства в целом.

Наблюдения за работой нейросетей выявили их способности генерировать и распространять ложные сведения; информацию, пропагандирующую дискриминацию, ненависть, вражду; сведения, искажающие, фальсифицирующие или отрицающие исторические события. Была отмечена способность создавать нужные «факты» для доказательства созданной информации. В связи с этим в новом свете предстает вопрос о субъектах распространения информации, в первую очередь обладателях информации, а также особую актуальность приобретает проблема определения источников информации, установления ее достоверности.

Необходимость правового регулирования искусственного интеллекта была впервые обозначена в плоскости авторского права, однако совершенно очевидно, что сейчас она приобрела межправовое значение, настоятельно требующее теоретико-правового, а также информационно-правового и конституционно-правового осмысления.

В условиях стремительно возрастающего уровня информационных рисков и угроз требуется не только своевременная и адекватная реакция государства, также необходимы активная научная работа по формированию общетеоретических доктринальных положений информационного права, дальнейший анализ и решение актуальных проблем правового регулирования информационных отношений, разработка эффективного механизма обеспечения защиты национальных интересов в информационной сфере, особое значение среди которых имеют конституционные права и свободы в части распространения, получения и использования информации.

Как справедливо писал А. Ф. Шебанов, система правовых актов, составляющих определенную отрасль законодательства, должна соответствовать требованиям иерархичности, согласованности, взаимодополняемости; кроме того, каждая отрасль должна иметь основной закон (один или несколько), содержащий важнейшие нормы отрасли, и дополняющие его акты разных уровней [Шебанов, 1971: 33–34]. При этом отмечается, что основой и необходимым условием результативности и стабильности правового акта является построение научно обоснованной концепции – системы исходных положений [Бачило, Антопольский, Белов, 2005; Маковский, 2010], конечным результатом которой предполагается создание модели закона [Казимирчук, 2000: 22]. Необходимость соблюдения указанных требований относится и к формированию информационного законодательства.

Исследователи утверждают, что динамичность развития и многоаспектность информационных отношений настоятельно требуют упорядочения и систематизации информационно-правовых норм, которое, в свою очередь, невозможно без глубокого научного анализа, системного осмысления, учета межотраслевого характера и комплексности информационного права [Полякова, 2015].

Особую сложность в обеспечении правового регулирования информационных отношений представляют правоотношения по распространению информации. Как отмечают авторы Концепции Информационного кодекса, «распространение представляется самым сложным блоком реализации информационных прав и обязанностей» [Бачило, 2014: 80]. Однако основным объектом правового регулирования в рамках распространения информации разработчики определили отношения по поводу распространения массовой информации и предлагали актуализировать разработку проекта федерального закона «О свободе массовой информации в Российской Федерации», призванного послужить основой (отдельной главой) в будущем Информационном кодексе.

Несмотря на спорность позиции о сведении правоотношений по распространению информации только к правоотношениям по распространению массовой информации, значимым представляется тезис о необходимости либо создания отдельного правового акта в виде федерального закона, призванного регулировать отношения по распространению информации, либо разработки системы норм, детально регулирующих отношения в данной области, для их дальнейшего включения в Закон об информации.

Анализ законодательства в области распространения информации выявил наличие дефектов, что свидетельствует о необходимости упорядочения и унификации понятийно-категориального аппарата, формирования единой терминологической системы, исключающей дублирование, коллизионность, несогласованность норм.

Основная идея создания модели федерального закона о распространении информации отражает цель совершенствования информационного законодательства, преодоления существующих в нем дефектов, закрепления общих положений регу-

лирования отношений по распространению информации. Представляется, что принятие специального закона позволит начать формирование эффективного механизма публично-правового регулирования распространения информации, а также будет способствовать процессу систематизации информационного законодательства.

Предметом предлагаемого к разработке проекта закона должна стать совокупность общественных отношений по распространению информации.

В данной статье обосновывается необходимость создания отдельного законодательного акта, регулирующего правоотношения по распространению информации, предлагается разработать проект федерального закона «О распространении информации». Нормативную основу настоящей работы составили официальные документы стратегического планирования, федеральные законы. Построение модели законодательного акта основано на юридико-технических требованиях к оформлению законопроектов.

Основная часть

Основой любого законодательного акта является система понятий и их определений. Как справедливо было отмечено П. У. Кузнецовым, терминологический аппарат есть стержневое юридико-техническое начало любого системообразующего закона [Кузнецов, 2012: 38]. Формирование понятийного аппарата науки информационного права, его упорядочение в нормах информационного законодательства – неотъемлемая составляющая процесса совершенствования информационного законодательства [Бачило, 2016: 8, 11]. Единая терминология, однозначность дефиниций основных информационных понятий будет обеспечивать эффективность как правотворческой, так и правоприменительной деятельности [Полякова, 2008: 32].

Очевидно, что перечень закрепленных в тексте нормативного акта понятий и их определений должен содержать основные (базовые) и наиболее важные дефиниции, имеющие принципиальное значение для правового регулирования соответствующих отношений.

С. Ю. Головина отмечает первостепенность задачи формирования понятийного аппарата, так как создание универсального отраслевого понятийного аппарата способствует одинаковому пониманию текстов нормативных актов, единообразному их применению и исполнению [Головина, 1997: 3–6].

Необходимость наличия четкой терминологии в любой отрасли отмечает Ж.-Л. Бержель. При этом он отдельно подчеркивает, что проблема разработки юридических дефиниций, соблюдения предъявляемых к ним требований приобретает особую актуальность и значимость с развитием информатики и требует соблюдения математической строгости [Бержель, 2000: 289–290].

Композицию любого законодательного акта составляют базовые положения, включающие понятийный аппарат, основополагающие принципы, субъектный состав и их правовой статус, общие дозволения и запреты [Кузнецов, 2012: 40–41].

При этом отмечается, что при формировании информационного законодательства необходимо учитывать межотраслевой и интегрирующий характер информационных норм, особо подчеркивается, что условиями совершенствования информационного законодательства будут сформированная фундаментальная научно-теоретическая основа и базирующееся на соответствующих научных разработках правотворчество [Полякова, 2008].

Сложность формирования понятийного аппарата в информационном праве усугубляется сложностью природы информационных объектов, их междисциплинарным характером.

При создании проекта законодательного акта необходимо установить основные понятия, закрепление и определение которых необходимо для целей такого закона. В основе определения перечня основных понятий лежит предмет правового регулирования – общественные отношения в сфере распространения информации, регулирование которых составляет цель закона.

Большое значение в процессе формирования и развития правового регулирования общественных отношений в области распространения информации имеет определение исходных правовых положений – принципов, закрепляющих основные направления развития правотворческой и правоприменительной практики в указанной области. А. В. Малько отмечает, что в принципах права воплощаются эталоны для формирования правового регулирования [Малько, 2009: 127]. С. С. Алексеев выявляет направляющее значение принципов в развитии права, поскольку они характеризуют содержание правовых норм, выраженные в них закономерности общественной жизни [Алексеев, 2010]. А. В. Коновалов принципы права рассматривает как объективно существующие истины, реализованные через конкретные нормы позитивного права и воплощенные в конкретном правоотношении. Принципы права, определяя содержание нормативных предписаний, очевидно влияют на степень эффективности правового регулирования общественных отношений, развития системы правопорядка, формирования правосознания [Коновалов, 2018]. Принципы права оказывают непосредственное регулирующее воздействие на общественные отношения, служат источниками права при обнаружении правовых лакунов, тем самым также обеспечивая непрерывность правового регулирования [Смирнова, 2020: 21]. Построение системы принципов права имеет важный прагматический аспект – достижение целей правового регулирования.

Создание системы принципов правового регулирования общественных отношений, связанных с распространением информации, направлено на формирование эффективного механизма реализации прав и свобод всех субъектов распространения информации, установления государственных гарантий их защиты.

В качестве основных принципов правового регулирования отношений по распространению информации можно выделить принципы законности, уважения прав и свобод, баланса интересов, добросовестности, верификации источников распространения, достоверности распространяемой информации.

1. Принцип законности распространения информации – фундаментальный основополагающий принцип, определяющий суть деятельности по распространению информации – свободу распространения, но также устанавливающий ее пределы и ограничения. Распространение информации в Российской Федерации осуществляется свободно, но с соблюдением требований, установленных законодательством. Ограничения распространения информации, возможность которых предусмотрена положениями ч. 1 ст. 56 Конституции РФ, допустимы только в том случае, если это предусмотрено федеральным законодательством. При этом ограничение допускается только в строго установленных пределах, их действие продолжается заранее определенный срок.

Соблюдение принципа законности распространения информации должно обеспечиваться закрепленной системой правомочий участников правоотношения распространения, установленных государственных гарантий, предусмотренной законом ответственности.

2. Принцип уважения прав и свобод (принцип запрета злоупотребления правом, императив личной информационной неприкосновенности) означает соблюдение распространителем информации законных интересов иных лиц: право не получать

или отказаться от получения распространяемой информации. Кроме того, данный принцип включает также недопущение установления кем-либо запрета на распространяемую в соответствии с законом информацию. Данный принцип неразрывно связан с принципом законности и представляет собой, по мнению В. В. Лапаевой, идею формально-юридического равенства, является дополнительной гарантией против злоупотребления со стороны других носителей конституционных прав и свобод [Лапаева, 2005].

3. Принцип баланса интересов. В процессе реализации конституционного права на свободу распространения информации должно быть соблюдено равновесие прав и интересов участников: право на свободное распространение информации, с одной стороны, и право на отказ и неполучение информации – с другой.

4. Принцип добросовестности предполагает, что каждый субъект распространения информации должен осуществлять свои права и исполнять обязанности ответственно, без намерения причинить какой-либо вред, сообразуясь с общепризнанными и общепринятыми правилами морали и нравственности.

5. Принцип верификации источников информации предусматривает возможность проверки субъектами информационных отношений подлинности источников информации: действительное наличие источника распространяемой информации (например, реально существующий интернет-сайт, действительный адрес сайта, в случае изменения адреса сайта – предусмотренная возможность перехода на сайт по новому адресу, сохранение архива сайта; зарегистрированное СМИ и т. п.); соответствие содержания и (или) характера информации и ее источника (например, одним из источников официального опубликования правовых актов является Официальный интернет-портал правовой информации pravo.gov.ru; на официальных сайтах, права на доменное имя которых принадлежат государственным органам, органам местного самоуправления, подведомственным организациям, размещается информация об их деятельности и пр.); возможность определить происхождение информации.

6. Принцип достоверности распространяемой информации. Стратегией развития информационного общества в Российской Федерации распространение достоверной информации закрепляется как одно из первостепенных, основополагающих условий для развития гражданина, общества, социальных институтов, государства. Стратегия национальной безопасности первой и основной задачей обеспечения информационной безопасности Российской Федерации называет «формирование безопасной среды оборота достоверной информации» (абз. 57). Однако Закон об информации оставляет без внимания обязательность достоверности распространяемой информации и закрепляет принцип достоверности только применительно к предоставлению информации. Между тем социальный ответ на распространение информации, его высокая общественная значимость, публичный характер распространения обуславливают необходимость закрепления принципа достоверности распространяемой информации как одного из основных принципов регулирования отношений в данной сфере. Более того, в научной литературе убедительно доказывается необходимость обособления принципа достоверности информации и закрепления его как общеправового принципа [Минбалеев, Петровская, 2022: 20–25].

Принцип достоверности распространяемой информации предполагает сочетание двух обстоятельств: достоверность содержания информации и обеспечение достоверности сведений в процессе их распространения как традиционными способами, так и с использованием цифровых технологий. Реализация принципа достоверности распространяемой информации может обеспечиваться, с одной стороны,

возложенной на субъектов распространения информации обязанностью контроля и проверки сведений на достоверность, с другой стороны (в случае невозможности установить достоверность информации или наличия предположения о ее недостоверности), обязанностью предупреждать пользователей о возможной недостоверности распространяемых сведений и обязательной необходимости их проверки при дальнейшем использовании и распространении, а также требованием удаления такой информации. Для этого при формировании правового статуса субъектов необходимо предусмотреть и включить соответствующие обязанности с учетом объектно-деятельностного подхода к классификации субъектов распространения информации.

Принцип достоверности распространяемой информации системно связан с принципом верификации источников распространения.

Законодательное закрепление указанных принципов позволит повысить эффективность правового регулирования отношений по распространению информации, соблюсти баланс интересов всех его участников. Кроме того, представляется, что данные принципы могут стать основой для формирования международно-правовых норм в области регулирования распространения информации, а также будут способствовать совершенствованию российского законодательства.

Также видится необходимым нормативное закрепление участников распространения. Тем самым будет решен вопрос субъектного состава, определен правовой статус субъектов, детализированы их права, обязанности, ответственность. Исходя из сущности распространения информации и особенностей возникающих отношений, к числу основных субъектов распространения информации следует отнести обладателя информации, распространителей информации, получателей и пользователей информации, информационных посредников.

Правовой статус обладателя информации и его правомочия по распространению информации регламентированы положениями Закона об информации, иными федеральными законами. Согласно современному законодательству обладатель информации обладает правомочиями осуществлять ее распространение, разрешать (или не разрешать) распространение информации иным лицам, осуществлять данную деятельность по своему усмотрению, требовать от лиц, распространяющих ставшую по решению обладателя общедоступной информацию, указания себя в качестве источника такой информации и т. д.

Наряду с обладателем информации в качестве участников распространения Закон об информации называет иных лиц, распространяющих информацию, но при этом не являющихся ее обладателями (ст. 7, 10 Закона об информации). Законодатель в неявном виде вводит такого специального субъекта, как распространитель информации, однако не уточняет его правовое положение, не определяет в общем виде права и обязанности, не предусматривает основания ответственности. Отдельные элементы правового статуса распространителя информации закреплены в правомочиях таких субъектов, как владелец сайта, рекламораспространитель, владелец новостного агрегатора, вещатель, распространитель и др. Вместе с тем неурегулированность и неоднозначность их правового статуса в информационном взаимодействии затрудняет правоприменительную деятельность, приводит к формированию противоречивой судебной практики, существенно снижает эффективность правового регулирования информационных отношений в целом и отношений по распространению информации в частности. В связи с этим представляется необходимым легально закрепить распространителя информации в перечне субъектов распространения информации, определить его правовой статус исходя из особенностей осуществляемых им при распространении информации действий.

Другими участниками распространения информации являются получатели и пользователи информации, информационные посредники. Анализ российского законодательства позволил прийти к выводу, что указанные участники рассматриваются и признаются субъектами правоотношения по распространению информации, однако информационно-правовой статус названных субъектов в законодательстве не сформирован и не определен. Между тем удовлетворение интересов получателей и пользователей информации – первопричина формирования информационных отношений в целом и отношений по распространению информации в частности. В свою очередь деятельность информационного посредника в условиях цифровизации также неотъемлемо связана с обеспечением распространения информации.

Названные субъекты – ключевые участники информационных отношений. Поэтому представляется логичным закрепить понятия «получатель информации», «пользователь информации», «информационный посредник» в базовом Законе об информации, поскольку они относятся к числу системообразующих для отрасли информационного права. Но при этом они являются также исходными для всех остальных отраслей права, поскольку обладают свойством инвариантности, позволяющим сохранять их сущностную неизменность и устойчивость при любых преобразованиях информационных отношений, способствующую формированию отраслевых понятий. Необходимость включения указанных понятий в специальные законы будет зависеть от особенностей подлежащих правовому регулированию общественных отношений в информационной сфере.

Выводы

Представленные основные положения правового регулирования общественных отношений по распространению информации могут послужить развитию и совершенствованию законотворческого процесса в области распространения информации. Разработка и систематизация норм, регулирующих общественные отношения по распространению информации, в дальнейшем может стать основой соответствующего раздела Информационного кодекса.

В связи с изложенным представляется обоснованным для совершенствования информационного законодательства, систематизации и унификации норм в области распространения информации создать специальный нормативный акт – федеральный закон, регулирующий отношения по распространению информации как основу для системного формирования института права на информацию, и включить в этот закон систему основных понятий, их определений, перечень принципов распространения информации; субъектный состав, правовой статус субъектов распространения информации, их права и обязанности, государственные гарантии, общие условия и виды ответственности.

Происходящая в настоящее время активная цифровизация общественной жизни повлечет возникновение новых информационно-технологических объектов, связанных с ними особых видов деятельности, появление (и признание) принципиально новых участников информационных отношений. Поэтому совершенно очевидна необходимость продолжения работы по формированию системообразующих для отрасли информационного права понятий, их включению в базовое информационное законодательство, последующему развитию и детализации в специальных нормативных актах информационного права, а также ином отраслевом законодательстве (гражданском, уголовном, административном, трудовом и т. д.).

Библиографический список

Алексеев С. С. Собрание сочинений: в 10 т. – Т. 3: Проблемы теории права. – М.: Статут, 2010. – 781 с.

Бачило И. Л., Антопольский А. А., Белов Г. В. Концепция развития информационного законодательства // Государство и право. – 2005. – № 7. – С. 47–62.

Бачило И. Л. Понятийный аппарат информационного права и система обеспечения информационной безопасности // Труды Института государства и права РАН. – 2016. – № 3. – С. 5–16.

Бержель Ж.-Л. Общая теория права / пер. с фр.; под общ. ред. В. И. Даниленко. – М.: Изд. дом NOTA VENE, 2000. – 576 с.

Боброва Л. А. Проблема мышления в современной эпистемологии: Аналитический обзор / отв. ред. Г. В. Хлебников. – М.: РАН. ИНИОН. Центр гуманитар. науч.-информ. исслед. Отд. философии, 2019. – 67 с.

Головина С. Ю. Понятийный аппарат трудового права. – Екатеринбург: Изд-во УрГЮА, 1997. – 180 с.

Индикаторы цифровой экономики: 2022: статист. сб. / Г. И. Абдрахманова, С. А. Васильковский, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. – М.: Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», 2023. – 332 с.

Коновалов А. В. Действие принципов права и их роль в формировании правопорядка // Lex Russica. – 2018. – № 10 (143). – С. 9–17.

Концепция Информационного кодекса Российской Федерации / под ред. И. Л. Бачило. – М.: Канон-плюс, 2014. – 192 с.

Концепция стабильности закона / отв. ред. В. П. Казимирчук. – М.: Проспект, 2000. – 176 с.

Кузнецов П. У. Проблемы формирования источников нормативного обеспечения информационной среды // Информационное общество: проблемы развития законодательства: сб. науч. работ. – М.: ИГП РАН; Юрид. изд-во «ЮРКОМПАНИ», 2012. – С. 29–42.

Лапаева В. В. Проблема ограничения прав и свобод человека и гражданина в Конституции РФ (опыт доктринального осмысления) // Журнал российского права. – 2005. – № 7. – С. 13–23.

Маковский А. Л. О кодификации гражданского права (1922–2006). – М.: Статут, 2010. – 736 с.

Минбалева А. В., Петровская О. В. Проблемы реализации принципа достоверности информации в условиях цифровой трансформации // Российский юридический журнал. – 2022. – № 4. – С. 20–28.

Наумов В. Б. Негативные закономерности формирования понятийного аппарата в сфере регулирования Интернета и идентификации // Информационное право. – 2018. – № 1. – С. 32–39.

Полякова Т. А. Правовое обеспечение информационной безопасности при построении информационного общества в России: дис. ... д-ра юрид. наук. – М., 2008. – 438 с.

Полякова Т. А. Систематизация информационного законодательства – важная составляющая формирования единого информационно-правового пространства // Систематизация и кодификация информационного законодательства: сб. науч. работ / отв. ред. И. Л. Бачило. – М.: Канон-плюс, 2015. – С. 41–44.

Смирнова А. В. Принципы права в системе источников современного российского права: автореф. дис. ... канд. юрид. – М., 2020. – 24 с.

Старцев М. В., Хлебников В. В., Джабраилов М. А. «Цифровое слабоумие» молодежи как проблема современного образования // Психолого-педагогический журнал «Гаудеамус». – 2021. – Т. 20. – № 2 (48). – С. 69–75.

Теория государства и права: учеб. / отв. ред. А. В. Малько. – М.: КНОРУС, 2009. – 400 с.

Устинович Е. С. Вопросы методологии информационной деятельности в государственном управлении // Информационное право. – 2010. – № 3. – С. 3–6.

Шебанов А. Ф. Система законодательства как научная основа кодификации // Советское государство и право. – 1971. – № 12. – С. 30–38.

References

Abdrakhmanova, G. I. & Vasilkovsky, S. A. & Vishnevsky, K. O. & Gokhberg, L. M. (eds.) (2023) *Indikatory tsifrovoi ekonomiki: 2022: statisticheskii sbornik* [Indicators of the digital economy: 2022: a statistical collection]. Moscow, Natsional`nyi issledovatel`skii universitet «Vysshaya shkola ekonomiki», 332.

Alekseev, S. S. (2010) *Sobranie sochinenii: v 10 t.* [Collected works: in 10 volumes]. (3), Moscow, Statut, 781.

Bachilo, I. L. & Antopolsky, A. A. & Belov, G. V. (2005) *Kontseptsiya razvitiya informatsionnogo zakonodatel`stva* [Concept of development of information legislation]. *Gosudarstvo i pravo*, (7), 47–62.

Bachilo, I. L. (2016) *Ponyatiinyi apparat informatsionnogo prava i sistema obespecheniya informatsionnoi bezopasnosti* [Conceptual apparatus of information law and the system of ensuring information security]. *Trudy instituta gosudarstva i prava RAN*, (3), 5–16.

Bachilo, I. L. (ed.) (2014) *Kontseptsiya Informatsionnogo kodeksa Rossiiskoi Federatsii* [Concept of the Information Code of the Russian Federation]. Moscow, Kanon-plyus, 192.

Berzhel, J. L. (2000) *Obshchaya teoriya prava* [General theory of law]. Moscow, Izdatel`skii dom NOTA BENE, 576.

Bobrova, L. A. (2019) *Problema myshleniya v sovremennoi epistemologii: Analiticheskii obzor* [The problem of thinking in modern epistemology: an analytical review]. Moscow, RAN. INION. Tsentr gumanitarnykh nauchno-informatsionnykh issledovaniy. Otdelenie filosofii, 67.

Golovina, S. Yu. (1997) *Ponyatiinyi apparat trudovogo prava* [Conceptual apparatus of labor law]. Ekaterinburg, Izdatel`stvo UrGYUA, 180.

Kazimirchuk, V. P. (ed.) (2000) *Kontseptsiya stabil`nosti zakona* [Law stability concept]. Moscow, Prospekt, 176.

Konovalov, A. V. (2018) *Deistvie printsipov prava i ikh rol` v formirovanii pravoporyadka* [The operation of the principles of law and their role in the formation of the legal order]. *Lex Russica*, (10:143), 9–17.

Kuznetsov, P. U. (2012) *Problemy formirovaniya istochnikov normativnogo obespecheniya informatsionnoi sredy* [Problems of formation of sources of regulatory support for the information environment]. *Informatsionnoe obshchestvo: problemy razvitiya zakonodatel`stva* [Information society: problems of legislative development]: conference papers. Moscow, IGP RAN; Yuridicheskoe izdatel`stvo «YURKOMPANI», 29–42.

Lapaeva, V. V. (2005) *Problema ogranicheniya prav i svobod cheloveka i grazhdanina v Konstitutsii RF (opyt doktrinal`nogo osmysleniya)* [The problem of limiting the rights and freedoms of human and citizen in the Constitution of the Russian Federation (experience of doctrinal understanding)]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (7), 13–23.

Makovskii, A. L. (2010) *O kodifikatsii grazhdanskogo prava (1922–2006)* [On the codification of civil law]. Moscow, Statut, 736.

Malko, A. V. (2009) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]: textbook. Moscow, KNORUS, 400.

Minbaleev, A. V. & Petrovskaya, O. V. (2022) Problemy realizatsii printsipa dostovernosti informatsii v usloviyakh tsifrovoy transformatsii [Problems of implementing the principle of information reliability in the context of digital transformation]. *Rossiiskii yuridicheskii zhurnal*, (4), 20–28.

Naumov, V. B. (2018) Negativnye zakonomernosti formirovaniya ponyatiinogo apparata v sfere regulirovaniya Interneta i identifikatsii [Negative patterns of formation of conceptual apparatus in the sphere of Internet regulation and identification]. *Informatsionnoe pravo*, (1), 32–39.

Polyakova, T. A. (2008) *Pravovoe obespechenie informatsionnoi bezopasnosti pri postroenii informatsionnogo obshchestva v Rossii* [Legal support for information security in building an information society in Russia]: doct. jur. sc. thesis. Moscow, 438.

Polyakova, T. A. (2015) Sistematizatsiya informatsionnogo zakonodatel'stva – vazhnaya sostavlyayushchaya formirovaniya edinogo informatsionno-pravovogo prostranstva [Systematization of information legislation is an important component of the formation of a unified information and legal space]. *Sistematizatsiya i kodifikatsiya informatsionnogo zakonodatel'stva* [Systematization and codification of information legislation]: conference papers. Moscow, Kanon-plyus, 41–44.

Shebanov, A. F. (1971) Sistema zakonodatel'stva kak nauchnaya osnova kodifikatsii [The system of legislation as a scientific basis for codification]. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo*, (12), 30–38.

Smirnova, A. V. (2020) *Printsipy prava v sisteme istochnikov sovremennogo rossiiskogo prava* [Principles of law in the system of sources of modern Russian law]: abstract of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 24.

Starcev, M. V. & Hlebnikov, V. V. & Dzhabrailov, M. A. (2021) «Tsifrovoye slaboumie» molodezhi kak problema sovremennogo obrazovaniya [‘Digital dementia’ of youth as a problem of modern education]. *Psychological and pedagogical journal ‘Gaudeamus’*, 20 (2:48), 69–75.

Ustinovich, E. S. (2010) Voprosy metodologii informatsionnoi deyatel'nosti v gosudarstvennom upravlenii [Questions of methodology of information activities in public administration]. *Informatsionnoe pravo*, (3), 3–6.

Информация об авторе

Екатерина Всеволодовна Дженакова – преподаватель кафедры информационного права и цифровых технологий Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (e-mail: djencath@mail.ru).

Information about the author

Ekaterina V. Dzhenakova – Lecturer of Department of Information Law and Digital Technologies of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (e-mail: djencath@mail.ru).

© Е. В. Дженакова, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Заметина Т. В., Троицкая Т. В. Избирательное законодательство и выборы в XXI веке // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 30–40. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_30.

Information for citation:

Zametina, T. V. & Troitskaya, T. V. (2025) Izbiratel`noe zakonodatel`stvo i vybory v XXI veke [Electoral Legislation and Elections in the XXI century]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 30–40. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_30.

УДК 342(470)(072.8)

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_30.

Научная статья

ИЗБИРАТЕЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ВЫБОРЫ В XXI ВЕКЕ

Т. В. Заметина

Саратовская государственная юридическая академия

ORCID ID: 0000-0002-7506-6886

Т. В. Троицкая

Саратовская государственная юридическая академия

ORCID ID: 0000-0001-8483-224X

Выборы – это стратегический общественно-политический и правовой институт, способствующий реализации демократических механизмов государства, процессу волеизъявления граждан. Цель исследования – изучение тенденций развития конституционно-правовых основ организации и проведения выборов в Российской Федерации и их трансформации в сфере обеспечения прав субъектов избирательного процесса, с учетом новых вызовов и угроз национальной безопасности, независимости страны, попыток внешнего вмешательства. Развивающиеся общественные отношения в сфере организации и проведения выборов свидетельствуют о появлении новых аспектов, требующих нормативного регулирования. Безопасные и свободные выборы не только обеспечат преемственность и политическую новацию структурных составляющих Российского государства, но и будут способствовать формированию электоральной культуры в обществе. По итогам исследования сформулирован вывод о необходимости включения раздела «Безопасность порядка организации и проведения выборов в Российской Федерации» в Стратегию национальной безопасности. В условиях информационного общества подчеркивается важность дальнейшего совершенствования российского избирательного законодательства, развития цифровых, информационных избирательных технологий, а также создания механизмов противодействия иностранному вмешательству в процесс организации и проведения выборов и минимизации последствий деструктивных действий недобросовестных субъектов избирательно-правовых отношений.

Ключевые слова: избирательное законодательство, выборы, национальная безопасность, электоральная культура, общественный контроль, кандидат, иностранный агент, средства массовой информации

ELECTORAL LEGISLATION AND ELECTIONS IN THE XXI CENTURY

Tamara V. Zametina

Saratov State Law Academy

ORCID ID: 0000-0002-7506-6886

Tatiana V. Troitskaya

Saratov State Law Academy

ORCID ID: 0000-0001-8483-224X

Elections are a strategic socio-political and legal institution that promotes the implementation of democratic mechanisms of the state, the process of expression of the will of citizens. The purpose of the article is to study the trends in the development of the constitutional and legal foundations of the organization and conduct of elections in the Russian Federation and their transformation in the field of ensuring the rights of subjects of the electoral process, taking into account new challenges and threats to national security, the independence of the country, attempts at external interference. The developing public relations in the field of organizing and conducting elections indicate the emergence of new aspects that require normative regulation. Safe and free elections will not only ensure the continuity and political innovation of the structural components of the Russian state, but will also contribute to the formation of an electoral culture in society. Based on the results of the study, a conclusion was formulated on the need to include the section 'Security of the organization and conduct of elections in the Russian Federation' in the National Security Strategy. In the context of the information society, the importance of further improving Russian electoral legislation, developing digital and information electoral technologies, as well as creating mechanisms to counter foreign interference in the process of organizing and conducting elections and minimizing the consequences of destructive actions by unscrupulous subjects of electoral law relations is emphasized.

Keywords: *electoral legislation, elections, national security, electoral culture, public control, candidate, foreign agent, mass media*

Введение

Демократический порядок функционирования государства предполагает наличие институтов участия граждан в механизме государственного управления. Выборы – это легитимная и конституционно регламентированная форма волеизъявления граждан, основа народовластия и конституционного строя, политико-правовой институт формирования и реформирования органов государственной власти и местного самоуправления. По мнению Е. И. Колюшина, как «объективное конституционное право избирать и быть избранным, так и одноименное субъективное конституционное право имеют ценность только при наличии выборных органов и должностных лиц» [Колюшин, 2020: 32].

Как отмечал В. Т. Кабышев, «каждому историческому этапу развития общества присущ определенный тип взаимоотношений человека и власти» [Кабышев, 2013: 51]. Порядок организации и проведения выборов в государстве отражает не только уровень избирательного законодательства и содействия избирательным комиссиям в организации избирательного процесса, но и характер, формы взаимодействия общества и государства, степень развитости общественных институтов, информационной открытости и политической зрелости общества. По мнению Н. М. Сизико-

вой, выборы – «это одна из главных форм приобретения и удержания власти. Выборы позволяют осуществлять частичный контроль как за законодательными, так и за исполнительными органами государственной власти, а также органами местного самоуправления и некоторыми должностными лицами» [Сизикова, 2023: 152].

Существующий порядок организации и функционирования избирательных механизмов отражает особенности исторического, национально-культурного развития государства. Баланс интересов общества и государства в сфере избирательно-правовых отношений выражается в следующей формуле: с одной стороны, происходит конституционно-правовое закрепление механизма участия граждан в управлении делами государства, в том числе посредством организации и проведения выборов, деятельности политических партий и др., с другой стороны, устанавливаются организационные и институциональные процедуры государственного регулирования электоральных отношений, основания ограничений избирательных прав. Конституционный Суд РФ в одном из своих решений отметил, что «избирательные права, выступая в качестве элемента конституционного статуса избирателя, в то же время являются элементом публично-правового института выборов, в них воплощаются как личный интерес каждого конкретного избирателя, так и публичный интерес, реализующийся в объективных итогах выборов и формировании на этой основе органов публичной власти» (постановление Конституционного Суда РФ от 29 ноября 2004 г. № 17-П). Данная правовая позиция органа конституционного контроля подчеркивает двуединое значение избирательного права для государства и его граждан, предопределяет не только институциональную для государственных органов, но и гарантирующую, правообеспечительную роль избирательного права в объективном смысле по отношению к конституционному праву граждан участвовать в выборах. Б. С. Эбзеев справедливо отмечает, что «избирательное право – не только субъективное право гражданина, это и тягота во имя общего блага» [Эбзеев, 2016: 55]. Результатом поиска баланса частных и публичных интересов в этой сфере будет позитивное развитие общественно-политических связей и удовлетворение потребностей по участию личности и общества в механизме государственного управления и обеспечения элемента доверия к власти. Согласно ст. 75.1 Конституции РФ в России создаются условия для взаимного доверия государства и общества, «для российского законодательства принцип доверия должен играть значительную роль, определяя отношения граждан не только с отдельными органами государственной власти, но и с государством в целом» [Стребкова, 2013: 51].

Избирательная система молодого Российского государства в начале 90-х гг. прошлого века характеризовалась широким участием общественных объединений и граждан в осуществлении избирательных действий, отсутствием требований к кандидатам, связанным с их безупречной репутацией и другими факторами. Избирательное законодательство сегодня трансформируется под влиянием процессов цифровизации и информатизации, признания связи конституирования институтов представительной демократии с государственным суверенитетом, учитывает важность формирования политической и правовой культуры электората. К сожалению, население страны не всегда в полной мере понимает «собственную роль и значимость в реализации демократии в стране, часто не верит в реальность существования демократических процессов при формировании органов государственной власти» [Мельников, Кукушкина, 2018: 345]. Многие факторы, «оказывающие значительное влияние на то, как отдельный человек или социальная группа воспринимает политическую действительность, и то, как это восприятие отражается в электоральном поведении, изучаются лишь по внешним, косвенным проявлениям, что не позволяет сформировать цельную и непротиворечивую теоретическую

модель, которую возможно было бы проверить на практике» [Лыткина, 2016: 37]. Осознанное участие в выборах во многом зависит от информированности и политической социализации граждан, развитости институтов гражданского общества в целом. Выборы любого уровня власти – это дело «ответственности не только организаторов и участников выборов и отдельных более или менее активных сегментов электората, но и всего социума, как гарантия достойной жизни и всестороннего развития общества» [Гасанов, Эбзеев, 2017: 11].

Деструктивные факторы, возникающие во время проведения избирательных кампаний в современных государствах, открытые провокации и попытки вмешательства во внутренние дела вызывают необходимость закрепления новых инструментов, обеспечивающих проведение свободных и безопасных выборов в России. Они должны стать частью системы обеспечения национальной безопасности России, которая определяется как «деятельность государственных и негосударственных учреждений, граждан по выявлению и предотвращению угроз безопасности личности, общества и государства, а также по защите национальных интересов Российской Федерации» [Борисов, 2020: 64]. При этом, по мнению специалистов, «обеспечение электоральной безопасности не сводится к противодействию иностранному вмешательству... вмешательство в избирательные процессы может исходить от внутренних источников угроз» [Бояшов, 2023: 5].

Материалы и методы

Трансформации современного избирательного законодательства способствовала конституционная реформа 2020 г., которая определила перспективные стратегические направления развития России, установила дополнительные гарантии независимости, территориальной и государственной целостности страны.

Помимо рамочного Федерального закона от 12 июня 2002 г. № 67-ФЗ (ред. от 8 сентября 2024 г. № 232) «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», федеральных и региональных нормативных правовых актов о проведении конкретных выборов, важную роль в сфере организации и проведения выборов в условиях информационного общества играют решения избирательных комиссий Российской Федерации различного территориального уровня организации (например, о порядке электронного голосования на выборах см. постановление ЦИК России от 3 июля 2024 г. № 175/1389-8 «О Порядке электронного голосования на выборах и референдумах, проводимых в Российской Федерации»).

Геополитический кризис актуализировал вопросы сотрудничества России с другими странами, в том числе в сфере электоральных отношений. Коллаборация со странами СНГ приобретает стратегическое значение, тем более когда на обсуждение выносятся вопросы безопасности организации и проведения выборов. На площадке Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ одной из главных повесток взаимодействия становится электоральная безопасность. Межпарламентская Ассамблея осуществляет разработку, обсуждение и принятие проектов модельных законодательных актов и документов международного права, учитывающих риски иностранного вмешательства в избирательный процесс [Амбурцев, 2022: 45].

Результаты

На первоначальном этапе развития Российского государства рамочные избирательные законы 1994 и 1997 гг. устанавливали лишь основные принципы избирательного права и стадии избирательного процесса (Федеральный закон от

6 декабря 1994 г. № 56-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав граждан Российской Федерации», Федеральный закон от 19 сентября 1997 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»). Указанные законы можно считать актами переходного периода формирования институтов российской демократии. По мере укрепления российской избирательной системы (в которой, несмотря на все трудности переходного периода, международные избирательные стандарты нашли адекватное выражение), оптимизации российского законодательства, активизации роли политических партий в государственной и общественной жизни на повестку дня поставлены вопросы обеспечения национальной безопасности, государственного суверенитета, укрепления российской государственности, повышения эффективности функционирования властных институтов, создания дополнительных гарантий реализации и защиты избирательных прав в условиях применения современных избирательных технологий.

Законодательство страны трансформируется по мере появления новых общественных отношений и угроз, требующих правового реагирования. Как отмечается в Специальном докладе Комиссии Совета Федерации по защите государственного суверенитета и предотвращению вмешательства во внутренние дела Российской Федерации «Об особенностях защиты государственного суверенитета России в 2022–2023 годах» (от 21 июня 2023 г.), «с началом СВО и тотальным переходом Запада к прямому противостоянию с Москвой, в их гибридной войне конечной целью является не просто смена власти в России, к чему наши недруги стремились на протяжении последних десятилетий, а уничтожение самого нашего государства».

До настоящего времени продолжается процесс совершенствования избирательно-правовых отношений с целью организации выборов, обеспечивающих ключевые аспекты национальной безопасности России. С. В. Кабышев, анализируя избирательное законодательство, приходит к справедливому выводу о том, что «законодательство – первейшая гарантия прав граждан, поэтому важно устранять все, что создает угрозу их нарушения, своевременно внося соответствующие изменения» [Кабышев, 2018: 6]. Выборы в XXI в. предполагают закрепление правовых гарантий невмешательства иностранных государств в процесс организации и проведения выборов, а также правовую формализацию инструментов осуществления безопасных выборов.

В Российской Федерации вся архитектура избирательно-правовых связей базируется на положениях, определяющих: выбор разновидностей избирательной системы, применяемой на различных территориальных уровнях; статус гражданина как субъекта избирательно-правовых отношений; статус избирательного объединения как основного субъекта выдвижения кандидатов и списков кандидатов; механизм информационного обеспечения выборов и ответственность за нарушение избирательного законодательства.

С 1993 г. в России шел поиск оптимальной национальной избирательной системы, применяемой на федеральном, региональном и местном уровнях. Переход на пропорциональную систему на выборах депутатского корпуса в 2007 г. показал неготовность партийной и политической системы России к такой трансформации. Возвращение в 2012 г. смешанной избирательной системы способствовало гармонизации форм участия политических партий в процессе выдвижения кандидатов, списков кандидатов, а также отдельных граждан Российской Федерации. В сложившейся ситуации элементом государственного управления должен стать процесс формирования нормативно-правовой базы и инструментов правоприменения, обе-

спечивающих безопасность избирательной системы [Белоновский, 2019; Мушкет, Амбурцев, 2022].

Статус кандидата на выборную должность отражает потребности общества и государства в политических лидерах, которые будут отстаивать национальные интересы развития страны. Россия, в отличие от многих зарубежных стран, предъявляет существенные требования к кандидатам на выборные должности, в числе которых – морально-нравственные качества. Требования к кандидатам на выборные должности, в частности, связаны с запретом иметь гражданство иностранного государства либо документ, предоставляющий право на проживание на территории иностранного государства, невозможностью иметь имущество, вклады, ценные бумаги и т. д. за рубежом.

В условиях демократического государства средства массовой информации выступают важным связующим звеном между избирателями, кандидатами и государственными структурами. Как отмечает С. А. Сусликов, «свободные и независимые средства массовой информации являются в то же время непременным условием формирования подлинно гражданского общества и правового государства» [Сусликов, 2007: 3]. Освещая важнейшие события в рамках избирательной кампании, в частности выдвижение кандидатов и партийных списков, работу избирательных комиссий, предвыборную агитацию и др., средства массовой информации играют значительную роль в общественно-политической жизни социума. Поскольку современное общество тесно связано с информационными технологиями, что позволяет гражданам следить за общественно-политическими процессами и становиться их частью, средства массовой информации выступают важным инструментом обеспечения прозрачности многих демократических процессов, а также гласности в работе избирательных комиссий. Граждане страны имеют право на получение не просто информации, а правдивой, достоверной информации о ходе организации и проведения выборов. Начиная с 2016 г. в отношении представителей средств массовой информации устанавливается процедура прохождения аккредитации, что обусловлено необходимостью введения государственных механизмов контроля за достоверностью информации о выборах, обеспечения национальной безопасности государства. Вместе с тем до настоящего времени не установлена ответственность представителей средств массовой информации за распространение недостоверной информации, дискредитирующей работу органов государственной власти и деятельность отдельных субъектов избирательно-правовых отношений. В контексте рассматриваемой проблемы одной из задач государства является установление ответственности участников избирательного процесса за распространение недостоверных данных о ходе выборов, способствующих формированию искаженного сознания в российском обществе, подрывающих доверие населения к институтам власти. Кроме того, в соответствии со ст. 3.4 Федерального закона от 28 декабря 2012 г. № 272-ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушению основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан Российской Федерации» деятельность иностранного СМИ может быть запрещена (ограничена) на территории Российской Федерации.

Специальная военная операция повлекла за собой изменения процедурных основ проведения выборов на территории Российской Федерации. Так, были внесены изменения в части проведения выборов при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации, а также военного положения (Федеральный закон от 29 мая 2023 г. № 184-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). Непосредственно с обеспечением национальной безопасности России связаны изменения избирательного законодательства

2024 г. (Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 232-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации»). Устанавливается запрет на реализацию статуса члена избирательной комиссии, наблюдателя, доверенного лица и других субъектов избирательно-правовых отношений для лиц, включенных в реестр причастных к деятельности экстремистских или террористических организаций либо подвергнутых административному наказанию по статьям Кодекса РФ об административных правонарушениях в сфере экстремистской деятельности. Для кандидатов, получивших статус иностранного агента, устанавливается требование о прекращении указанного статуса к моменту представления документов на их регистрацию в соответствующую избирательную комиссию.

Изменения коснулись и организационных компонентов проведения избирательных кампаний в Российской Федерации; были установлены: предельный размер расходования денежных средств из избирательных фондов до процедуры регистрации соответствующих кандидатов, списков кандидатов; требования к составлению списка наблюдателей и информации о них; сокращенные сроки подачи заявок на аккредитацию средств массовой информации. Современный этап развития российского избирательного законодательства характеризуется расширением процедур применения цифровых информационных технологий и механизмов защиты прав избирателей и других участников избирательного процесса [Дубровина, 2024: 18]. Повышение уровня правовой культуры населения также остается приоритетным направлением развития избирательного законодательства, поскольку это влияет на «...результативность действующих избирательных процедур» [Шапошников, 2024: 37]. В целом же «существенные изменения в законодательство о выборах направлены на создание наиболее благоприятных условий для реализации прав участников избирательного процесса и дополнительных правовых предпосылок для обеспечения гласности и открытости при проведении выборов»¹.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что основные параметры российской избирательной системы, принципов избирательного права были определены Конституцией РФ и федеральными законами, их изменения не носили дестабилизирующего характера. Российское избирательное законодательство, признавая основные международные избирательные стандарты, учитывает национальные электоральные традиции. Одним из ключевых направлений его развития в XXI в. стало принятие дополнительных мер по обеспечению государственного суверенитета и национальной безопасности России, в том числе при проведении выборов. Институт выборов выступает необходимым элементом парламентаризма и конституционного строя, проявлением конституционализма, который «является не застывшим, а развивающимся под влиянием исторической практики знанием»; концептуальной системой, открытой социальному опыту соответствующего народа [Эбзеев, 2023: 21].

В последние десятилетия избирательное законодательство характеризуется конкретизацией: элементов избирательной системы, применяемой на федеральных и региональных выборах; понятия и форм избирательных объединений, участвующих в механизме выдвижения кандидатов на выборные должности, списков кандидатов; процедуры аккредитации средств массовой информации, имеющих право

¹ URL: <http://council.gov.ru/services/discussions/blogs/89743/> (дата обращения: 28.03.2025).

освещать ход организации и проведения выборов; процедуры осуществления общественного контроля на выборах в России, круга субъектов его реализации и их полномочий; требований, предъявляемых к кандидатам на выборные должности, в том числе в сфере недопустимости иностранного вмешательства в процесс организации выборов; ответственности за распространение недостоверной информации о ходе организации и проведения выборов; возможности при определенных условиях проведения выборов в условиях чрезвычайных обстоятельств; порядка применения современных информационных и цифровых технологий в избирательном процессе.

На современном этапе необходимо продолжить процесс совершенствования российского избирательного законодательства в части правовой формализации условий применения современных цифровых информационных технологий, а также недопустимости иностранного вмешательства в процесс организации и проведения выборов и минимизации последствий деструктивных действий недобросовестных субъектов избирательно-правовых отношений. С этой целью следует включить в Стратегию национальной безопасности Российской Федерации, утвержденную Указом Президента РФ от 2 июля 2021 г. № 400, положения, посвященные вопросам безопасности порядка организации и проведения выборов в Российской Федерации.

Библиографический список

Амбурцев Р. А. Зарубежное голосование на выборах в Республике Молдова (на примере избирательных кампаний 2019–2021 гг.) // Международный правовой журнал «Проблемы права». – 2022. – № 4 (87). – С. 44–53.

Безопасность избирательного процесса / А. С. Бояшов и др. – СПб.: Секретариат Совета МПА СНГ, 2023. – 96 с.

Белоновский В. Н. Электоральная безопасность: проблемы теории и практики // Правовая безопасность личности, государства и общества: сб. ст. XIX Междунар. науч. конф. – М.: Рос. гос. гуманитар. ун-т, 2019. – С. 77–88.

Борисов В. В. Некоторые проблемы обеспечения национальной безопасности в Российской Федерации и зарубежный опыт обеспечения национальной безопасности // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Право. – 2020. – Т. 5. – Вып. 2. – С. 64–71.

Гасанов И. Б., Эбзеев Б. С. Просвещенная свобода выбора – политический императив времени // Избирательное законодательство и практика. – 2017. – № 2. – С. 3–11.

Дубровина Ю. Я. Конституционно-правовая защита избирательных прав граждан в условиях применения современных избирательных технологий в России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2024. – 29 с.

Кабышев В. Т. С Конституцией по жизни. – М.: Формула права, 2013. – 320 с.

Кабышев С. В. Вопросы совершенствования законодательства о выборах Президента РФ // Избирательное законодательство и практика. – 2018. – № 2. – С. 3–7.

Колюшин Е. И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. – М.: Инфра-М, 2020. – 324 с.

Лыткина К. А. Теоретические основы изучения феномена электоральной культуры // Среднерусский вестник общественных наук. – 2016. – Т. 11. – № 1. – С. 36–41.

Мельников И. Н., Кукушкина Л. А. Правовая культура современного российского общества и ее роль в формировании электоральной культуры // Вестник КГУ. – 2018. – № 2. – С. 344–347.

Мушкет И. И., Амбурцев Р. А. Деятельность государственных органов по противодействию иностранному вмешательству в электоральные процессы // Legaltech:

научные решения для профессиональной юридической деятельности: сб. докладов IX Московского юрид. форума: в 4 ч. XXI Междунар. науч.-практ. конф. – Ч. 3. – М.: Изд. центр Ун-та им. О. Е. Кутафина (МГЮА), 2022. – С. 19–30.

Сизикова Н. М. Выборы как форма современного народовластия // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 8 (224). – С. 152–155.

Стребкова Е. Г. Сила власти в доверии // Конституционное развитие России: межвуз. сб. науч. ст. / под ред. В. Т. Кабышева. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. юрид. акад., 2013. – С. 50–54.

Сусликов С. А. Конституционно-правовое регулирование средств массовой информации в Российской Федерации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2007. – 26 с.

Шапошников А. В. Особенности избирательного права граждан в современном избирательном процессе // Гражданин. Выборы. Власть. – 2024. – № 2 (32). – С. 34–42.

Эбзеев Б. С. Избирательная система и Конституция Российской Федерации // Гражданин. Выборы. Власть. – 2016. – № 4. – С. 53–56.

Эбзеев Б. С. Конституция как юридическая модель социальной конвергентной технологии (к 30-летию Конституции России) // Государство и право. – 2023. – № 12. – С. 21–39.

References

Amburtsev, R. A. (2022) Zarubezhnoe golosovanie na vyborakh v Respublike Moldova (na primere izbiratel`nykh kampanii 2019–2021 gg.) [Foreign voting in the elections in the Republic of Moldova (on the example of the election campaigns of 2019–2021)]. *Mezhdunarodnyi pravovoi zhurnal 'Problemy prava'*, (4:87), 44–53.

Belonovskiy, V. N. (2019) Elektoral`naya bezopasnost`: problemy teorii i praktiki [Electoral security: problems of theory and practice]. *Pravovaya bezopasnost` lichnosti, gosudarstva i obshchestva* [Legal security of the individual, the state and society]: conference papers. Moscow, Rossiiskii gosudarstvennyi gumanitarnyi universitet, 77–88.

Borisov, V. V. (2020) Nekotorye problemy obespecheniya natsional`noi bezopasnosti v Rossiiskoi Federatsii i zarubezhnyi opyt obespecheniya natsional`noi bezopasnosti [Some problems of ensuring national security in the Russian Federation and foreign experience in ensuring national security]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, 5 (2), 64–71.

Boyashov, A. S., et al. (2023) *Bezopasnost` izbiratel`nogo protsessa* [Security of the electoral process]. Saint-Petersburg, Sekretariat Soveta MPA SNG, 96.

Dubrovina, Yu. Ya. (2024) *Konstitutsionno-pravovaya zashchita izbiratel`nykh prav grazhdan v usloviyakh primeneniya sovremennykh izbiratel`nykh tekhnologii v Rossii* [Constitutional and legal protection of citizens' electoral rights in the context of the use of modern electoral technologies in Russia]: autoabstr. of kand. jur. sc. thesis. Saratov, 29.

Ebzeev, B. S. (2016) *Izбирatel`naya sistema i Konstitutsiya Rossiiskoi Federatsii* [The electoral system and the Constitution of the Russian Federation]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast`*, (4), 53–56.

Ebzeev, B. S. (2023) *Konstitutsiya kak yuridicheskaya model` sotsial`noi konvergentnoi tekhnologii (k 30-letiyu Konstitutsii Rossii)* [The Constitution as a legal model of social convergent technology (on the 30th anniversary of the Constitution of Russia)]. *Gosudarstvo i pravo*, (12), 21–39.

Hasanov, I. B. & Ebzeev, B. S. (2017) *Prosveshchennaya svoboda vybora – politicheskii imperativ vremeni* [Enlightened freedom of choice – a political imperative of the time]. *Izбирatel`noe zakonodatel`stvo i praktika*, (2), 3–11.

Kabyshev, S. V. (2018) Voprosy sovershenstvovaniya zakonodatel'stva o vyborakh Prezidenta RF [Issues of improving legislation on presidential elections in the Russian Federation]. *Izбирatel'noe zakonodatel'stvo i praktika*, (2), 3–7.

Kabyshev, V. T. (2013) *S Konstitutsiei po zhizni* [With the Constitution for life]. Moscow, Formula prava, 320.

Kolyushin, E. I. (2020) *Vybory i izбирatel'noe pravo v zerkale sudebnykh reshenii* [Elections and electoral law in the mirror of judicial decisions]. Moscow, Infra-M, 324.

Lytkina, K. A. (2016) Teoreticheskie osnovy izucheniya fenomena elektoral'noi kul'tury [Theoretical foundations of studying the phenomenon of electoral culture]. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk*, 11 (1), 36–41.

Mel'nikov, I. N. & Kukushkina, L. A. (2018) Pravovaya kul'tura sovremennogo rossiiskogo obshchestva i ee rol' v formirovaniі elektoral'noi kul'tury [The legal culture of modern Russian society and its role in the formation of electoral culture]. *Vestnik KGU*, (2), 344–347.

Musket, I. I. & Amburtsev, R. A. (2022) Deyatel'nost' gosudarstvennykh organov po protivodeistviyu inostrannomu vmeshatel'stvu v elektoral'nye protsessy [Electronic counteraction to interference in the activities of a foreign process organ state boilers]. *Legaltech: nauchnye resheniya dlya professional'noi yuridicheskoi deyatel'nosti* [Legaltech: scientific activity for a professional legal solution]: conference papers. Moscow, Izdatel'skii tsentr Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA), 19–30.

Shaposhnikov, A. V. (2024) Osobennosti izбирatel'nogo prava grazhdan v sovremennom izбирatel'nom protsesse [Features of citizens' electoral rights in the modern electoral process]. *Grazhdanin. Vybory. Vlast'*, (2:32), 34–42.

Sizikova, N. M. (2023) Vybory kak forma sovremennogo narodovlastiya [Elections as a form of modern democracy]. *Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika*, (8:224), 152–155.

Strebkova, N. G. (2013) Sila vlasti v doverii [The force of power in trust]. *Konstitutsionnoe razvitie Rossii* [Russian constitutional development]: conference papers. Saratov, Izdatel'stvo Saratovskoi gosudarstvennoi yuridicheskoi akademii, 50–54.

Suslikov, S. A. (2007) *Konstitutsionno-pravovoe regulirovanie sredstv massovoi informatsii v Rossiiskoi Federatsii* [Constitutional and legal regulation of mass media in the Russian Federation]: autoabstr. of kand. jur. sc. thesis. Saratov, 26.

Информация об авторах

Тамара Владимировна Заметина – доктор юридических наук, профессор, ведущий кафедрой конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии (e-mail: zametina_saratov@mail.ru).

Татьяна Викторовна Троицкая – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права имени профессора И. Е. Фарбера и профессора В. Т. Кабышева Саратовской государственной юридической академии (e-mail: troiskaya@yandex.ru).

Information about the authors

Tamara V. Zamyatina – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy (e-mail: zametina_saratov@mail.ru).

Tatiana V. Troitskaya – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Constitutional Law named after Professor I. E. Farber and Professor V. T. Kabyshev of the Saratov State Law Academy (e-mail: troiskaya@yandex.ru).

© Т. В. Заметина, 2025

© Т. В. Троицкая, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Кисленко С. Л., Фокин А. Д. Мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий как угроза национальной безопасности Российской Федерации // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 41–54. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.

Information for citation:

Kislenko, S. L. & Fokin, A. D. (2025) Moshennichestvo s ispol`zovaniem informatsionno-telekommunikatsionnykh tekhnologii kak ugroza natsional`noi bezopasnosti Rossiiskoi Federatsii [Fraud Using Information and Telecommunication Technologies as a Threat to the National Security of the Russian Federation]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 41–54. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.

УДК 343.3

BISAC 026000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_41.

Научная статья

МОШЕННИЧЕСТВО С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕЛЕКОММУНИКАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

С. Л. Кисленко

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
ORCID ID: 0009-0003-6751-9034

А. Д. Фокин

Московский государственный юридический университет имени О. Е. Кутафина
ORCID ID: 0009-0002-2943-1464

В настоящее время мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий становится весьма популярным направлением в криминальной среде. В первую очередь это обуславливается привлекательностью для криминала данного направления ввиду наличия потенциальной возможности получения мошенниками сверхприбыли от преступной деятельности. Число преступлений в указанной сфере неуклонно растет. Особенности современной геополитической ситуации, а также масштабность данного вида преступлений обуславливают необходимость рассмотрения последних с позиций обеспечения национальной безопасности Российского государства. Цель исследования – выявить особенности лиц, совершающих мошенничество с использованием информационно-телекоммуникационных технологий с учетом связи их характеристик со способами подготовки, реализации и сокрытия данного вида мошенничества. Отдельная задача – дать криминалистический анализ таким явлениям, как мошеннический call-центр, дропперство. Методологической базой исследования является совокупность различных методологических приемов, средств познания и эмпирического исследования. Применялись и использовались общие и частнонаучные методы познания: формально-логический, системно-структурный, анализ; ситуационный; обобщение и описание;

статистический; сравнение и иные методы. В статье приводятся рекомендации по превенции данного вида преступлений с учетом современного законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: мошенничество, способ преступления, недвижимое имущество, расследование преступлений, call-центр, средства телефонии

FRAUD USING INFORMATION AND TELECOMMUNICATION TECHNOLOGIES AS A THREAT TO THE NATIONAL SECURITY OF THE RUSSIAN FEDERATION

Sergei L. Kislenco

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
ORCID ID: 0009-0003-6751-9034

Andrey D. Fokin

Moscow State Law University named after O. E. Kutafin
ORCID ID: 0009-0002-2943-1464

Currently fraud using information and telecommunication technologies is becoming a very popular area in the criminal environment. First of all, the attractiveness of this area for crime is explained by the potential for fraudsters to receive excess profits from criminal activities. The number of crimes in this area is steadily increasing. The peculiarities of the modern geopolitical situation, as well as the scale of this type of crime are determined, necessitate of the consideration of the latter from the standpoint of ensuring the national security of the Russian state. The purpose of the study is to identify the characteristics of persons who commit fraud using information and telecommunication technologies, taking into account the relationship of their characteristics with the methods of preparation, implementation and concealment of this particular type of fraud. A separate task is to provide a forensic analysis of such phenomena as fraudulent call center, droppery. The methodological basis of the research is a set of various methodological techniques, means of cognition and empirical research. Thus, general and private scientific methods of cognition were applied and used: formal-logical, system-structural, analysis; situational; generalization and description; statistical; comparison and other methods. The article provides recommendations on the prevention of this type of crime, taking into account current legislation and law enforcement practice.

Keywords: *fraud, method of crime, real estate, investigation of crimes, call center, telephony facilities*

Введение

Современные разновидности мошенничества интенсивно интегрируют в цифровую среду. В условиях цифровизации экономического сектора и социума на первый план выходят криминальные способы дистанционного завладения имуществом граждан обманным путем. Среди средств реализации данного вида преступлений значительное место отводится информационно-телекоммуникационным технологиям. Данное обстоятельство предопределило необходимость формирования в рамках стратегии борьбы с преступностью системы эффективных мер противодействия

преступлениям, совершаемым с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, и снижения ущерба от их совершения (Указ Президента РФ от 7 июня 2024 г. № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»). В эпоху цифровой трансформации мошенничества такие меры направлены на:

1) противодействие использованию преступниками технологии подменных номеров. Современные мошенники активно задействуют IP-телефонию, предоставляющую возможность подключения в упрощенной форме без подтверждения персональных данных абонента¹, используют технологии скрытия данных о местоположении серверов и абонентских устройств (например, путем использования VPN и Proху-сервисов при совершении вызовов по системе IP-телефонии) и пр.;

2) борьбу с фишингом, используя который злоумышленники пытаются получить конфиденциальную информацию, такую как логины, пароли, номера кредитных карт и другие личные данные, выдавая себя за надежные организации или лиц. В качестве средств реализации современного фишинга мошенники все чаще используют разнообразные интернет-ресурсы (торговые интернет-площадки, социальные сети, онлайн-сервисы и пр.) в целях: сбора информации о потенциальной жертве (интересы, предпочтения и пр.); подготовки мошеннических схем завладения имуществом потерпевшего; распространения фейковой информации и пр. При этом отмечается зависимость данного криминального направления от национальных особенностей. Так, в Бразилии преступники подделывают платформы электронной торговли и телеком-операторов в целях кражи учетных данных; в Китае злоумышленники используют поддельные онлайн-магазины; для России популярным направлением фишинговых атак являются порталы оказания государственных услуг; в ЮАР мошенники рассылают спам-письма с обещанием призов и выигрыша в лотерею²;

3) противодействие утечкам персональных данных. Продвинутые мошенники могут прибегать к созданию сайтов с объявлениями о продаже товаров, при посещении которых ссылка ведет клиента на фейковую страницу. Здесь либо устанавливаются вредоносные программы для завладения персональными данными банковских карт потерпевших, либо преступники с использованием автоматизированных программ формируют базы данных потенциальных жертв (так называемый парсинг). Парсить могут как торговые площадки, так и социальные сети, онлайн-справочники и прочие базы данных в интернет-пространстве. В последующем такие сведения продаются в Интернете. Так, мошенники call-центров «Milton Group» сумели выкрасть из базы данных крупнейших банков США персональные данные европейских пенсионеров (в частности, информацию о наличии средств на банковских счетах)³.

Следует также констатировать транснациональный характер большинства видов телефонного мошенничества. В частности, по экспертной оценке специалистов

¹ Представляется, что после вступления в силу постановления Правительства РФ от 26 декабря 2024 г. № 1898 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» совершение мошенничества с использованием IP-телефонии будет затруднительным. Согласно данному документу из перечня лицензий на оказание услуг связи исключается лицензия на передачу интернет-данных с наложением голосовой информации.

² Формирование механизма противодействия угрозам информационной безопасности БРИКС – объективная потребность для суверенитета государств-участников межгосударственного объединения // Международная жизнь. URL: <https://interaffairs.ru/news/show/45745> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Российских пенсионеров обманывали как немецких // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7363194> (дата обращения: 22.02.2025).

Сбербанка, до 90 % call-центров, работающих против граждан РФ, находится на территории Украины. На Россию и все остальные страны приходится не более 10 %¹. При этом следует отметить, что современное телефонное мошенничество комбинирует коммерческие цели с разведывательными или террористическими. Как отметил Президент России В. В. Путин, против нашего государства развязана масштабная война в киберпространстве².

Таким образом, в настоящее время остро стоит вопрос о предотвращении и борьбе с телефонным мошенничеством как с разновидностью угрозы национальной безопасности.

Телефонное мошенничество – международный уровень угрозы

В 2024 г. мошенники похитили у россиян 250–300 млрд руб.³ При этом все чаще речь идет об организованном и масштабном телефонном мошенничестве, преследующем цели комплексного подрыва стабильности в экономической, социальной и других сферах нашего государства. Мошенники не только похищают денежные средства граждан, но и под предлогом их мнимого возвращения заставляют совершать противоправные (диверсионные, террористические) действия. Так, в декабре 2024 г. ФСБ РФ возбудило уголовное дело о заведомо ложных сообщениях об угрозах террористических актов (ч. 3 ст. 207 УК РФ), направленных на критическую инфраструктуру Москвы, Курска, Брянска и Белгорода. По данным правоохранителей, массовые сообщения и звонки были сделаны по указанию Службы безопасности Украины (СБУ) из call-центров «Milton Group»⁴.

При этом аналитики констатируют, что при современном уровне развития преступности ни одна из стран не может самостоятельно организованно и достаточно эффективно бороться с киберпреступлениями⁵. Отсутствие территориальной привязки дистанционного мошенничества, использование современных информационно-телекоммуникационных технологий предполагают консолидацию сил по борьбе с ними на межгосударственном уровне.

В связи с этим страны БРИКС объявили о тесном сотрудничестве для решения этого вопроса. Одним из ключевых аспектов подобного взаимодействия является обмен информацией о киберугрозах и инцидентах. Для этого страны БРИКС активно внедряют механизмы для оперативного информирования друг друга о киберпреступлениях и совместного реагирования на них. Так, по итогам состоявшейся в Москве 10-й встречи рабочей группы объединения по вопросам безопасности в сфере использования информационно-коммуникационных технологий принято решение о формировании реестра контактных пунктов БРИКС для обмена информацией о компьютерных атаках/инцидентах в расширенном составе участников⁶.

¹ Колл-центр «Бердянск». Телефонные мошенники и схемы обмана // СберБанк: офиц. сайт. URL: <http://www.sberbank.ru/ru/person/kibrary/investigations/berdyansk-glava-1> (дата обращения: 22.02.2025).

² Путин заявил, что против России развязана война в киберпространстве // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/14686131> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Сбербанк оценил сумму похищенных мошенниками у россиян в 2024 году денег // РБК НОВОСТИ. URL: <https://www.rbc.ru/society/11/01/2025/6781f36a9a79478d4e5c2708> (дата обращения: 22.02.2025).

⁴ Сообщения о терактах вывели ФСБ на мошеннические колл-центры // Newsinfo. URL: <https://www.newsinfo.ru/news/moshennichestvo-koll-centry-fsb/839247/> (дата обращения: 22.02.2025).

⁵ Страны БРИКС будут бороться против киберпреступлений сообща // Pravda.ru. URL: <https://www.pravda.ru/accidents/1141524-briks/> (дата обращения: 22.02.2025).

⁶ БРИКС создаст реестр контактных пунктов для обмена данными о компьютерных атаках // ТАСС. URL: <https://tass.ru/politika/20576825> (дата обращения: 22.02.2025).

Важным аспектом сотрудничества выступает также обмен опытом и технологиями в области кибербезопасности. Каждая из стран БРИКС имеет свой уникальный опыт и подход к защите своих киберпространств, и обмен этим опытом позволяет повысить общий уровень кибербезопасности в группе¹.

Пристальное внимание страны БРИКС уделяют проведению совместных действий по борьбе с мошенническими call-центрами. Жертвами массового телефонного мошенничества становятся граждане стран Юго-Восточной Азии, Евросоюза, России. Как констатируют отечественные правоохранительные органы, российские call-центры зачастую являются элементами международной сети мошенников, что затрудняет борьбу с ними силами одного государства. Не так давно ФСБ РФ задержало более десяти руководителей офисов call-центров, которые входили в международную сеть, обманувшую около 100 тыс. человек из более чем 50 стран². В изъятых документах рядом с именами и фамилиями сотрудников call-центров сохранилась пометка о языке, на котором они разговаривают (английский, турецкий, казахский и др.). Как свидетельствует практика, работу таких call-центров контролируют международные преступные сообщества.

Проблемы противодействия международным мошенническим call-центрам

К основным проблемам, которые стоят на пути борьбы с международными call-центрами, можно отнести:

различия национального законодательства, в частности отсутствие унификации положений в области информационной безопасности. Это затрудняет создание единых механизмов реализации уголовных и иных мер борьбы с преступлениями, совершаемыми с использованием информационно-телекоммуникационных технологий;

разный уровень развития стран и разный потенциал в области информационно-коммуникационных технологий;

трудности в установлении всей цепочки мошеннических схем ввиду отсутствия географической привязки деятельности call-центров, их децентрализованности и сетевой структуры, разбросанной по разным государствам, использования Интернета (в том числе сетей разных стран) для осуществления звонков. Так, сеть call-центров «Milton Group» состояла из множества офисов, открытых более чем в 20 странах, которые были укомплектованы штатом сотрудников (операторами, собственной бухгалтерией, охраной, сисадминами);

сложности в отслеживании и идентификации мошенников, поскольку последние используют технологии скрытия данных о местоположении серверов и абонентских устройств, автоматизированной симуляции голоса, а также криптографические транзакции в целях легализации денежных средств, полученных мошенническим путем;

использование преступниками психологических приемов маскировки своих противоправных действий под гражданско-правовые отношения, в связи с чем жертва преступления, не имея реальной возможности распознать истинные намерения мошенников, сама содействует преступникам (например, продавая квартиру

¹ БРИКС и международная безопасность: сотрудничество в борьбе с терроризмом и киберугрозами // TV BRICS. URL: <https://tvbrics.com/news/briks-i-mezhdunarodnaya-bezopasnost-sotrudnichestvo-v-borbe-s-terrorizmom-i-kiberugrozami/> (дата обращения: 22.02.2025).

² ФСБ пресекла работу международной сети мошеннических call-центров // РБК НОВОСТИ. URL: <https://www.rbc.ru/politics/09/12/2024/6756767c9a79473b4e7f280c> (дата обращения: 22.02.2025).

либо оформляя кредит под залог недвижимости). Это усложняет раскрытие подобных преступлений;

проблемы, связанные с механизмами: направления правоохранительными органами разных стран друг другу запросов о международной правовой помощи; обмена статистическими данными в сфере борьбы с указанными криминальными явлениями;

отсутствие координационных центров при реализации совместных мероприятий в области борьбы с телефонным мошенничеством, в том числе по линии правоохранительных органов и спецслужб;

отсутствие единого стандарта обмена конфиденциальной информацией, в том числе персональными данными, что приводит к многообразию криминальных способов и технологий их утечки и получения;

слабую разработанность методики расследования транснациональных преступлений.

Мошеннический call-центр как криминальное явление

В целом в настоящее время можно говорить о появлении в практике борьбы с телефонным мошенничеством такой категории, как «мошеннический call-центр». Будучи разновидностью организованной преступной группы, он представляет собой *имеющую признаки организованности устойчивую группу лиц, объединенную в целях получения прибыли посредством совершения массовых мошеннических деяний, направленных на неопределенный круг лиц и совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных технологий.*

Такие центры могут быть классифицированы по: а) структуре (локальные (замкнутые) и имеющие признаки сетевой деятельности); б) целям деятельности (исключительно коммерческие или сопряженные с диверсионными или террористическими); в) географии деятельности (международные и национальные); г) локации (расположенные в зданиях, офисах, промзонах или в местах отбывания наказания (по данным отдельных исследователей, до 60 % всех случаев телефонного мошенничества совершаются из мест лишения свободы) [Бойцов, 2016: 108]); д) штату (крупные (свыше 10 сотрудников в одном офисе), средние (до 10)).

В настоящее время отмечается тенденция совершения телефонного мошенничества одним-двумя преступниками по типу функционирования call-центров. Преступники, как правило, оснащены SIM-боксами, специализированными приложениями, создающими фоновый звук для убедительности (имитация, например, работы офиса), а также базами данных телефонных номеров. Используя такую базу, они могут осуществлять роботизированный «обзвон» или рассылку оповещений (SMS, голосовая почта) потенциальным жертвам. Действия таких мошенников обычно не носят международный характер.

Как показали наши исследования, call-центру присущи следующие устойчивые характеристики:

дистанционный характер деятельности (в том числе транснациональный);

непродолжительность деятельности в пределах одной локации (как правило, не более месяца);

использование современных информационно-телекоммуникационных технологий (как для подготовки, совершения, так и для сокрытия преступления);

тщательное планирование деятельности: моделирование криминального бизнес-процесса; подготовка схем и сценариев обмана; алгоритмизация работы (по-

следовательность звонков, их частота); единые принципы отбора потенциальных жертв; типовые программы и способы обработки жертв;

структурированность организации (единое руководство, наличие лидера и распределение ролей между другими участниками), наличие признаков сетевой деятельности;

анонимность участников (использование кличек и псевдонимов) и многонациональность (для работы в нескольких странах);

ориентация на использование приемов психологического воздействия на жертв; комбинирование коммерческих целей (скам-схемы, финансовые пирамиды, продажа товаров). Факультативно могут реализовываться и иные противоправные цели (в том числе террористические, диверсионные);

использование средств и приемов конспирации (в частности, путем задействования современных технологий: криптографических средств, IP-телефонии и пр.).

Что касается характеристики call-центров как места реализации телефонного мошенничества, то в качестве таковых, по данным обобщения следственной практики, преступники используют неприметные здания или офисные помещения, а также арендованные квартиры и домовладения. При этом надо учитывать, что локализация таких центров каждый месяц меняется, а при переезде проводится генеральная уборка в офисе, что может затруднить выявление следов. Рабочие места комплектуются столами с компьютером, серверным оборудованием, устройствами агрегации SIM-карт, средствами связи и гарнитурой (наушники и микрофон). Также в помещении может иметься: сейф, счетчики купюр, множительная техника, шредер для уничтожения документов. Сотрудники таких центров могут снабжаться «методической» литературой и инструкциями – так называемыми скриптами. Последние могут дифференцироваться в зависимости от типа клиента, сценария диалога с жертвой и вариантов развития ситуации. В компьютере может размещаться телефонная база клиентов, страницы торговых площадок, информация о потенциальных «клиентах» («лиды»).

Структурированность call-центров предполагает распределение ролей между его участниками.

1. *Руководитель (организатор)*, занимающийся вопросами безопасности деятельности, созданием видимости легальности способов завладения имуществом граждан, отмыванием денежных средств, разработкой и совершенствованием новых способов мошенничества, финансированием (закупка оборудования, пластиковых карт, оформленных на подставных лиц, и пр.). Также эти лица могут заниматься организацией размещения call-центров и их оборудованием. Как правило, такие офисы меняются с периодичностью раз в месяц. Ввиду наличия постоянной необходимости в подборе специфических объектов (неприметные здания или офисы с изолированными входами) такие услуги организатору оказывают постоянно взаимодействующие с ним риелторы, предоставляющие на регулярной основе и помощь в работе с потенциальными жертвами. Данные посредники часто осведомлены о «серых» схемах бизнеса. Среди организаторов телефонного мошенничества высок процент ранее судимых лиц.

2. *Сотрудники кадровой службы и службы безопасности*, осуществляющие подбор и обучение новых сотрудников, а также обеспечение охраны помещений call-центров, руководящего звена и внутреннюю безопасность. Сотрудники набираются в основном из числа студентов, которые обладают коммуникативными навыками, а также навыками работы с информационно-телекоммуникационными технологиями. Так, в ликвидированных call-центрах «Milton Group» в 2023 г. трудились сотни

операторов, которых привлекали из иностранных вузов. Они отвечали за определенный регион в зависимости от знания языка¹.

3. *Информаторы и консультанты*, предоставляющие преступникам необходимую информацию о потенциальных жертвах и принадлежащем им имуществе (сотрудники социальных служб, МФЦ, Росреестра и пр.) либо оказывающие «консультативную» помощь в создании преступных схем, а также разного рода «методических» рекомендаций (бывшие сотрудники банков, финансовых организаций, знакомые с моделями поведения клиентов, психологи и пр.). Если цели функционирования call-центра, наряду с коммерческой, имеют террористическую, диверсионную направленность, то такие центры курируются сотрудниками спецслужб. Последние снабжают работников call-центров методической литературой, содержащей современные технологии манипулирования и зомбирования людей в целях совершения ими терактов или диверсий (поджогов военкоматов, зданий администрации и пр.) под предлогом возвращения полученных от них обманном путем денежных средств. По мнению специалистов НКЦКИ², функционирование большинства call-центров, действия которых направлены против граждан России, было четко скоординировано из других стран.

4. *Операторы*. Данные лица по степени криминальной квалификации могут подразделяться на две категории: неквалифицированные, осуществляющие звонки в целях установления контакта с жертвой, выяснения сведений о его имущественном положении; квалифицированные менеджеры, использующие профессиональные приемы психологической манипуляции (выдающие себя за сотрудников банков, правоохранительных органов и пр.). Коммуникативная сторона способов реализации обмана или злоупотребления доверием связана с уловками преступников, направленными на инициирование совершения жертвой разнообразных операций с имуществом (движимым и недвижимым). Ключевое место в анализируемых криминальных деяниях отводится методам социальной инженерии. Последние в симбиозе с телекоммуникационной составляющей образуют такой способ телефонного мошенничества, как «Вишинг». Последний, являясь одним из видов фишинга, заключается в том, что злоумышленники, используя телефонную или интернет-коммуникацию и играя определенную роль (сотрудника банка, правоохранительных органов, покупателя недвижимости и т. д.), создают ситуацию, позволяющую манипулировать человеческими чувствами, и под разными предложениями выманивают у жертвы конфиденциальную информацию или стимулируют на совершение заранее запрограммированных преступником действий со счетами (денежными средствами) или принадлежащим жертве имуществом [Меньщиков, Федосенко, 2021: 38].

5. *Технический персонал*, отвечающий за: а) функционирование средств телефонии (например, создание анонимайзеров для интернет-соединений при совершении вызовов по системе IP-телефонии; поиск баз данных клиентов; обеспечение операторов «белыми» номерами и пр.); б) мониторинг торговых интернет-площадок («Авито», «Юла» и пр.), социальных сетей и пр.; в) размещение «объявлений-ловушек», содержащих вымышленную информацию о продаваемом товаре и о продавце и пр. (в целях введения покупателя в заблуждение, привлечения его внимания красивыми фотографиями, невысокой ценой товара, чтобы получить номер телефона); г) создание электронных кошельков («QIWI», «Яндекс-кошелек»,

¹ Российских пенсионеров обманывали как немецких.

² Национальный координационный центр по компьютерным инцидентам Федеральной службы безопасности России.

«Webmanу» и др.); д) создание и использование специализированных компьютерных программ, направленных на автоматизированный сбор сведений о потенциальных жертвах: истории покупок, место работы, имена близких (например, путем использования Telegram-ботов) и пр.

6. *Лица, привлекаемые или используемые мошенниками для оказания валютно-финансовых услуг, в том числе в сфере легализации преступного дохода.* В условиях цифровизации современной экономики в качестве таких посредников зачастую выступают:

лица, имеющие аккаунты в криптовалютных системах. Денежные средства, полученные мошенниками, могут составлять значительные суммы (ч. 4 ст. 159 УК РФ). При дальнейшем их размещении в криптовалюте это объективно предполагает задействование достаточного количества таких аккаунтов (и посредников), поскольку последние имеют определенные ограничения на максимально допустимую сумму, при которой не нужна идентификация личности. По данным Банка России, наиболее популярным способом купли-продажи криптовалюты в преступной среде является использование теневого обменного сервиса, работающих в анонимных сетях (Darknet)¹. При этом преступники чаще всего прибегают к использованию криптокошельков. Объясняется это в первую очередь относительной доступностью процесса создания криптокошелька без помощи сторонних организаций (например, криптобирж). И самое главное: использование данной схемы позволяет скрыть информацию о совершаемых транзакциях. В частности, мошенники часто переводят криптовалюту (например, Bitcoin) между множеством криптокошельков, постоянно изменяя суммы переводов. Однако даже при такой усложненной схеме транзакции всех пользователей записываются в общедоступной базе данных (блокчейне) и становятся доступными для отслеживания. Поэтому более продвинутые преступники могут пользоваться специализированными сервисами, позволяющими за комиссию от переведенных, например, Bitcoin получить другие счета в криптовалюте, которые никак не будут связаны с мошенником («Тумблеры»), или предлагающими смешивание криптовалюты множества участников с последующим ее отправлением по разным кошелькам («Миксеры») [Гусева, 2018: 39];

лица, которые за небольшой процент предоставляют счета своих банковских карт для обналичивания или перевода денег. Следует констатировать, что за последнее десятилетие в области совершения дистанционного мошенничества сложилось устойчивое криминальное явление – *дропперство*. Оно представляет собой процесс вывода денег со счетов преступников в целях их легализации посредством использования банковских карт подставных лиц. Механизм дропперства следует рассматривать в рамках теории преодоления противодействия расследованию. В частности, данный механизм используется мошенниками для сокрытия следов криминальных действий и создания затруднений у правоохранительных органов в установлении причинно-следственных связей между реквизитами, используемыми мошенниками, и их преступными действиями. Дропперы могут подразделяться по степени их информированности о преступных действиях мошенников на осведомленных и нет². Чаще всего в качестве представителей последней категории выступают подростки, пенсионеры и мигранты, которых мошенники заманивают

¹ Криптовалюты: тренды, риски, меры: доклад для общественных консультаций. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 22.02.2025).

² За первый квартал 2024 г. число банковских операций без согласия клиента составило 300 тыс., а ущерб – 4,3 млрд руб. Представляется, что значительную часть таких операций было бы практически невозможно осуществить без участия дропов. См.: Дропперы без страха, но с упреком // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6789047> (дата обращения: 22.02.2025).

в такую схему обманым путем под предлогом получения легкого заработка (например, вербовка посредством размещения объявлений о вакансиях сотрудников разных «выгодных» инвестиционных проектов). Так, только с конца 2023 г. нотариусы передали в Росфинмониторинг более 2 тыс. сообщений о «подозрительных» доверенностях на открытие банковских счетов. Эти данные помогли правоохранителям выявить лиц, которые дают доступ к своим счетам мошенникам для кражи и отмывания денег¹.

Заключение

Подводя итог, хотелось бы отметить, что повышенная латентность телефонного мошенничества, совершаемого с использованием информационно-телекоммуникационных технологий, обусловлена отчасти трансформацией современного информационного общества, которое не имеет ярко выраженных социальных, экономических, технологических границ. В связи с этим развитие современных методов борьбы с данными преступлениями предполагает решение ряда следующих задач.

1. Создание системы международной информационной безопасности, предусматривающей совокупность международных и национальных институтов, регулирующих деятельность в глобальном информационном пространстве в целях предотвращения (и минимизации) угроз международной информационной безопасности². Это предполагает создание многосторонних соглашений в области борьбы с международной преступностью (например, по возврату из-за рубежа доходов, полученных преступным путем).

2. Повышение цифровой грамотности населения России и других стран. Борьба с телефонным мошенничеством должна идти и в просветительском поле. Стоит констатировать, что этому направлению государство уделяет недостаточное внимание. В большинстве своем законодатель акцентирует внимание на запретах в отношении инструментов телефонного мошенничества. Так, в настоящее время объектами рекламы не могут быть как сама цифровая валюта, так и услуги криптообменников или криптокошельков (Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 221-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»). При всей прогрессивности данных шагов, на наш взгляд, они должны реализовываться в комплексе с иными мерами информационной борьбы. В частности, необходимо регулярное освещение этой темы в СМИ в виде программ, интервью с должностными лицами, публикаций, видеосюжетов, социальной рекламы по вопросам профилактики и противодействия современным мошенническим схемам. Также представляется целесообразным внедрение в повседневную жизнь граждан цифровых приложений – памяток, в которых будет собрана информация о наиболее распространенных схемах мошенничества. Так, Министерство цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ планирует разработать приложение, где будет предусмотрена тревожная «красная кнопка» для оперативного взаимодействия с разными ведомствами и участниками рынка. Если человеку поступит телефонный вызов от мошенников, он сможет быстро уведомить об этом банки и операторов связи³.

¹ Финразведка стала активнее следить за доверенностями на банковские счета // РБК НОВОСТИ. URL: <https://www.rbc.ru/finances/02/05/2024/662d18af9a7947318834c1e8> (дата обращения: 22.02.2025).

² Такой подход всецело вытекает из Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности. См.: Указ Президента РФ от 12 апреля 2021 г. № 213 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области международной информационной безопасности» // СПС «Гарант». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400473497/> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Борьба с телефонным мошенничеством // Tadviser. URL: https://www.tadviser.ru/index.php/Статья:Борьба_с_телефонным_мошенничеством (дата обращения: 22.02.2025).

3. Формирование на уровне государств единых центров противодействия мошенничеству, объединяющего работу правоохранительных органов, банков, крупных операторов связи и владельцев интернет-ресурсов в целях оперативного обмена базами данных о фактах выявленных мошеннических действий и лиц, их совершивших. На наш взгляд, перспективным направлением видится развитие идеи создания отдельных антимошеннических call-центров, в задачи которых будет входить нейтрализация мошеннических call-центров. Положительной тенденцией в данном направлении видится внедрение сервиса «Фрод-рулетка», позволяющего в режиме реального времени перехватывать звонки мошенников и перенаправлять их на специально подготовленных пользователей. Это не только помогает выявлять актуальные схемы мошенников, но и нейтрализует их, так как они не могут в это время связаться с реальной жертвой. Так, с помощью данной платформы был выявлен новый сценарий мошенников с «Почтой России», который ранее не использовался в таком виде¹.

4. Внедрение передовых технологий и автоматизация технологической стороны банковских операций путем разработки платформ, способных выделять из потоков финансовой информации подозрительные операции и блокировать их, а также создание баз данных о случаях и попытках осуществления переводов денежных средств без согласия клиентов. Например, Роскомнадзор в целях усиления борьбы с телефонным мошенничеством в декабре 2022 г. запустил единую платформу верификации телефонных вызовов (ЕПВВ) «Антифрод», предназначенную для упрощения процесса получения данных об их подлинности и блокировки звонков и сообщений с подменных номеров. Положительно зарекомендовала себя и платформа «Антифишинг» по блокировке вредоносных интернет-страниц. В результате по итогам второго квартала 2024 г. количество операций, проведенных без добровольного согласия клиентов, заметно сократилось². Немалое значение имеет обмен опытом, технологиями и наработками в сфере борьбы с мошенничеством между банковскими структурами разных государств. Так, Сбербанк поделится своим опытом в сфере обеспечения кибербезопасности и противодействия мошенничеству со странами БРИКС (на примере внедренной антифрод-платформы)³.

5. Реализация законодателем мер по более жесткой регламентации оборота SIM-карт без предъявления паспорта и установления личности покупателя (в частности, усиление ответственности за заключение от имени оператора связи договора с абонентом, данные которого либо не указаны, либо оформлены на подставное лицо); SIM-боксов для оказания услуг мобильной связи (например, только при наличии договора с оператором связи). Данные шаги имеют существенное значение в превенции анализируемого вида криминальных деяний (особенно в направлении борьбы с call-центрами).

6. Ужесточение на уровне уголовной политики современного Российского государства ответственности в отношении лиц, которые умышленно предоставляют свои банковские карты в целях хищения денежных средств у граждан (дропперов). Поскольку подобные деяния совершаются в большинстве своем в составе организованной группы, их следует относить к категории тяжких преступлений. Представ-

¹ «Фрод-рулетка» начала менять сценарий с мошенниками – хищник сам становится добычей // Известия. URL: <https://iz.ru/1730678/natalia-revva/frod-ruletka-nachala-meniati-scenarii-s-moshennikami-khishchnik-sam-stanovitsia-dobychei> (дата обращения: 22.02.2025).

² Против телефонных мошенников будут внедрены сразу тридцать технологических мер // RGRU. URL: <https://rg.ru/2024/11/25/na-korotkom-provodke.html> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Сбер поможет странам БРИКС улучшить кибербезопасность // Газета.ru. URL: <https://www.gazeta.ru/business/news/2024/04/27/22887019.shtml> (дата обращения: 22.02.2025).

ляется, что такая ответственность должна распространяться и на иных лиц, оказывающих содействие мошенникам. В данном аспекте интересен опыт Китая, где усиление борьбы с мошенничеством в сфере телекоммуникаций связано с введением мер и ограничений в отношении лиц, которые продают или предоставляют в аренду преступникам свои аккаунты, SIM-карты, порты для SMS, цифровые кошельки, а также помогают мошенникам выполнять аутентификацию по реальному имени для таких инструментов и пр. Данные лица и организации, помимо наказания, будут внесены в список недобросовестных, информация о них будет загружена на национальную платформу для обмена кредитной информацией в целях оперативной передачи таких сведений другим органам. Указанным людям и организациям устанавливается запрет на открытие новых счетов для онлайн-платежей, а также ограничивается функционал телекоммуникационных средств на их имя (включая стационарные телефоны, SIM-карты, веб-сайты и пр.)¹. Также требует ужесточения ответственность за умышленную массовую утечку персональных данных (номера банковских карт, телефонов, фамилий граждан). Представляется, что в современных условиях такие преступления нужно рассматривать с позиций обеспечения национальной безопасности страны. Это закономерно требует унификации массива нормативных правовых актов, регулирующих обработку персональных данных, а с позиций международного сотрудничества в области борьбы с преступностью – детализации законодательства по защите персональных данных в части регулирования передачи данных между странами БРИКС².

7. Введение на законодательном уровне обязанности владельцев сервисов размещения объявлений и имущественных агрегаторов товаров и услуг (таких как «Циан», «Авито» и пр.), имеющих обширную аудиторию пользователей и содержащих платежную информацию, проводить идентификацию через единую систему идентификации и аутентификации (ЕСИА) тех продавцов, кто намерен разместить объявление о продаже товаров или услуг.

8. Реализация сбалансированного (в рамках уголовной и экономической политики) подхода в процессе интеграции цифровой валюты в современную экономику. С одной стороны, должна быть обеспечена централизованная система мониторинга за оборотом криптовалюты в Российском государстве в целях повышения эффективности мер по борьбе с незаконными операциями с такой валютой (в частности, с легализацией доходов). Так, в России для борьбы с преступлениями в сфере криминального оборота криптовалюты начали активно внедрять специальное программное обеспечение, которое используется как для финансового мониторинга, так и для расследования уголовных дел³. С другой стороны, ввиду роста популярности цифровой валюты у преступников нужно не допустить потерю доверия к ней добросовестных участников рынка (как следствие, избежать обесценивания криптовалюты, оттока капитала из России, стагнации рынка)⁴.

¹ В Китае ужесточают меры по борьбе с кибермошенничеством // BRICScompetition. URL: <https://bricscompetition.org/ru/news/measures-to-be-tougher-on-cyberfraud-in-china> (дата обращения: 22.02.2025).

² В частности, в рамках XV Международного IT-форума в Ханты-Мансийске страны БРИКС выступили с инициативой создания единого стандарта обмена конфиденциальной информацией (в том числе персональными данными). См.: Страны БРИКС планируют разработать единый стандарт обмена персональной информацией // ТАСС. URL: <https://tass.ru/obschestvo/21133099> (дата обращения: 22.02.2025).

³ Страны БРИКС обменялись опытом цифровизации в борьбе с киберпреступностью // Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2024/06/20/1044966-strani-briks-obmenyalis-opitom-tsifrovizatsii-v-borbe-s-kiberprestupnostyu> (дата обращения: 22.02.2025).

⁴ При всей прогрессивности Федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты

9. Повышение эффективности реализации механизмов взаимодействия и обмена данными между правоохранительными органами и банками¹, а также иными структурами и организациями. Такое взаимодействие немислимо без принятия мер, направленных на сокращение сроков исполнения запросов правоохранительных органов (в адрес кредитных организаций, операторов сотовой связи и др.). Немалое значение в данном направлении занимает повышение оперативного доступа и использования следователями цифровой информации, содержащей сведения, имеющие значение для дела и хранящиеся в цифровых базах соответствующих организаций. В этом плане мы поддерживаем мнение А. И. Бастрыкина о том, что лицо, производящее расследование, должно иметь оперативный доступ к базам данных и интернет-ресурсам Центрального банка России, Федеральной нотариальной палаты и пр. [Бастрыкин, 2021: 16].

10. Разработка и усовершенствование криминалистических рекомендаций по расследованию данного вида преступлений с учетом их видовых особенностей. Как уже отмечалось, значительная часть анализируемых преступных посягательств носит транснациональный характер, что существенно затрудняет деятельность правоохранительных органов разных стран в рамках информационного, ведомственного, юрисдикционного, технического, методического взаимодействия. Это закономерно требует формирования криминалистических методик расследования транснациональных преступлений.

11. Совершенствование и дальнейшая автоматизация процесса сбора, систематизации, обработки и анализа сведений о дистанционных преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий (на примере российской системы «Дистанционное мошенничество» (введена приказом ГУ МВД России по г. Москве от 5 апреля 2021 г. № 121)).

Библиографический список

Бастрыкин А. И. Цифровые технологии современной криминалистики // Вестник Академии Следственного комитета РФ. – 2021. – № 2. – С. 11–17.

Бойцов Ю. М. Проблемы проверки, выявления и раскрытия мошенничества с использованием мобильных средств связи // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД. – 2016. – № 2. – С. 107–112.

Гусева А. А. Возможные пути решения проблемы легализации денежных средств через криптовалюту // Экономика. Право. Инновации. – 2018. – № 5. – С. 36–45.

Меньщиков А. А., Федосенко М. Ю. Возможности применения методов социальной инженерии в организации телефонного мошенничества // Экономика и качество системы связи. – 2021. – № 4. – С. 36–47.

Российской Федерации», которым закреплен запрет на использование криптовалют как платежного инструмента для резидентов РФ, следует отметить, что ограничение использования данной валюты в процессе расчета за товары, работу и услуги, является фактором, не только сдерживающим развитие отечественных платежных систем и онлайн-сервисов, но и стимулирующим поиск криминалом новых обходных путей.

¹ В частности, с 2023 г. сотрудники МВД РФ могут оперативно получать данные об операциях без согласия клиента из автоматизированной системы ФинЦЕРТ (Центр взаимодействия и реагирования Департамента информационной безопасности) Банка России. Информацию, полученную от правоохранительных органов, банки смогут учитывать для предотвращения новых мошеннических операций (Федеральный закон от 20 октября 2022 г. № 408-ФЗ «О внесении изменений в статью 26 Федерального закона „О банках и банковской деятельности“ и статью 27 Федерального закона „О национальной платежной системе“»).

References

Bastrykin, A. I. (2021) Tsifrovye tekhnologii sovremennoi kriminalistiki [Digital technologies of modern criminology]. *Vestnik Akademii Sledstvennogo komiteta RF*, (2), 11–17.

Boytsov, Yu. M. (2016) Problemy proverki, vyyavleniya i raskrytiya moshennichestva s ispol`zovaniem mobil`nykh sredstv svyazi [Problems of verification, detection and disclosure of fraud using mobile communications]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD*, (2), 107–112.

Guseva, A. A. (2018) Vozmozhnye puti resheniya problemy legalizatsii denezhnykh sredstv cherez kriptovalyutu [Possible ways to solve the problem of money legalization through cryptocurrency]. *Ekonomika. Pravo. Innovatsii*, (5), 36–45.

Menshchikov, A. A. & Fedosenko, M. Yu. (2021) Vozmozhnosti primeneniya metodov sotsial`noi inzhenerii v organizatsii telefonnogo moshennichestva [The possibilities of using social engineering methods in the organization of telephone fraud]. *Ekonomika i kachestvo sistemy svyazi*, (4), 36–47.

Информация об авторах

Сергей Леонидович Кисленко – профессор кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина, доктор юридических наук, профессор (e-mail: ser-kislenko@yandex.ru)

Андрей Денисович Фокин – ассистент кафедры криминалистики Московского государственного юридического университета имени О. Е. Кутафина (e-mail: raif1136@yandex.ru).

Information about the authors

Sergei L. Kislenko – Professor of the Department of Criminology of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin, Doctor of Juridical Sciences, Professor (e-mail: ser-kislenko@yandex.ru).

Andrey D. Fokin – Assistant Professor of the Department of Criminology of the Moscow State Law University named after O. E. Kutafin (e-mail: raif1136@yandex.ru).

© С. Л. Кисленко, 2025

© А. Д. Фокин, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Магомедов Ш. М. Роль модельного законодательства в регламентации прокурорского надзора за исполнением законов на пространстве СНГ // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 55–65. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_55.

Information for citation:

Magomedov, Sh. M. (2025) Role of model legislation in regulation of prosecutorial supervision of laws execution in the CIS. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 55–65. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_55.

УДК 343.163

BISAC 026000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_55.

Научная статья

РОЛЬ МОДЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В РЕГЛАМЕНТАЦИИ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ НА ПРОСТРАНСТВЕ СНГ

Ш. М. Магомедов*Университет прокуратуры Российской Федерации*

ORCID ID: 0009-0003-8612-3983

В статье представлено исследование модельного правотворчества Содружества Независимых Государств, в том числе Модельного закона «О прокуратуре», в контексте правовых идей, оснований и задач его разработки, влияния на внутринациональное законодательство государств-участников Содружества. Цель исследования – определение роли наднационального регионального нормотворчества в регулировании прокурорского надзора за исполнением законов. Автор использует такие специально-научные методы, как юридическая герменевтика, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. Результатом исследования стали ретроспективное выявление социально-государственного запроса на сохранение надзора за исполнением законов в компетенции органов прокуратуры в переходный период, выразившегося в модельном регулировании деятельности прокуратуры, а также определение треков трансформации нормативной регламентации прокурорского надзора за исполнением законов на пространстве СНГ.

Ключевые слова: прокурорский надзор, общий надзор, модельное право, Содружество Независимых Государств, сравнительное правоведение, правовые основы прокурорского надзора

THE ROLE OF MODEL LEGISLATION IN REGULATION OF PROSECUTORIAL SUPERVISION OF LAWS EXECUTION IN THE CIS

Shamil M. Magomedov

The University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

ORCID ID: 0009-0003-8612-3983

The article presents a study of model lawmaking in the Commonwealth of Independent States, including the Model Law 'On the Prosecutor's Office', in the context of legal ideas, grounds and objectives of its development, influence on the domestic legislation of the Commonwealth member states. The purpose of the study is to determine the role of supranational regional rulemaking in regulating prosecutorial supervision of law enforcement. The author used such special scientific methods as legal hermeneutics, formal legal, historical and legal, comparative legal. The result of the study was a retrospective identification of the social and state demand for maintaining supervision over the implementation of laws within the competence of the prosecutor's office during the transition period, expressed in the model regulation of the activities of the prosecutor's office, as well as the definition of the tracks of transformation of the normative regulation of prosecutorial supervision over the implementation of laws in the CIS.

Keywords: *prosecutorial supervision, general supervision, model law, Commonwealth of Independent States, comparative law, legal foundations of prosecutorial supervision*

Введение

Наука прокурорской деятельности охватывает разные подходы к пониманию правовых основ прокурорского надзора [Струсь, 2013: 55], выделяя правовые основы прокурорского надзора в узком и широком смысле, первичные и вторичные и др. [Струсь, Попандопуло, 2013: 87]. В связи с этим остановимся на их прикладном и достаточно определенном узком понимании как «совокупности правовых актов, непосредственно регламентирующих соответствующую прокурорскую деятельность» [Субанова, 2023: 56–57]. Представляется важным для реализации задач настоящего исследования выделить в структуре правовых основ прокурорского надзора за исполнением законов на пространстве Содружества самостоятельный уровень наднациональных предписаний, выработанных в рамках правотворческой работы Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ.

Материалы и методы

При написании работы автор обращался к таким методам, как юридическая герменевтика, формально-юридический, историко-правовой, сравнительно-правовой. Для сравнения использованы тексты Модельного закона «О прокуратуре», национальных законов о порядке деятельности и организации органов прокуратуры в государствах-участниках СНГ с учетом их динамичного развития, т. е. с использованием редакций, утративших силу, или отмененных законов, предшествующих соответствующим нормативным предписаниям в период независимой государственности стран СНГ. Рассмотрены материалы научно-методического и организационного характера, содержащие положения и оценки модельного законотворчества, в том числе Пояснительная записка к Модельному закону «О прокуратуре», научные

статьи и тезисы выступлений ученых, в частности разработчиков Модельного закона «О прокуратуре».

Обсуждение

Модельное регулирование. Наднациональные правовые основы прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы представляет модельное законодательство. Основу регламентации такого надзора на пространстве Содружества составляет Модельный закон СНГ «О прокуратуре», принятый постановлением № 27-6 от 16 ноября 2006 г. на XXVII пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (далее – Модельный закон «О прокуратуре»). Главная цель принятия данного Закона с учетом разъяснений инициаторов, содержащихся в Пояснительной записке к проекту, выражается в сохранении на постсоветском пространстве прокуратуры, доказавшей свою государственно-правовую полезность в качестве эффективного средства, цементирующего государственность, что имеет непреходящее значение. При этом такая полезность разработчиками проекта Модельного закона «О прокуратуре» связывалась именно с осуществлением органами прокуратуры основных направлений правоохранительной деятельности, включая надзор за исполнением законов.

Анализ законодательной активности Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ указывает на значительный объем принятых кодифицированных (Гражданский (1994–1996), Уголовный (1996), Уголовно-процессуальный (1996), Уголовно-исполнительный (1996), Налоговый (2000–2004) и др.) и иных модельных актов, имеющих большое значение для формирования единого (в принятых рамках) нормативного поля с целью гармоничного развития своих правовых систем.

За период существования такого феномена, как модельный закон (хотя в специальной литературе ставится акцент на более точной характеристике этого явления посредством его обозначения как «модель закона» [Шестакова, 2006]), было разработано и принято несколько сотен отраслевых актов, содержащих развернутые положения – ориентиры совершенствования национального законодательства, нередко в своей совокупности именуемые «модельным правом» [Пантыкина, 2014: 56].

Практику развития модельного законодательства поддерживают белорусские ученые, отмечающие его положительные аспекты в сравнении с договорным (конвенциональным) решением аналогичных вопросов [Гурина, 2021: 149], в том числе: вариативность национально-правовых элементов реализации общих обязательств; органичное дополнение и структура права СНГ; специфика мягкой правовой интеграции, а также две стороны модельного правотворчества (рекомендательный характер принимаемых «законов» и отражение в них проработанных и согласованных компромиссных подходов законодателей государств Содружества к национальному правовому развитию) [Михалева, 2023: 59].

Модельное правотворчество в части прокурорского надзора. Применительно к оценке модельного законодательства СНГ, в том числе Модельного закона «О прокуратуре», следует согласиться с Е. В. Шестаковой в том, что под модельным законом понимается «акт рекомендательного характера, выполняющий нормативно-консолидирующую роль в законодательстве и дающий нормативную ориентацию для последующего законодательства» [Шестакова, 2006: 10].

Примечательно, что на заседании Межпарламентской Ассамблеи СНГ по вопросу о проекте модельного закона «О прокуратуре» докладчиком являлся профессор В. П. Рябцев [Рябцев, 2014]. Он указывал: «В качестве самостоятельной концепции следует рассматривать разработанный генеральными прокуратурами государств-

участников СНГ и их научными центрами, включая НИИ Академии Генеральной прокуратуры РФ, Модельный закон о прокуратуре. Концепция этого закона одобрена решением КСГП СНГ от 29 июня 2000 г. (п. 4) в соответствии с планом модельного законодательства МПА СНГ на 1999–2000 гг. Этот Модельный закон воспринял весь опыт России и других стран СНГ по определению правовых параметров прокуратуры как государственно-правового института государств со схожими правовыми системами» [Рябцев, 2009: 14].

Разработчики Модельного закона «О прокуратуре», на наш взгляд, воплотили представления о том, что функция надзора за исполнением законов и законностью правовых актов является ядром прокурорской деятельности. Так, большая часть этого акта посвящена функциям прокуратуры, среди которых выделяются: надзор, уголовное преследование, участие в рассмотрении дел судами, координация правоохранительной деятельности, правотворческая работа, взаимодействие с органами публичной власти, международное сотрудничество. Юридико-техническая особенность формирования правового материала Модельного закона «О прокуратуре» состоит в обособлении внутри структуры закона ключевых функций прокуратуры, т. е. каждая глава (с гл. 4 по гл. 15, при этом всего в законе 18 глав) целенаправленно регламентирует отдельные участки прокурорской работы. Расположение глав о прокурорском надзоре за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы на первостепенных позициях (гл. 4 «Надзор за соблюдением законов, прав и свобод человека и гражданина» и гл. 5 «Надзор за соблюдением конституции и законов при принятии правовых актов») подчеркивает его ключевое значение, определяющее конституционно значимую роль в системе государственной власти.

Социально-правовая потребность в сохранении эффективной модели прокурорской деятельности на общем постсоветском пространстве объяснима в контексте политико-правовых опасений того времени, связанных с утратой органами прокуратуры «общенадзорной» функции в ходе реформ 90-х гг. XX в.

Например, принятая в 1994 г. Конституция Республики Молдова позиционировала прокуратуру в качестве публичного учреждения, которое содействует правосудию и осуществляет уголовное производство. При этом Закон Республики Молдова от 29 января 1992 г. № 902-XII «О Прокуратуре» воспроизводил советскую модель регламентации надзора за исполнением законов, наряду с уголовно-правовым надзором: на прокуратуру возлагался надзор «за точным и единообразным исполнением законов органами центрального и местного публичного управления, хозяйствующими субъектами независимо от формы собственности, другими юридическими и физическими лицами и их объединениями» (ст. 4). Ввиду принятия Основного закона Республики Молдова в 1995 г. законодательство о прокуратуре также было скорректировано, в связи с чем новый Закон Республики Молдова от 14 марта 2003 г. № 118-XV «О Прокуратуре» полностью исключил из компетенции прокуроров надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы. Тем не менее сохранялись отдельные «общенадзорные» полномочия прокурора, включая право требовать представления документов и информации, проводить проверки и привлекать специалистов, вызывать должностных лиц, подавать гражданские иски, опротестовывать противозаконные акты или действия должностных лиц, доводить до сведения юридических лиц представления об устранении нарушений законодательства, а также причин и условий, их вызвавших. С принятием Закона от 25 декабря 2008 г. № 294-XVI «О Прокуратуре» в Республике Молдова сохранились полномочия прокуроров по внесению представлений об устранении нарушений закона и опротестованию административных актов. Законом Республики Молдова

от 25 февраля 2016 г. № 3 «О Прокуратуре» надзор вне уголовно-правовой сферы и корреспондирующие этой деятельности полномочия были исключены.

В Республике Армения в начале 1990-х гг. применялись положения Закона СССР «О прокуратуре», поскольку после распада Союза они были признаны не противоречащими идеалам Декларации о независимости. Принятая в 1995 г. Конституция Республики Армения определила конституционный статус и круг функций прокуратуры в ее обновленном понимании, т. е. без надзора за исполнением законов и законностью правовых актов. Закон 1998 г., регламентирующий статус и полномочия прокуратуры Республики Армения, развил конституционные предписания, ознаменовавшие глубокую государственно-правовую трансформацию прокуратуры в реализующую функции по уголовному преследованию, надзору в уголовно-правовой сфере, поддержанию государственного обвинения (и некоторые другие, связанные с обеспечением государственных интересов). Примечательно, что даже известный армянский правовед А. В. Багдасарян в своих публикациях того времени (включая кандидатскую диссертацию «Государственно-правовой статус и развитие прокуратуры в Республике Армения») писал, что прокурорский надзор за исполнением законов является важным государственно-правовым феноменом, совершенствование которого ожидается с принятием Конституции Республики Армения [Багдасарян, 1995: 12], однако впоследствии такие перспективы не были реализованы.

Как представляется, несмотря на отказ некоторых государств-участников СНГ от наделения прокуроров функцией надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы, именно Модельный закон «О прокуратуре», формально-юридически имеющий лишь рекомендательный характер, позволил предотвратить диффузию общих подходов к статусу прокуратуры на пространстве Содружества, что доказывает практическое значение модельного правотворчества.

Интересен в связи с этим эффективный опыт Секретариата Совета Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ по анализу и мониторингу применения рекомендаций, сформулированных посредством модельного нормотворчества, что позволяло отслеживать действительное влияние разрабатываемых и принимаемых положений на национальные правовые системы государств-участников СНГ. В частности, постановлением от 15 июня 1998 г. № 11-13 «Об использовании модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ» принята к сведению информация об использовании модельных законодательных актов Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ, изготовленная на основе поступившей из парламентов информации. Обобщение указанной информации позволяет сделать вывод, что модельное законотворчество, разрабатываемое с учетом активной общественно-политической дискуссии и мнений видных специалистов в соответствующих областях права (например, рабочей группой по разработке Модельного уголовного кодекса руководил известный профессор уголовного права и прокурорский работник Б. В. Волженкин [Волженкин, 1997; Волженкин, 1996]), оказывает практическое воздействие на правовые системы государств-участников СНГ в разных формах: при создании национальных законов, при их реформировании, при разработке подзаконных правовых актов, при осуществлении правоприменения. Так, в 1997 г. Конституционный суд Республики Беларусь применил нормы модельного законодательного акта «О нормативных правовых актах государств-участников СНГ» при рассмотрении дела, а в другом случае – прямо сослался на ст. 12 Модельного уголовного кодекса.

В Информации об итогах деятельности Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в 2023 г. также подчеркнута мысль о том, что плоды модельного

законотворчества пользуются спросом не только среди парламентов государств на пространстве Содружества, но и среди органов исполнительной и судебной власти. Например, нормы наднационального законодательства находят отражение в документах, утвержденных указами Президента и постановлениями Совета министров Республики Беларусь, а на модельные законы неоднократно ссылался Конституционный суд Республики Беларусь при разрешении вопросов, относящихся к его компетенции.

Заметим, что российские суды тоже довольно активно ссылаются на положения модельного законодательства СНГ (определение Конституционного Суда РФ от 26 сентября 2024 г. № 2141-О, постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 7 апреля 2017 г. № 13АП-3190/2017 по делу № А56-63414/2016), в том числе на нормы Модельного закона «О прокуратуре», именно тогда, когда национальное законодательство прямо не отвечает на возникший при рассмотрении спора вопрос. Известен случай, когда Семнадцатый арбитражный апелляционный суд, сославшись в мотивировочной части на правовую позицию Высшего Арбитражного Суда РФ, положения Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», в постановлении от 4 августа 2008 г. № 17АП-4880/2008-АК по делу № А60-8538/2008 прямо процитировал модельное законодательство по вопросам деятельности прокуратуры: «Согласно ч. 8 ст. 3 Модельного закона о прокуратуре, принятого на двадцать седьмом пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ (постановление № 27-6 от 16 ноября 2006 г.), действия и акты прокурора могут быть обжалованы вышестоящему прокурору или в суд».

Как указано в приведенной выше Информации, зачастую опыт конструирования правовых институтов в нормативных актах Российской Федерации находит отражение в документах модельного права.

В. П. Рябцев писал, что Модельный закон «О прокуратуре» содержит наиболее адекватную концепцию развития прокуратуры [Рябцев, 2009: 14]. Для реализации рекомендаций Модельного закона «О прокуратуре» использовались доктринальные и историко-правовые предпосылки, в том числе идея о ключевом месте прокурорского надзора вне уголовно-правовой сферы. Так, дореволюционные юристы придерживались критической позиции в отношении концепции прокуратуры, разработанной в рамках Судебной реформы 1864 г. и ограничивающей прокурорскую компетенцию судебным производством и надзором в уголовно-правовой сфере [Фукс, 1866: 119; Кони, 1968: 7]. В связи с этим нельзя не отметить, что прокурорский надзор за исполнением законов отвечает на социальный запрос о поддержании и развитии законности.

Особенности национальной регламентации прокурорского надзора. Стандарт прокурорского функционала для пространства СНГ отражен в ст. 5 Модельного закона «О прокуратуре», где надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, а также за исполнением законов обособлены наряду с иными известными направлениями деятельности. Большинство приведенных функций присуще органам прокуратуры почти всех стран СНГ. Вместе с тем можно выделить отличительные черты нормативного установления функций прокуратуры на пространстве Содружества, т. е. обозначить особенности национального регулирования основных направлений деятельности прокуроров в сопоставлении с рекомендациями модельного законодательства, например: специальное указание на высший характер прокурорского надзора (Республика Казахстан); прямое обозначение граждан в качестве объектов надзорной деятельности (Республика Беларусь); провозглашение надзора за исполнением не только законов, но и иных нормативных правовых актов (Республика Беларусь, Республика Казахстан, Кыргызская Республика).

Институциональные положения нормативных правовых актов на постсоветском пространстве, определяющие фундаментальное содержание прокурорского надзора вне уголовно-правовой сферы, в большей или меньшей мере ориентированы на концепцию, содержащуюся в Модельном законе «О прокуратуре». К моменту согласования и принятия Модельного закона в странах Содружества уже были приняты законодательные акты о прокуратуре. Между тем проводимое с начала 2000-х гг. совершенствование национального законодательства демонстрирует имплементацию апробированных практикой прокурорской деятельности принципов и конструкций, закрепленных в Модельном законе «О прокуратуре». Важно и то, что данный рекомендательный акт отнюдь не навязывает императивные рамки всех сторон регламентации системы органов прокуратуры, уважая возможность адаптации его положений суверенными членами СНГ к конкретным социально-экономическим, политическим, историческим и культурным особенностям общественного развития.

В каждом государстве-участнике СНГ действует специальный законодательный акт, посвященный вопросам организации деятельности органов прокуратуры. Примечательно, что только в Российской Федерации такой закон принят единожды и действует (с изменениями и дополнениями) до настоящего времени (Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации»). В других государствах-участниках СНГ принятие конституции постсоветской модели, знаменуя новый этап в развитии государственности, было сопряжено с необходимостью законодательного пересмотра статуса прокуратуры. Например, в Республике Узбекистан (Закон Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 г. № 746-XII), Азербайджанской Республике (Закон от 7 декабря 1999 г. № 767-IQ) принятые в развитие новой конституции законы продолжают действовать с отдельными изменениями и дополнениями.

В остальных государствах-участниках СНГ законы о прокуратуре неоднократно пересматривались полностью. В частности, в Республике Беларусь (Закон 29 января 1993 г. № 2139-XII, Закон от 8 мая 2007 г. № 220-3) и в Республике Таджикистан (Конституционный закон от 1996 г., Конституционный закон от 15 июля 2005 г. № 102) в контексте независимой государственности было последовательно принято по два закона о прокуратуре. В Республике Армения (Закон от 1 июля 1998 г. № ЗР-245-Н, Закон от 22 февраля 2007 г. № ЗР-126-Н, Закон от 1 декабря 2017 г. № ЗР-198) и Республике Туркменистан (Закон от 26 июня 1992 г. №726-XII, Закон от 15 августа 2009 г. № 50-IV, Закон от 21 ноября 2015 г. № 305-V) закон о прокуратуре принимался трижды. Четырежды принимали новые законы о прокуратуре Республика Казахстан (1992, 1995, 2017, 2022), Кыргызская Республика (1993, 2009, 2020, 2021), Республика Молдова (1992, 2003, 2008, 2016).

Среди указанных изменений нужно отметить трансформацию положений законодательства в части прокурорского надзора за исполнением законов в Республике Армения и Республике Молдова, о чем было сказано выше. При этом нельзя не отметить, что и в других государствах-участниках СНГ имели место различные по степени реформы «общего надзора».

Так, в Республике Казахстан изначально провозглашался высший надзор за точным и единообразным исполнением законов в качестве функции, в рамках которой обособленно регламентировался общий надзор как надзор за исполнением законов всеми участниками правовых отношений, охватывающий надзор за исполнением законов, надзор за соответствием законам правовых актов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина (Конституционный закон Ре-

спублики Казахстан от 17 января 1992 г. № 1146-XII «О прокуратуре», утратил силу). Позднее был обособлен надзор за применением Конституции, законов и указов Президента Республики Казахстан и иных нормативных правовых актов, а также надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, законных интересов юридических лиц и государства (Закон Республики Казахстан от 21 декабря 1995 г. № 2709 «О прокуратуре», утратил силу). В следующем законе о прокуратуре общий надзор был определен как высший надзор за законностью деятельности государственных, местных представительных и исполнительных органов, органов местного самоуправления и их должностных лиц, иных организаций независимо от формы собственности, а также принимаемых ими актов и решений (Закон Республики Казахстан от 30 июня 2017 года № 81-VI «О прокуратуре», утратил силу), что было воспроизведено в действующем законе 2022 г., где гл. 3 посвящена пределам и формам высшего надзора (ранее (в 2017 г.) сходные правоотношения регулировала гл. 2 «Сферы прокурорского надзора»).

В целом можно констатировать тренд на систематизацию нормативного материала о прокуратуре в Республике Казахстан, поскольку первоначальные законы (1992 и 1995 гг.) содержали сложную структуру и насчитывали 12 глав, тогда как действующий закон состоит только из 7 глав, поскольку основной массив законоположений теперь объединен в общую главу: «Пределы и формы высшего надзора. Представительство интересов государства в суде. Уголовное преследование. Рассмотрение обращений. Правовые гарантии деятельности прокурора» (Конституционный закон Республики Казахстан от 5 ноября 2022 г. № 155-VI «О прокуратуре»).

Выводы

Роль Модельного закона «О прокуратуре» как источника международных стандартов построения прокуратуры – наиважнейшей институции современного государства и регламентации ключевых норм прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы на региональном уровне (пространстве Содружества) – выражается в следующем: процесс разработки и принятия модельного закона способствует унификации правоприменительных практик, сближению правовых систем государств-участников СНГ в части регулирования деятельности ключевого конституционного органа государственной власти, улучшению сотрудничества между правоохранительными органами. Примеры его применения в законодательной и правоприменительной практике демонстрируют важность и актуальность таких законодательных актов в контексте современных вызовов и потребностей глобального сообщества.

Анализ объема нормативного материала и особенностей юридической техники изложения законоположений о прокурорском надзоре за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы позволяет выстроить типологию законов о прокуратуре государств-участников СНГ. Так, в зависимости от обособления правового регулирования прокурорского надзора за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы в самостоятельной структурной единице нормативного правового акта (разумеется, в данном случае не учитываются сведения о структуре законов о прокуратуре Республик Армении и Молдовы, поскольку действующее законодательство этих государств-участников СНГ не содержит положений о прокурорском надзоре за исполнением законов) допустимо выделить:

оптимизированную модель, в рамках которой положения о прокурорском надзоре не объединяются в главу или раздел, образуя лишь часть главы об отдельных направлениях прокурорской деятельности (Республика Казахстан, Азербайджан-

ская Республика (Закон Азербайджанской Республики от 7 декабря 1999 г. № 767-IQ «О прокуратуре»));

простую модель, в рамках которой законодатель выделяет полноценный раздел «Общий надзор» или главу «Прокурорский надзор», объединяя нормативный материал о предмете, полномочиях и актах прокурорского надзора (Российская Федерация (Федеральный закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (ред. от 30 сентября 2024 г.) «О прокуратуре Российской Федерации»), Республика Таджикистан (Конституционный закон Республики Таджикистан от 25 июля 2005 г. № 107 «Об органах прокуратуры Республики Таджикистан»));

усложненную модель, при которой в самостоятельный раздел выделяются положения не только о предмете надзора, полномочиях прокурора, но и об актах прокурорского надзора (Республика Беларусь (Закон Республики Беларусь от 8 мая 2007 г. № 220-З «О прокуратуре Республики Беларусь»), Кыргызская Республика (Конституционный закон Кыргызской Республики от 10 сентября 2021 г. № 114 «О прокуратуре Кыргызской Республики»), Республика Узбекистан (Закон Республики Узбекистан от 9 декабря 1992 г. № 746-XII «О прокуратуре»), Республика Туркменистан (Закон Республики Туркменистан «О прокуратуре Республики Туркменистан»)).

Библиографический список

Багдасарян А. В. Государственно-правовой статус и развитие прокуратуры в Республике Армения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. – М., 1995. – 27 с.

Волженкин Б. В. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ // Государство и право. – 1996. – № 5. – С. 67–76.

Волженкин Б. В. Модельный уголовный кодекс для государств-участников СНГ и новое уголовное законодательство России // Проблемы уголовного права в связи с реформой уголовного законодательства: сб. науч. тр. – М., 1997. – С. 14–24.

Гурина М. В. Роль модельного законодательства в формировании общего образовательного пространства Содружества Независимых Государств // Государство и право в XXI веке: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2021. – С. 146–149.

Кони А. Ф. Собрание сочинений. – Т. 5. – М.: Юрид. лит., 1968. – 146 с.

Михалева Т. Н. Модельное правотворчество в СНГ как юридическое средство мягкой интеграции и проявление парламентской дипломатии // Дипломатия Беларуси в условиях новых вызовов: материалы междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2023. – С. 56–60.

Пантькина М. И. Модельное право: проблемы теории и практики применения // Концепт. – 2014. – № 8. – С. 56–60.

Прокурорский надзор за исполнением законов вне уголовно-правовой сферы: проблемы теории и практики: моногр. / под ред. Н. В. Субановой. – М.: Проспект, 2023. – 400 с.

Рябцев В. П. Избранные труды. – М.: Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2014. – 300 с.

Рябцев В. П. Правовой статус прокуратуры: тенденции и противоречия развития // Вестник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – 2009. – № 3 (11). – С. 13–16.

Струсь К. А. Эволюция представлений о содержании категории «правовые основы» // История государства и права. – 2013. – № 9. – С. 50–55.

Струсь К. А., Попандопуло Н. А. Категория «Правовые основы»: к вопросу о классификации // Вопросы современной юриспруденции. – 2013. – № 32. – С. 85–88.

Фукс В. Я. Следователи, обвинители, защитники // Русский вестник. – 1866. – 220 с.
 Шестакова Е. В. Модельное законодательство: теоретико-правовые аспекты и практика применения: дис. ... канд. юрид. наук. – М., 2006. – 204 с.

References

Baghdasaryan, A. V. (1995) *Gosudarstvenno-pravovoi status i razvitie prokuratury v Respublike Armeniya* [State and legal status and development of the prosecutor's office in the Republic of Armenia]: autoabstract. of cand. jur. sc. thesis. Moscow, 27.

Fuchs, V. Ya. (1866) *Sledovateli, obviniteli, zashchitniki* [Investigators, prosecutors, defenders]. *Russkii vestnik*, 220.

Gurina, M. V. (2021) *Rol` model`nogo zakonodatel`stva v formirovanii obshchego obrazovatel`nogo prostranstva Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [The role of model legislation in the formation of a common educational space of the Commonwealth of Independent States]. *Gosudarstvo i pravo v XXI veke* [State and law in the 21st century]: conference papers. Minsk, BGU, 146–149.

Koni, A. F. (1968) *Sobranie sochinenii* [Collected works]. (5), Moscow, Yuridicheskaya literatura, 146.

Mikhaleva, T. N. (2023) *Model`noe pravotvorchestvo v SNG kak yuridicheskoe sredstvo myagkoi integratsii i proyavlenie parlamentskoi diplomatii* [Model law-making in the CIS as a legal means of soft integration and a manifestation of parliamentary diplomacy]. *Diplomatiya Belarusi v usloviyakh novykh vyzovov* [Diplomacy of Belarus in the context of new challenges]: conference papers. Minsk, BGU, 56–60.

Pantykina, M. I. (2014) *Model`noe pravo: problemy teorii i praktiki primeneniya* [Model law: problems of theory and practice of application]. *Kontsept*, (8), 56–60.

Ryabtsev, V. P. (2009) *Pravovoi status prokuratury: tendentsii i protivorechiya razvitiya* [Legal Status of the Prosecutor's Office: Development Trends and Contradictions]. *Vestnik Akademii General`noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii*, (3:11), 13–16.

Ryabtsev, V. P. (2014) *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Moscow, Akademiya General`noi prokuratury Rossiiskoi Federatsii, 300.

Shestakova, E. V. (2006) *Model`noe zakonodatel`stvo: teoretiko-pravovye aspekty i praktika primeneniya* [Model legislation: theoretical and legal aspects and practical application]: cand. jur. sc. thesis. Moscow, 204.

Strus, K. A. (2013) *Evolyutsiya predstavlenii o soderzhanii kategorii 'pravovye osnovy'* [Evolution of Ideas about the Contents of the Category 'Legal Foundations']. *Istoriya gosudarstva i prava*, (9), 50–55.

Strus, K. A. & Popandopulo, N. A. (2013) *Kategoriya 'Pravovye osnovy': k voprosu o klassifikatsii* [Category 'Legal Foundations': on the Issue of Classification]. *Voprosy sovremennoj yurisprudencii*, (32), 85–88.

Subanova, N. V. (ed.) (2023) *Prokurorskii nadzor za ispolneniem zakonov vne ugolovno-pravovoi sfery: problemy teorii i praktiki* [Prosecutor's supervision over the execution of laws outside the criminal law sphere: problems of theory and practice]: monography. Moscow, Prospekt, 400.

Volzhenkin, B. V. (1996) *Model`nyi ugolovnyi kodeks dlya gosudarstv-uchastnikov SNG* [SNG Model criminal code for the CIS member states]. *Gosudarstvo i pravo*, (5), 67–76.

Volzhenkin, B. V. (1997) *Model`nyi ugolovnyi kodeks dlya gosudarstv-uchastnikov SNG i novoe ugolovnoe zakonodatel`stvo Rossii* [Model criminal code for the CIS member states and the new criminal legislation of Russia]. *Problemy ugolovnogo prava v svyazi s reformoi ugolovnogo zakonodatel`stva* [Problems of criminal law in connection with the reform of criminal law]: conference papers. Moscow, 14–24.

Информация об авторе

Шамиль Магомедзагирович Магомедов – аспирант Университета прокуратуры Российской Федерации (e-mail: lemon8709@mail.ru).

Information about the author

Shamil M. Magomedov – Postgraduate Student of the University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation (e-mail: lemon8709@mail.ru).

© Ш. М. Магомедов, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Митин А. Н., Новикова С. В. Применение герменевтики для анализа толкования права на основе традиционных ценностей // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 66–79. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_66.

Information for citation:

Mitin, A. N. & Novikova, S. V. (2025) Primenenie germenevtiki dlia analiza tolkovaniia prava na osnove traditsionnykh tsennostei [Application of Hermeneutics to Analyze the Interpretation of Law Based on Traditional Values]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 66–79. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_66.

УДК 101

BISAC 16000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_66.

Научная статья

ПРИМЕНЕНИЕ ГЕРМЕНЕВТИКИ ДЛЯ АНАЛИЗА ТОЛКОВАНИЯ ПРАВА НА ОСНОВЕ ТРАДИЦИОННЫХ ЦЕННОСТЕЙ

А. Н. Митин

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

С. В. Новикова

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева
ORCID ID: 0000-0001-8992-2017

Статья посвящена исследованию понятия «семья» в контексте традиционных российских ценностей, анализу значения и исторических трансформаций данного термина с привлечением методологии юридической герменевтики. Авторы обращаются к проблеме смыслов и интерпретаций феномена «семья», его многогранности и изменчивости в историко-философском и правовом аспектах. Традиционные ценности рассматриваются в качестве неотъемлемых правовых и культурных ориентиров современного общества. Кроме того, в статье обосновываются актуальность и потенциал философской и юридической герменевтики как метода толкования права с позиции традиционных ценностей. В ходе исследования решаются следующие задачи. Во-первых, раскрываются философские истоки и юридические смыслы понятия «семья» как основополагающей традиционной ценности. Во-вторых, исследуются историческое развитие юридической герменевтики как части философии права и применение ключевых методологических понятий и категорий герменевтического метода для анализа ценностных основ современного права. В-третьих, проводится анализ современного законодательства с точки зрения отсутствия в нем четкого определения понятия «семья» и необходимости его исследования.

Ключевые слова: философия права, семья, герменевтика, герменевтический круг, культурные коды, правовая аксиология, ценности

APPLICATION OF HERMENEUTICS TO ANALYZE THE INTERPRETATION OF LAW BASED ON TRADITIONAL VALUES

Alexander N. Mitin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-1788-6736

Svetlana V. Novikova

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0001-8992-2017

The article is devoted to the study of the concept of «family» in the context of traditional Russian values, analysis of the meaning and historical transformations of this term using the methodology of legal hermeneutics. The authors address the problem of meanings and interpretations of the phenomenon of «family», its versatility and variability in historical, philosophical and legal aspects. Traditional values are considered as integral legal and cultural guidelines of modern society. In addition, the article substantiates the relevance and potential of philosophical and legal hermeneutics as a method of interpreting law from the perspective of traditional values. During the study, the following tasks are solved. Firstly, the philosophical origins and legal meanings of the concept of «family» are revealed as the fundamental traditional value. Secondly, the historical development of legal hermeneutics as part of the philosophy of law and the application of key methodological concepts and categories of the hermeneutic method to analyze the value foundations of modern law are explored. Thirdly, an analysis of modern legislation is carried out from the point of view of the lack of a clear definition of the concept of «family» and the need for its research.

Keywords: *philosophy of law, family, hermeneutics, hermeneutic circle, cultural codes, legal axiology, values*

Введение

Право – слишком серьезная вещь,
чтобы доверять ее только правоведам...
Ю. Г. Ершов

По диалектическим законам исторического процесса количественные изменения переходят в качественные, социально-политические, экономические противоречия накапливаются и приводят к кардинальной смене картины мира и парадигм ее описания. Сегодня мы находимся на таком этапе развития общества и государства, когда происходит переосмысление самих основ государственной деятельности и системы как правовых, так и общекультурных ценностей, поскольку именно ценности лежат в основе ценностных ориентаций, определяющих жизненные выборы и поступки людей, а также фундамент общественного сознания. Особое место среди традиционных ценностей занимают понятия «семья» и «семейные ценности».

Представляется актуальным историко-философское и правовое исследование развития данного понятия через призму философии права, предназначение которой – обеспечивать аксиологические и методологические основания права, правосознания и правового мышления. Особый интерес в данном исследовании будет представлять юридическая герменевтика как метод толкования права на основе традиционных ценностей многонациональной страны, вписанных в систему ко-

дексов Российской Федерации. Она позволяет рассмотреть право с точки зрения многообразия его культурно-смысловых кодов.

Материалы и методы

Для решения поставленных в данной работе задач применялись методы непосредственно герменевтического исследования, а также методы диалектики и сравнительного анализа. Авторы изучили правовые и философские источники формирования понятия «семья», традиционные и семейные ценности, выявив необходимость дальнейшего формирования обозначенного понятия в контексте трансформаций современной культуры.

Результаты

В современном законодательстве и юридических словарях отсутствует определение понятия «семья», его содержание меняется в зависимости от практических задач Семейного, Гражданского или Жилищного кодекса. При этом именно семья является основой стабильности и развития современного общества, его базовой традиционной ценностью, требующей защиты и сохранения в ситуации размывания границ культурной идентичности и понимания брака в традиционном смысле, как союза мужчины и женщины.

Исследование философских и правовых взглядов на семью в отечественной и западной культуре, начиная с Античности, позволяет утверждать, что семья – это не только социальная ячейка, но и духовная основа общества. Особую роль в понимании и интерпретации семейных ценностей имеют философия права и юридическая герменевтика, позволяющие проанализировать понятие «семья» в различных контекстах, выявляя «темные» места, требующие внимания не только юристов, но и философов.

Обсуждение

Согласно Основам государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей (утв. Указом Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809) в основе программы действий, направленных на стабилизацию и сохранение единства многонационального и многоконфессионального государства, находятся естественные права человека, возведенные в категорию «ценности». К числу традиционных ценностей относятся «жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм... семья, созидательный труд... гуманизм, милосердие и справедливость...». Особое значение в формировании целостной личности имеет институт семьи. Отметим, что 2024 г. объявлен Годом семьи, поскольку, по словам Президента РФ В. В. Путина, «семья – это не просто основа государства и общества, это духовное явление, основа нравственности» (Указ Президента РФ от 22 ноября 2023 г. № 875 «О проведении в Российской Федерации Года семьи»). В многочисленных междисциплинарных исследованиях отмечается, что семья, семейные ценности, их правовая защита – это три понятия, которые не могут существовать друг без друга. Семейные ценности теряют свое значение, если не будет семьи. Семья не имеет перспектив создания и существования без основополагающих принципов, которые ориентированы на сохранение ее целостности и духовного здоровья. Семейные ценности – это отношение людей друг к другу, обогащенные любовью, социальным одобрением и заботой. Мужчина и женщина, создавая союз,

как при строительстве общего дома, всегда совместно создают фундамент семейных отношений, социальную и культурную атмосферу, в которой будут расти их дети.

При этом понятие «семья» – один из наиболее интересных терминов для философско-правового исследования, современное российское семейное законодательство не дает его определение.

Значительный вклад в изучение семьи внесла российская философская традиция, представленная в основном религиозно-консервативными мыслителями – Н. А. Бердяевым, Вл. С. Соловьевым, И. А. Ильиным, П. А. Флоренским и другими авторами, которые сходились во мнении, что семья является основным социальным институтом и нравственной основой общества, где зарождаются и получают развитие все лучшие человеческие начинания.

В дореволюционный период в российском праве семья понималась крайне неоднозначно: как «союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих» [Соловьев, 1981: 9], как «основная ячейка государственного организма, пользующаяся некоторой автономией» [Свердлов, 1958: 19], как «одна из форм хозяйственного быта» [Пахман, 2003: 369]. И. Л. Корнеева в учебнике «Семейное право» упоминает Большую энциклопедию, которая вышла в свет в 1904 г., там семья определялась как «совокупность лиц, связанных между собой узами родства или брака» [Корнеева, 2022: 23]. В комментарии к Гражданскому кодексу в 1913 г. семьей признавали совокупность лиц, связанных браком или родством: мужа и жену, даже не имевших детей, родителей вместе с детьми и остальных родственников, находившихся в ближайших степенях родства до тех пор, пока они не представляли «одноместство» [Эльясевич, 1913]. В свою очередь «одноместство» интерпретировалось не только как совокупное местожительство и хозяйство, но и как «состояние ее членов между собою во взаимном отношении и верности», позволяющих реализовать общесемейный фамильный интерес [Покровский, 1998: 191]. После принятия Кодекса о браке, семье и опеке в 1926 г., как отмечает А. А. Григорьева, понятие «семья» стало определяться совокупностью оснований, способствующих ее возникновению, и присущих ей признаков [Григорьева, 2018]. Одни юристы рассматривали семью как «союз лиц, основанный на свободном и равноправном браке, близком родстве, усыновлении или иной форме воспитания ребенка, и характеризующийся общностью жизни и интересов этих лиц, обладающих соответствующими правами и обязанностями» [Рясенцев, 1982: 42–43]. Другие под семьей подразумевали «основанное на браке или кровном родстве объединение лиц, связанных между собой взаимными правами и обязанностями, взаимной моральной и материальной общностью и поддержкой, рождением и воспитанием потомства, ведением общего хозяйства» [Матвеев, 1985: 46–48].

С 1 января 1995 г. в российскую правовую реальность вошел брачный договор, призванный укрепить брак, исключить конфликты и споры между супругами относительно имущества. Так, п. 1 ст. 256 ГК РФ гласил: «Имущество, нажитое супругами во время брака, является их совместной собственностью, если договором между ними не установлен иной режим этого имущества». Само понятие «брачный договор» было введено в оборот с 1 марта 1996 г. в связи с принятием нового Семейного кодекса.

Но дискуссии продолжают, и сегодня исследователями термин «семья» интерпретируется по-разному. Семья в юридическом смысле рассматривается как объединение обычно совместно проживающих лиц, связанных друг с другом взаимными правами и обязанностями, возникающими из брака либо же родства, усыновления или иного устройства детей на воспитание в семью. Законодательство нашей стра-

ны признает юридически значимыми (порождающими юридические последствия) браки, зарегистрированные в органах ЗАГС [Краснова, Кучинская, 2022: 69]. Другие исследователи считают, что семья есть правовой институт, а сама она представляет собой триединую сущность, т. е. социальную ячейку государства, ограниченный коллектив, имеющий свою структуру, сферу жизнедеятельности личности. Российская семья не свободна от материальных расчетов, ведь на ней не могут не отражаться все те перемены, которые происходят в обществе, поэтому она не может претендовать на роль семьи высшего исторического типа [Чефранова, 2025: 96].

А. Е. Селезнева в контексте семейных ценностей рассматривает семью как социальную группу людей, связанную браком или кровными узами, отличительными признаками которой является: совместное проживание и быт, общие интересы, взаимная ответственность и помощь [Селезнева, 2021].

Эта проблематика исследуется в диссертационных работах. Так, М. В. Торопыгина предлагает определенные этапы генезиса и эволюции концепций семьи: «1) традиционный; 2) классический сциентистский; 3) неклассический сциентистский; 4) постнеклассический сциентистский (современный)» [Торопыгина, 2011: 6].

Как уже отмечалось, понятие «семья» как таковое в отечественном законодательстве отсутствует, а Семейный кодекс в настоящее время подвергается серьезным изменениям в связи с выходом Указа Президента РФ об Основах государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Поэтому есть необходимость обратиться к философии права и методологии юридической герменевтики для более глубокого исследования данного понятия и последующего анализа возможностей защиты традиционных семейных ценностей в законодательстве.

При анализе взглядов мыслителей на семью начиная с Античности выясняется, что философский статус понятие «семья» приобретает в работах Платона и Аристотеля, прежде всего с позиции ее отношения к общему социальному порядку, преимущественно к государству. В проекте идеального государственного устройства, изложенном в трактате «Государство», Платон формулирует необходимость введения института брака и жесткого контроля со стороны государства за репродуктивным поведением с целью обеспечения демографической стабильности; эти тезисы повторяются в «Законах» [Шкода, 1999: 236–255].

Аристотель считал семью исходной ячейкой и основой государства, в которой должны присутствовать стремление к деторождению и инстинкт самосохранения. Интересы государства являются истиной и сущностью интересов семьи и общества. Семья представляет собой первую форму общения, возникшую естественным путем «для удовлетворения повседневных надобностей» [Аристотель, 1999: 466].

В концепциях Ф. Бэкона, Т. Гоббса, И. Канта семья воспринимается как неотъемлемая компонента естественных прав человека.

Философские размышления Д. Юма относительно семьи сосредоточены на сфере брачно-семейных отношений, где доминирует понятие брака как соглашения, заключаемого по взаимному согласию сторон и направленного на продолжение рода. Философ размышляет также о разводе и его последствиях.

Взгляды И. Канта на семью и брачные отношения противоречивы. Модель взаимоотношений в семье конструируется им на основе двух противоположных тезисов: 1) отношения вступающих в брак строятся исходя из принципа равенства; 2) мужчина господствует в семье и в обществе в силу его «естественного превосходства» [Кант, 2007: 129].

Семья в исследованиях Гегеля заключается в естественной любви супругов, рождении и воспитании детей, в осознанной любви мужа и жены и в отношении их детей, совместном труде и имуществе. Именно в этом он видит сущность семьи. Философ отказывается от традиций рассмотрения вопросов брака и семьи в рамках теории естественного права и переносит их в сферу морали и нравственности. Гегель пишет: «Семья как непосредственная субстанциальность духа имеет своим определением свое чувствующее себя единство, любовь, так что умонастроение внутри семьи состоит в обладании самосознанием своей индивидуальности в этом единстве как в себе и для себя сущей существенности, чтобы являть себя в ней не как лицо для себя, а как член этого единства» [Гегель, 1990: 208].

Обращение к философии права в процессе анализа взглядов представителей различных философских направлений относительно семьи позволяет утверждать, что многие положения обладают методологической и теоретической значимостью, особенно в современных условиях, при внесении значительных изменений в Семейный кодекс для сохранения ценностей семьи и семейных отношений.

Термин «семейные ценности» не имеет легального определения в семейном законодательстве современной России. Закон называет лишь субъектов, относящихся к членам семьи.

Вместе с тем согласно толкованиям, приведенным Конституционным Судом РФ в постановлении от 23 сентября 2014 г. № 24-П, «семья, материнство и детство в их традиционном, воспринятом от предков понимании представляют собой те ценности, которые обеспечивают непрерывную смену поколений, выступают условием сохранения и развития многонационального народа Российской Федерации, а потому нуждаются в особой защите со стороны государства». Если рассматривать это явление более подробно, то, по мнению А. А. Елисейевой, традиционная семейная ценность как правовая категория является благом, которое, в свою очередь, представляет собой объект интереса, в том числе семьи. Интересы семьи формируют цели интересов каждого члена семьи и общего предела их реализации. Поэтому традиционные ценности российской семьи следует рассматривать как исторически сложившиеся нравственно-духовные ориентиры построения семейной жизни, обеспечивающие непрерывную смену поколений, выступающие условием сохранения и развития самобытности многонационального народа Российской Федерации. Традиционные семейные ценности (крепкая семья, брак, материнство, отцовство, дети, семейное воспитание, солидарность поколений и т. д.) – объекты интересов семьи. Но не все интересы семьи признаются правовыми. Как правовая категория традиционные семейные ценности представляют собой нематериальные блага, охраняемые и защищаемые законом [Елисейева, 2023: 70].

К семейным ценностям можно также отнести: брак как союз мужчины и женщины, преемственность поколений, заботу о достойной жизни старшего поколения, многодетность, материнство, отцовство, ответственность родителей за своих детей и заботу о них.

В связи с этим есть необходимость рассмотрения процессов формирования и защиты семейных ценностей в современном праве через призму методологических принципов философии права. Как отмечает С. С. Алексеев, «право в строго юридическом значении (выступающее в виде законов, правосудия, то есть позитивное право)» представляет собой «жесткий нормативно-ценностный регулятор поведения людей, тесно связанный с силой, властью», именно поэтому оно неизменно «нуждается в духовной поддержке, в своего рода освящении... обоснованности, оправданности в сознании всех людей» [Алексеев, 1999b: 3].

С момента своего зарождения в Античности и до наших дней философия права была призвана выполнять функцию обоснования права с позиции его индивидуальных, человеческих целей и смыслов, «под углом зрения сути человеческого бытия, существующей в нем системы ценностей» [Алексеев, 1999b: 4]. Подобной позиции, понимания философии права как дисциплины, посвященной смыслу права, его не только практическим, но и метафизическим аспектам, придерживаются также Ю. В. Тихонравов, Ю. Г. Ершов, В. С. Нерсисянц. По мнению В. С. Нерсисянца, философия права не только направлена на исследование смысла права, «его ценностей и значимостей, его роли в жизни человека, общества и государства», но и призвана обосновать, что право как таковое является высшей ценностью, проявлением «бытия свободы» [Нерсисянц, 2000: 231].

Одной из базовых задач философии права становится разработка системы обоснования и формирования правовых ценностей как универсальных общекультурных оснований целостности общества, таких как «идея права», «свобода», «справедливость», «истина» и «порядок». При этом, как отмечает И. П. Малинова, философия права формирует «методологические основания правового мышления», перенося в юридическую практику изначально философские методы познания, такие как диалектика, феноменология и герменевтика. Особое значение имеет для данного исследования именно методология герменевтики, позволяющая рассматривать явления как культуры, так и правовой онтологии (законы, нормы права) с точки зрения многозначности смыслов и интерпретаций с учетом культурно-исторического контекста их проявления и применения.

Обратимся к историко-философским истокам юридической герменевтики. Термин «герменевтика», «герменевтическое искусство» или «техне» (гр. «*hermeneutikē technē*», «*hermeneutikē*») употреблено в диалоге Платона «Ион», когда Сократ называет поэтов «толкователями» воли богов. В дальнейшем традиция пояснения «сакральных смыслов» заменяется техниками «ученого толкования», «логической грамматикой» в работах Аристотеля, в частности «Об истолковании». Здесь речь идет лишь о грамматических проблемах высказываний относительно их истинности или ложности. Главной причиной развития античной герменевтики было противостояние между грамматическим и аллегорическим способами толкования текстов. Если грамматическое истолкование сохраняло «буквальный смысл» («*sensus literalis*») интерпретируемого текста, то аллегорическое придавало изначальному тексту новый смысл («*sensus allegoricus*») в контексте нового мышления. Аллегорическое истолкование получило дальнейшее развитие в работах Филона Александрийского, попытках примирения ближневосточного мифического мировоззрения с античным рационализмом, а также в работах Климента и Оригена «О началах» [Степин, 2006: 217]. В средневековой культуре проблемы толкования и интерпретации ограничивались экзегетикой, направленной на осмысление Священного Писания.

Следующий этап в развитии герменевтики связан с найденным в 1080 г. сводом римского права и его систематическим изучением в Болонской юридической школе. С этого момента начинает формироваться профессиональное сословие юристов. Можно отметить, что юридическая герменевтика зарождается на основе схоластики и диалектики, как искусство примирения противоречий.

Одним из первых методологов юридической герменевтики можно считать Г. Гроция. В работе «О праве войны и мира» одна из глав второй книги «Право народов» так и называется – «О толковании». Г. Гроций описывает приемы интерпретации юридических терминов в зависимости от контекста, дает инструкции по разрешению антиномий и противоречий, встречающихся в юридических текстах. Голланд-

ский юрист ввел такие виды интерпретации, как «грамматическая, логическая, историческая, „техническая (учитывающая специфику конкретного законодательства)“ и рекомендательная (для практического применения профессиональными юристами)» [Кузнецов, 1999]. Благодаря Г. Гроцию юридическая герменевтика начинает применяться и развиваться в теории права.

Очередной этап развития герменевтической методологии связан с работой Ф. Шлейермахера над «принципом конгениальности» (способности интерпретатора настроиться на «душевное состояние» автора, вникнуть в специфику его языка и внутреннего мира, саму ситуацию создания текста), а также с зарождением в его психологической герменевтике идеи «герменевтического круга», согласно которой процесс понимания подобен движению по расширяющемуся кругу, когда для понимания целого необходимо понимание его частей, а для понимания частей – понимание единого целого. В процессе понимания соединяются два метода: исторический и дивинаторный (интуитивно-предвосхищающий). В концепции Ф. Шлейермахера любой текст представляет собой «двуединую сущность», он и часть языка, и результат творчества индивида одновременно. Из этого формируется способность к «суперпониманию», которое дает возможность «понимать речь сперва так же хорошо, а потом и лучше, чем автор» [Малинова, 2013: 122].

Далее вклад в развитие философской и юридической герменевтики вносит итальянский юрист, философ и теолог Эмилио Бетти. Он систематизировал все предшествовавшие техники интерпретации в четыре канона: «герменевтической автономии», «герменевтической целостности», «актуальности понимания» и «герменевтического консонанса». Каноны автономии и целостности описывают герменевтический процесс с позиции его объекта, а каноны понимания и консонанса – с позиции субъекта понимания. Под автономией понимается автономия текста, недопустимость произвольной интерпретации авторского текста. Канон целостности – это закон контекста, он подразумевает, что правильное понимание авторского текста предполагает знание культурной, социально-политической, идеологической и психологической среды автора, а также истории творчества автора, произведения и жанра данного произведения. Под герменевтическим консонансом понимается «соотносимость смысла» или «адекватность понимания» [Степин, 2006: 222–223]. Процесс понимания включает в себя три взаимодействия: между автором текста, самим текстом и интерпретатором.

В герменевтике М. Хайдеггера, в отличие от ориентированной на достижение объективного понимания классической герменевтики, в центре внимания оказывается сам «феномен понимания». Хайдеггер показывает, насколько наше понимание определяется нашим прошлым, «предпониманием».

Наиболее ценным вкладом в развитие герменевтики П. Рикёра стал принцип «легитимации множественности интерпретаций». Согласно его концепции возможна не только множественность, но и конфликт интерпретаций, «текстуальная полисемия»¹, когда одно и то же слово может иметь несколько значений. Например, слово «слон» – это и животное, и шахматная фигура, и призывник первого года службы. Кроме того, П. Рикёр вносит существенный вклад в развитие юридической герменевтики, когда переносит герменевтический метод в область социальных исследований, а его «теория действия» позволяет рассматривать события и взаи-

¹ Полисемия – наличие различных (но в какой-либо мере связанных) смыслов и (или) значений у одного и того же слова (словосочетания, фразы), различных интерпретаций у одного и того же знака или знаковосочетания. Понятие полисемии употребляется в лингвистике, логике, логической семантике и семиотике. См.: URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/enc3p/238626> (дата обращения: 21.04.2024).

модействия людей как текст. По мнению П. Рикёра, социальные науки являются герменевтическими, «1) поскольку их объект обнаруживает некоторые черты, конститутивные для текста как такового, 2) поскольку в их методологии разрабатываются процедуры, аналогичные процедурам „Auslegung“ или интерпретации текста» [Филиппов, 2015].

Итак, благодаря исследованиям Г. Гроция, Ф. Шлейермахера, Э. Бетти, М. Хайдеггера, П. Рикёра, а также Х.-Г. Гадамера формируются методологические основания современной юридической герменевтики. В своих наблюдениях С. С. Алексеев утверждал, что юридическая герменевтика – это «наука (и искусство) толкования юридических терминов и понятий, вершина юридического мастерства, кульминационный пункт юридической деятельности» [Алексеев, 1999а: 130].

Методология и проблематика юридической герменевтики исследуются представителями юридической науки, в частности А. Н. Гармашевым, А. В. Васюк, А. И. Овчинниковой, Р. Мельниченко. Из философской в юридическую герменевтику переходят такие понятия, как «текст», «контекст», «пресуппозиция», «интерпретация», «понимание» и «культурные коды», расширяя возможности толкования в праве. Как отмечает И. П. Малинова, «интерпретационная деятельность в праве не сводится к толкованию юридических текстов, а на всех этапах юридического процесса осуществляется интерпретация событий, действий, а также их следов» [Малинова, 2013: 115].

Р. Мельниченко выделяет пять этапов герменевтического анализа: «курсорное чтение» (просмотр текста), выявление «темного места» (отсутствие четкого определения), формулировка вопроса к «темному месту», выдвижение гипотез ответа к «темному месту» и критика гипотез. В качестве примера «темного места» можно взять понятие «аморальный поступок», закрепленное в п. 8 ст. 81 ТК («Увольнение работника, выполняющего воспитательные функции, за аморальный поступок»). Данное понятие и его содержание остаются на усмотрение работодателя и зависят от его системы ценностей и «культурных кодов».

Возвращаясь к изначальному вопросу нашего исследования, защите традиционных российских духовно-нравственных ценностей в современном законодательстве, обратимся к интерпретации понятия «семья», поскольку оно является «темным местом», требующим внимания и толкования. В начале нашего исследования уже отмечалось, что в дореволюционной России семья трактовалась в семейном праве как «союз лиц, связанных браком, и лиц, от них происходящих», как основная ячейка государственного организма, пользующаяся некоторой автономией, как «одна из форм хозяйственного быта», как «группа лиц, связанных браком или родством, живущих совместно друг с другом» [Белясов, Пирогов, 2020]. В современном законодательстве нет точного определения понятия «семья», оно раскрывается через понятие «члены семьи», которое также неоднозначно, его содержание меняется в зависимости от рассматриваемого кодекса. Как отмечает Б. М. Гонгало, официальное юридическое определение понятия «семья» в законодательстве отсутствует: «В различных отраслях законодательства (гражданском, жилищном, трудовом и т. д.) в понятие „семья“ вкладывается разное содержание» [Гонгало, 2006].

Действительно, даже в ст. 2 Семейного кодекса («Отношения, регулируемые семейным законодательством») мы не находим четкого определения данного понятия. Речь идет только о том, что к членам семьи относятся: супруги, родители и дети (усыновители и усыновленные), а также другие родственники и иные лица. Подобную ситуацию (отсутствие четкого определения понятия «семья») можно увидеть и в Жилищном кодексе. Согласно ст. 31 ЖК РФ («Права и обязанности граждан, проживающих совместно с собственником в принадлежащем ему жилом помеще-

нии») к членам семьи относятся «проживающие совместно с данным собственником в принадлежащем ему жилом помещении его супруг, а также дети и родители данного собственника. Другие родственники, нетрудоспособные иждивенцы и в исключительных случаях иные граждане могут быть признаны членами семьи собственника, если они вселены собственником в качестве членов своей семьи». Таким образом, в контексте ЖК РФ к семье будут относиться граждане, «вписанные» как члены семьи, какое-либо кровное родство не требуется. В ст. 69 ЖК РФ («Права и обязанности членов семьи нанимателя жилого помещения по договору социального найма») акцентируется внимание также на том, что в исключительных случаях в судебном порядке членами семьи могут быть признаны «иные лица».

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 2 июля 2009 г. № 14 «О некоторых вопросах, возникших в судебной практике при применении Жилищного кодекса Российской Федерации», при рассмотрении вопроса о праве собственности подобным образом вместо понятия «семья» говорится о «членах семьи» собственника жилого помещения, к которым относятся любые родственники «независимо от степени родства... бабушки, дедушки, братья, сестры, дяди, тети... и нетрудоспособные иждивенцы как самого собственника, так и членов его семьи, а в исключительных случаях иные граждане (например, лицо, проживающее совместно с собственником без регистрации брака)». Главным критерием принадлежности к «семье» является «вселение» собственником их в качестве членов своей семьи.

Содержание понятия «семья» меняется в зависимости от контекста рассматриваемого законодательного акта. Так что понятие «семья» остается «темным местом», требующим внимания исследователей и законодателей, толкования с помощью философской и юридической герменевтики.

Многие отечественные семейные ценности признаются традиционными, а оценочное понятие «традиционный» в философской энциклопедии определяется как концентрирующие образцы, стереотипы деятельности, которые путем временной передачи обеспечивают воспроизводство в жизни человеческих общностей, в деятельности новых поколений аккумулированного социального опыта [Кемеров, 1998: 736].

Хотя, на наш взгляд, далеко не все традиции имеют свойство ценностей, ибо позитивную коннотацию им придают только общечеловеческие, нравственно ориентированные, не нарушающие права и свободы человека действия или мероприятия. Например, в странах Европейского союза, в частности во Франции, более десяти лет идет процесс переоценки семейных ценностей. Так, еще 28 мая 2013 г. был принят Закон «О браке для всех», узаконивший однополые союзы и уравнивший их в правовом статусе с традиционными семьями [Петюкова, 2013: 29]. В 2015 г. Верховный суд США обязал власти всех штатов США регистрировать однополые браки, а также признавать такие браки, если они заключены в других штатах США [Исаева, 2020]. Еще в 2011 г. указом Барака Обамы защита прав «сексуальных меньшинств» стала приоритетом американской внешней политики. Десять лет спустя, в 2021 г., президент Джо Байден подписал указ «О защите и продвижении прав ЛГБТ-сообщества по всему миру». Вслед за тем Федеральное правительство Германии тоже включило в свою внешнюю политику концепцию продвижения «лесбиянок, геев, бисексуалов, трансгендеров и интерсексуалов» («ЛГБТИ»).

Заключение

Применяя методологический инструментарий юридической герменевтики для определения содержания понятия «традиционные семейные ценности», авторы

делают выводы о вхождении этого понятия в правовое поле, поскольку оно обозначает важнейший объект правовой защиты и охраны. В практике толкования правовых текстов нередки ситуации, когда специально-юридических техник оказывается недостаточно. Это относится и к традиционным семейным ценностям. Поэтому перевод указанного понятия из широких социальных контактов в поле профессионального юридического мышления происходит в соответствии со сформировавшимся культурным кодом правосознания [Новикова, Постоляко, Балеевских, 2021: 157].

В современной российской правовой действительности правильным является оценивать герменевтику как дополняющее учение о технике толкования и основанное на ценностях теорию и практику интерпретации правовых документов и источников, имеющих правовое значение. Семья и семейные ценности в этом плане имеют особое значение в условиях стратегического развития России, оказывая влияние на все стороны общественной жизни, оставаясь факторами сохранения культурно-исторических традиций страны.

Библиографический список

Алексеев С. С. Право. Азбука. Теория. Философия: Опыт комплексного исследования. – М.: Норма, 1999а. – 712 с.

Алексеев С. С. Философия права: история и современность. Проблемы. Тенденции. Перспективы. – М.: Норма, 1999б. – 329 с.

Аристотель. Политика. Древнегреческая философия. От Платона до Аристотеля: соч. – М.: ООО «Издательство АСТ», 1999. – 466 с.

Белясов С. Н., Пирогов В. П. Понятия «семья» и «члены семьи» в свете современного законодательства (обзор судебной практики) // Право и практика. – 2020. – № 3. – С. 182–187.

Гегель Г. В. Ф. Философия права. – М.: Мысль, 1990. – 524 с.

Гонгало Б. М. Комментарий к статье 2 СК РФ // Постатейный комментарий к Семейному кодексу Российской Федерации / под ред. П. В. Крашенинникова. – М.: Статут, 2006. – С. 60–119.

Григорьева А. А. Семья как правовой институт: от истории к современности // Молодой ученый. – 2018. – № 33 (219). – С. 95–98.

Древнегреческая философия от Платона до Аристотеля / пер. с древнегр.; сост., вступ. ст. и коммент. В. Шкоды. – М.: АСТ, Харьков: Фолио, 1999. – 829 с.

Елисеева А. А. Традиционные семейные ценности как объект интереса: частно-правовые и публично-правовые аспекты // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2023. – № 5. – С. 69–72.

Законы гражданские: практический и теоретический комментарий. О правах и обязанностях семьи / под ред. А. Э. Эльяшевич. – М.: Ред. адвокат З. М. Зильберберг, 1913. – 387 с.

Исаева А. А. Легализация однополых союзов: конституционно-правовой обзор // Сравнительный конституционный обзор. – 2020. – № 2 (135). – С. 72–87.

Кант И. Метафизика нравов. – М.: Мир книги, 2007. – 399 с.

Корнеева И. Л. Семейное право: учеб. и практикум для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 285 с.

Краснова Т. В., Кучинская Л. А. Семейное право. Практикум: учеб. для вузов. – М.: Юрайт, 2022. – 327 с.

Кузнецов В. Герменевтика и ее путь от конкретной методики до философского направления // Философско-литературный журнал ЛОГОС. – 1999. – № 20. – С. 43–88.

Малинова И. П. Философия права и юридическая герменевтика: моногр. – Екатеринбург: Изд. дом «Уральская государственная юридическая академия», 2013. – 172 с.

Матвеев Г. К. Советское семейное право: учеб. для вузов по специальности «Правоведение». – М.: Юрид. лит., 1985. – 208 с.

Нерсисянц В. С. Философия права: учеб. для студентов высших учебных заведений, обучающихся по специальности «Юриспруденция». – М.: Норма, 2000. – 835 с.

Новикова С. В., Постоляко Л. С., Балеевских Ф. В. Традиционные семейные ценности как предмет правового мышления: герменевтический подход // KANT. – 2021. – № 3 (40). – С. 149–157.

Пахман С. В. Обычное гражданское право в России / под ред. В. А. Томсинова. – М.: Зерцало, 2003. – 700 с.

Петюкова О. Н. Семейные ценности: правовые и религиозно-нравственные измерения // Ученые записки РГСУ. – 2013. – № 6 (122). – С. 28–32.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. – М.: Статут, 1998. – 352 с.

Свердлов Г. М. Советское семейное право. – М.: Госюриздат, 1958. – 299 с.

Селезнева Е. А. Анализ понятий семьи и семейных ценностей // Проблемы современного образования. – 2021. – № 5. – С. 270–280.

Семейное право: учеб. для вузов / под ред. Е. А. Чефрановой. – М.: Юрайт, 2025. – 354 с.

Советское семейное право: учеб. / под ред. В. А. Рясенцева. – М.: Юрид. лит., 1982. – 256 с.

Современный философский словарь / под ред. В. Е. Кемерова. – Екатеринбург: Деловая книга, 1998. – 822 с.

Соловьев Н. Я. Семья в социалистическом обществе. – М.: Политиздат, 1981. – 63 с.

Степин В. С. Философия: учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. – Минск: РИВШ, 2006. – 625 с.

Торопыгина М. В. Институт семьи в современной России: социально-философский анализ: автореф. дис. ... канд. филос. наук. – М., 2011. – 19 с.

Филиппов А. Ф. Действие как событие и текст: к социологическому осмыслению Поля Рикёра // МЕТОД: Московский ежегодник трудов из обществоведческих дисциплин. – 2015. – № 5. – С. 90–108.

References

Alekseev, S. S. (1999a) *Pravo. Azbuka. Teoriya. Filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya* [Law. The ABC. Theory. Philosophy: The experience of complex research]. Moscow, Norma, 712.

Alekseev, S. S. (1999b) *Filosofiya prava: istoriya i sovremennost` . Problemy. Tendentsii. Perspektivy* [Philosophy of Law: history and modernity. Problems. Trends. Prospects]. Moscow, Norma, 329.

Aristotle (1999) *Politika. Drevnegrecheskaya filosofiya. Ot Platona do Aristotelya* [Politics. Ancient Greek philosophy. From Plato to Aristotle]: writings. Moscow, ООО «Izdatel` stvo AST», 360.

Belyasov, S. N. & Pirogov, V. P. (2020) Ponyatiya ‘sem`ya’ i ‘chleny sem`i’ v svete sovremennogo zakonodatel`stva (obzor sudebnoi praktiki) [The concepts of ‘family’ and ‘family members’ in the light of modern legislation (review of judicial practice)]. *Pravo i praktika*, (3), 182–187.

Chefranova, E. A. (ed.) (2025) *Semeinoe pravo* [Family law]: textbook. Moscow, Izdatel`stvo Yurait, 354.

Eliseeva, A. A. (2023) Traditsionnye semeinye tsennosti kak ob`ekt interesa: chastno-pravovye i publichno-pravovye aspekty [Traditional family values as an object of interest: private law and public law aspects]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina (MGYuA)*, (5), 69–72.

Elyashevich, A. E. (ed.) (1913) *Zakony grazhdanskii: prakticheskii i teoreticheskii kommentarii. O pravakh i obyazannostyakh sem`i* [Civil laws: a practical and theoretical commentary. On the rights and duties of the family]. Moscow, Red. advokat Z. M. Zil`berberg, 387.

Filippov, A. F. (2015) Deistvie kak sobytie i tekst: k sotsiologicheskomu osmysleniyu Polya Rikera [Action as an event and text: towards a sociological understanding of Paul Ricoeur]. *METOD: Moskovskii ezhegodnik trudov iz obshchestvovedcheskikh distsiplin*, (5), 90–108.

Gongalo, B. M. (2006) Kommentarii k stat`e 2 SK RF [Commentary to Article 2 of the RF IC]. *Postateinyi kommentarii k Semeinomu kodeksu Rossiiskoi Federatsii* [An article-by-article commentary on the Family Code of the Russian Federation]. Moscow, Statut, 60–119.

Grigorieva, A. A. (2018) Sem`ya kak pravovoi institut: ot istorii k sovremennosti [Family as a legal institution: from history to modernity]. *Molodoi uchenyi*, (33:219), 95–98.

Hegel, G. V. F. (1990) *Filosofiya prava* [Philosophy of Law]. Moscow, Mysl`, 524.

Isaeva, A. A. (2020) Legalizatsiya odnopolykh soyuzov: konstitutsionno-pravovoi obzor [Legalization of same-sex unions: a constitutional and legal review]. *Sravnitel`nyi konstitutsionnyi obzor*, (2:135), 72–87.

Kant, I. (2007) *Metafizika npravov* [Metaphysics of morals]. Moscow, Mir knigi, 399.

Kemerov, V. E. (ed.) (1998) *Sovremennyi filosofskii slovar`* [A modern philosophical dictionary]. Ekaterinburg, Delovaya kniga, 822.

Korneeva, I. L. (2022) *Semeinoe pravo* [Family law]: textbook and practice for universities. Moscow, Yurait, 285.

Krasnova, T. V. & Kuchinskaya, L. A. (2022) *Semeinoe pravo. Praktikum* [Family law. Practicum]: textbook for universities. Moscow: Yurait, 327.

Kuznetsov, V. (1999) Germenevtika i ee put` ot konkretnoi metodiki do filosofskogo napravleniya [Hermeneutics and its path from a specific methodology to a philosophical direction]. *Filosofsko-literaturnyi zhurnal LOGOS*, (20), 43–88.

Malinova, I. P. (2013) *Filosofiya prava i yuridicheskaya germenevtika* [Philosophy of law and legal hermeneutics]: monography. Ekaterinburg, Izdatel`skii dom «Ural`skaya gosudarstvennaya yuridicheskaya akademiya», 172.

Matveev, G. K. (1985) *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet family law]: textbook for universities specializing in Jurisprudence. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 208.

Nersesyants, V. S. (2000) *Filosofiya prava* [Philosophy of law]: textbook for students of higher educational institutions studying in the specialty 'Jurisprudence'. Moscow, Norma, 835.

Novikova, S. V. & Postolyako, L. S. & Baleevskikh, F. V. (2021) Traditsionnye semeinye tsennosti kak predmet pravovogo myshleniya: germenevticheskii podkhod [Traditional family values as a subject of legal thinking: a hermeneutic approach]. *KANT*, (3:40), 149–157.

Pakhman, S. V. (2003) *Obychnoe grazhdanskoe pravo v Rossii* [Customary civil law in Russia]. Moscow, Zertsalo, 700.

Petyukova, O. N. (2013) Semeinye tsennosti: pravovye i religiozno-nravstvennye izmeneniya [Family values: legal and religious-moral dimensions]. *Uchenye zapiski RGSU*, (6:122), 28–32.

Pokrovsky, I. A. (1998) *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main problems of civil law]. Moscow, Statut, 352.

Ryasentsev, V. A. (ed.) (1982) *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet Family Law]: textbook. Moscow, Yuridicheskaya literatura, 256.

Selezneva, E. A. (2021) Analiz ponyatii sem`i i semeinykh tsennostei [Analysis of the concepts of family and family values]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*, (5), 270–280.

Skoda, V. (ed.) (1999) *Drevnegrecheskaya filosofiya ot Platona do Aristotelya* [Ancient Greek philosophy from Plato to Aristotle]. Moscow, Kharkov, AST, Folio, 829.

Solovyov, N. Ya. (1981) *Sem`ya v sotsialisticheskom obshchestve* [Family in a socialist society]. Moscow, Politizdat, 63.

Stepin, V. S. (2006) *Filosofiya* [Philosophy]: textbook for students of higher educational institutions. Minsk, RIVSh, 625.

Sverdlov, G. M. (1958) *Sovetskoe semeinoe pravo* [Soviet family law]. Moscow, Gosyurizdat, 299.

Toropygina, M. V. (2011) *Institut sem`i v sovremennoi Rossii: sotsial`no-filosofskii analiz* [The institute of family in modern Russia: socio-philosophical analysis]: autoabstr. of cand. phil. sc. thesis. Moscow, 19.

Информация об авторах

Александр Николаевич Митин – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева, заслуженный работник высшей школы РФ (e-mail: sov@usla.ru).

Светлана Валерьевна Новикова – кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных дисциплин Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: svostanina@yandex.ru).

Information about the authors

Alexander N. Mitin – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation (e-mail: sov@usla.ru).

Svetlana V. Novikova – Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: svostanina@yandex.ru).

© А. Н. Митин, 2025

© С. В. Новикова, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Саликов М. С., Нечкин А. В., Руденко В. В. Евразийские принципы конституционализации органов публичной власти: становление и перспективы развития // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 80–89. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_80.

Information for citation:

Salikov, M. S. & Nechkin, A. V. & Rudenko, V. V. (2025) Evraziiskie printsipy konstitutsionalizatsii organov publichnoi vlasti: stanovlenie i perspektivy razvitiia [Eurasian Principles of Constitutionalization of Public Authorities: Formation and Development Prospects]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 80–89. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_80.

УДК 342.5

BISAC 018000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_80.

Научная статья

**ЕВРАЗИЙСКИЕ ПРИНЦИПЫ
КОНСТИТУЦИОНАЛИЗАЦИИ ОРГАНОВ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ:
СТАНОВЛЕНИЕ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

М. С. Саликов

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

ORCID ID: 0000-0003-2461-9484

А. В. Нечкин

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

ORCID ID: 0000-0002-3032-9240

В. В. Руденко

Уральский государственный юридический университет имени В. Ф. Яковлева

ORCID ID: 0000-0002-6641-691X

В современном мире идут процессы правового и цивилизационного развития, ведущую роль в которых играют государства евразийского пространства, выразившие желание преодолеть влияние западных либеральных ценностей, которые ранее считались универсальными. Авторы статьи, анализируя данную тенденцию, выделяют ранее заимствованные западные принципы организации государства, которые активно пересматриваются и видоизменяются на евразийском пространстве, постепенно приобретая качества универсальности. Кроме того, авторы формулируют собственные предложения по совершенствованию данного процесса и корректировке содержания евразийских принципов конституционализации органов публичной власти.

Ключевые слова: *евразийские принципы, СНГ, разделение властей, глава государства, парламент, публичная власть*

EURASIAN PRINCIPLES OF CONSTITUTIONALIZATION OF PUBLIC AUTHORITIES: FORMATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

Marat S. Salikov

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0003-2461-9484

Andrey V. Nechkin

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-3032-9240

Valentina V. Rudenko

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
ORCID ID: 0000-0002-6641-691X

In the modern world there are significant changes in legal and civilizational development, the leading role in which is played by the states of the Eurasian space, which have expressed a desire to overcome the influence of Western liberal values, which were previously considered universal. The authors of the article, analyzing this trend, highlight the previously borrowed Western principles of state organization, which are actively being revised and modified in the Eurasian space, gradually acquiring the qualities of universality. In addition, the authors formulate their own proposals for improving this process and adjusting the content of the Eurasian principles of constitutionalization of public authorities.

Keywords: *Eurasian principles, CIS, separation of powers, head of state, parliament, public authority*

Введение

В настоящее время идут процессы правового и цивилизационного развития. Многие исследователи отмечают переход от моноцивилизационной (основанной на одной локальной американско-европейской парадигме) к полицивилизационной модели миропорядка [Степин, 2018; Хабриева, 2021]. Отдельные государства на евразийском пространстве за последние пять лет провели конституционные реформы. Среди них Россия (2020 г.), Республика Казахстан (2022 г.), Кыргызская Республика (2022 г.), Республика Беларусь (2022 г.), Туркменистан (2023 г.). В ходе данных реформ приоритет отдан национальным ценностям и интересам; произошли конституционализация и модернизация принципов организации публичной власти, имеющих национальную специфику; наметились тенденции преодоления западных либеральных ценностей, ранее считавшихся универсальными.

События последних пяти лет позволяют уверенно говорить о том, что в современном мире произошел раскол между государствами «глобального (коллективного) Запада» во главе с США и государствами «глобального Востока и Юга», к числу которых, безусловно, следует относить и Россию, открыто выступившую против экспансионистской и неоколониальной политики государств «коллективного Запада», в основе которой всегда лежала идея продвижения, причем абсолютно любыми доступными средствами, так называемых западных принципов организации государства и общества.

Следует отметить, что упомянутые «западные принципы организации государства и общества» уже не раз становились «надежной опорой для применения на территории государств из числа стран СНГ технологий „цветных революций“, а также иных инструментов так называемой „мягкой силы“, активно используемых западными государствами во главе с США по всему миру в целях прихода к власти, прежде всего, на волне недовольства политикой единоличного главы государства, прозападных непатриотично настроенных политических сил» [Нечкин, 2024: 66].

В рамках данной статьи будут рассмотрены принципы организации государства в части конституционализации органов публичной власти. К числу так называемых «западных принципов организации государства», по нашему мнению, следует относить следующие принципы: разделения властей; классической республиканской формы правления; единоличного республиканского главы государства – президента; периодической сменяемости власти; представительской монополии парламента; независимости центрального (государственного) банка; независимого местного самоуправления.

Основная часть

После распада СССР абсолютно все его бывшие составные части – союзные республики, получившие независимость, принимая собственные конституции, в той или иной степени опирались на западные принципы организации государства и общества. Крах СССР способствовал аналогичным процессам и в других бывших колониальных государствах «глобального Востока и Юга».

Однако быстрота и кардинальность подобных заимствований привели к их недолгому существованию в неизменном виде. Динамика конституционного реформирования в государствах СНГ отчетливо продемонстрировала, что практически сразу пересмотру подвергся принцип периодической сменяемости власти, который в своей западной вариации, применительно к единоличному главе государства – президенту, предполагает наличие строгого и неизменного ограничения на пребывание одного и того же лица в должности президента, как правило, либо не более одного или двух сроков, либо не более двух сроков подряд.

Абсолютное большинство государств СНГ либо вовсе отказались от подобного ограничения, позволив главе государства переизбираться на должность неограниченное число раз, либо вынуждены были прибегать к различного рода конституционным «механизмам», позволяющим минимизировать действие принципа сменяемости власти применительно к главе государства.

К числу таких можно отнести референдумы о продлении сроков полномочий действующего главы государства [Руденко, 2004], а также конституционные реформы, повлекшие изменение изначально установленного срока президентских полномочий и пересмотр, причем нередко в пользу ужесточения, ограничений на возможность повторного переизбрания, с одновременной нуллификацией ранее реализованных сроков полномочий действующего главы государства [Нечкин, 2020].

Касательно принципа разделения властей и классических разновидностей республиканской формы правления следует отметить, что, например, значительное число только что получивших независимость государств СНГ изначально придерживались классического варианта принципа разделения властей с механизмом «сдержек и противовесов», предполагающим взаимное сдерживание трех ветвей власти, а следовательно, и классических вариаций президентской республики.

Впрочем, с течением времени форма правления в большинстве государств СНГ видоизменилась в пользу различных довольно трудно классифицируемых вари-

ций смешанной республики. Причем модели, характерные для традиционных разновидностей республиканской формы правления (президентская, смешанная и парламентская республики), в чистом виде не использовались [Нечкин, 2018; Боброва, 2019; Худолей и Худолей, 2018; Борисов, 2018; Худолей, 2010].

Произошла гибридизация форм правления, которая в большинстве случаев сводилась к тому, что «позиции главы государства в системе разделения властей усиливались, в первую очередь, конечно, за счет расширения объема президентских полномочий, расширения перечня и объема гарантий его деятельности, а также отказа от реформирования существующих механизмов ответственности главы государства сообразно усилению его влияния в системе разделения властей или же даже полного отказа от каких-либо механизмов ответственности главы государства» [Нечкин, 2024: 65].

Можно также утверждать, что развитие конституционно-правового статуса главы государства в странах СНГ шло «по пути его персонификации, посредством норм особого конституционно-правового института „главы государства – национального лидера“, играющего обслуживающую, конкретизирующую роль относительно конституционно-правового статуса главы государства (президента)» [Нечкин, 2024: 66].

Вполне естественно, что институт главы государства – национального лидера, существование которого признается и другими авторами [Боброва, 2018; Зазнаев, 2024], с объемом компетенции, позволяющим говорить о нем не только как о фактическом главе исполнительной ветви власти, но и как об органе государственной власти, фактически выведенном за рамки действия принципа разделения властей, вступает в явное противоречие с западными принципами организации государства.

Именно поэтому далеко не случайно, что институты, формирующие и поддерживающие западные принципы организации государства, например Венецианская комиссия, в основном негативно отзывались, отзываются и будут отзываться о реформировании элементов конституционно-правового статуса главы государства в странах СНГ.

Действительно, институт единоличного республиканского главы государства был и всегда останется институтом, заимствованным из опыта государственного строительства западных государств. Однако это не означает, что он не может быть творчески переосмыслен, приспособлен к национальному менталитету и политической ситуации конкретного суверенного государства, т. е. не может приобрести национальную специфику, в том числе вступающую в противоречие с западными принципами.

К числу евразийских принципов конституционализации единоличного главы государства – президента, по нашему мнению, следует относить следующие положения.

Во-первых, глава государства (национальный лидер) – это конституционная ценность, а не дефект государственного строительства. С этой тенденцией не нужно бороться – ее нужно поощрять и грамотно организовывать с точки зрения оптимальной конфигурации принципа разделения властей, которая должна предполагать доминирующее положение главы государства (президента) по отношению к исполнительной ветви государственной власти. При этом существующие механизмы ответственности главы государства (президента) обязательно должны реформироваться сообразно усилению его влияния в системе разделения властей [Нечкин, 2024: 67].

Во-вторых, должна обеспечиваться возможность переизбрания путем прямых выборов одного и того же лица на должность главы государства (президента) не-

ограниченное число раз. В связи с этим возникает необходимость установления принципиально иного подхода к ограничению возможностей одного и того же лица пребывать в должности главы государства (президента). В основу данного подхода может быть положена практика уменьшения срока полномочий в зависимости от количества уже реализованных сроков [Нечкин, 2024: 67].

Рассмотрим принцип представительской монополии парламента. В отличие от западных государств, которые часто называют «старыми западными демократиями», государства СНГ, а также государства «глобального Востока и Юга» имеют гораздо более скромный опыт функционирования представительных учреждений парламентского типа. Однако это не означает, что представительные учреждения пришли на евразийское пространство вместе с западными принципами. История народного представительства в Российском государстве, а также на всем евразийском пространстве началась задолго до широкого внедрения парламентских учреждений на территории современных государств «глобального Запада». Однако формы такого представительства естественно и вполне закономерно отличались от классических западных концепций. Именно поэтому далеко не случайно в странах СНГ наблюдается недопустимая с точки зрения западных принципов тенденция «конституционализации новых представительных по своей природе органов с целью создания коллегиального представительного органа – сопоставимой по своему легитимирующему потенциалу альтернативы парламенту» [Нечкин, 2024: 65–66]. Так, в ходе конституционной реформы 2022 г. в Беларуси появился новый орган – Всебелорусское народное собрание, в результате чего роль Национального собрания (парламента) стала менее значимой. Полномочия Совета Республики назначать судей Конституционного суда и членов Центральной избирательной комиссии, а также право давать согласие на назначение Президентом председателей Конституционного суда и Верховного суда теперь закреплены за Всебелорусским народным собранием. Этому органу переданы и полномочия по инициированию и проведению процедуры отрешения Президента от должности.

В результате конституционализации имевшего древние традиции института курултая в Кыргызской Республике в ходе реформы 2022 г. создан Народный Курултай, который позиционируется как орган, который будет способствовать сохранению самобытности Кыргызстана и консолидировать кыргызское общество. Данный орган наделен правом законодательной инициативы, обсуждает важные вопросы государственного и общественного значения и предлагает по ним свои рекомендации, избирает своего представителя в Совет по делам правосудия Кыргызской Республики; вносит предложение Президенту об освобождении от должности членов Кабинета министров и руководителей иных органов исполнительной власти.

Естественно, создание альтернативы парламента ослабляет парламент, что, как известно еще со времен классиков теории разделения властей, всегда усиливает другие ветви власти, прежде всего исполнительную, а также главу государства, который может ее юридически или фактически возглавлять.

Однако существование подобного альтернативного представительного органа имеет и ряд плюсов, к числу которых можно отнести: создание дополнительного канала обратной связи с населением, повышение степени ответственности парламентариев, что особенно актуально в случае повсеместного превалирования свободного депутатского мандата.

Рассматривая принцип независимости центрального (государственного) банка, следует отметить, что данный сугубо западный принцип, который, впрочем, получил конституционное закрепление в большинстве государств «глобального Востока»

ка и Юга», в том числе в Российской Федерации, обязан своим появлением обнаруженной западными экономистами закономерности рыночной экономики, согласно которой уровень инфляции, а также целого ряда макроэкономических показателей зависит от степени самостоятельности центрального банка от правительства. Соответственно, логика такова: чем степень самостоятельности центрального банка выше, тем уровень инфляции ниже. Чем ниже инфляция, тем выше уровень реального роста экономики и т. д. Однако отечественные авторы, причем весьма обоснованно, не в полной мере согласны с подобным утверждением [Моисеев, 2009; Трунин, Князев, Сатдаров, 2010; Лыткина, Пастухова, 2016].

Абстрагируясь от дискуссии по вопросам, находящимся на стыке экономики и права, полагаем, что гораздо более бесспорным следует считать вывод о том, что уровень реального суверенитета государства напрямую зависит от степени независимости его центрального банка от правительства. Следовательно, чем более подконтрольна проводимая центральным банком монетарная политика правительству государства, тем выше вероятность того, что данное государство будет придерживаться своих собственных национальных интересов, а не интересов государств «глобального Запада».

Завершая обзор западных принципов организации государства, нельзя не обратить внимание на принцип независимого местного самоуправления. Не секрет, что как таковое местное самоуправление, сепарированное от управления государственным, возникло естественным образом на поселенческом уровне в государствах «глобального (коллективного) Запада», где, доказав свою высокую эффективность, обрело качество важнейшего принципа организации государства.

В странах «глобального Востока и Юга», исторически вынужденных централизовать свое государственное управление, в первую очередь для отражения различного рода угроз, западный принцип независимого местного самоуправления зачастую заимствовался в угоду сугубо политическим соображениям.

Именно поэтому далеко не случайно, что во многих таких государствах, в том числе в России [Худолей, 2023], происходит постепенное снижение степени самостоятельности местного самоуправления и превращение его в нижний уровень системы государственного управления, осуществляемого органами государственной власти [Саликов, 2023]. Иными словами, начинает реализовываться сугубо евразийский принцип централизованного управления. Вместе с тем закрепление принципа единства системы публичной власти на конституционном уровне с одновременным сохранением положений о самостоятельности органов местного самоуправления и отделении органов местного самоуправления от органов государственной власти породило множество вопросов как теоретического, так и практического плана. Продолжается дискуссия о роли населения в «централизованной системе управления», о содержательном наполнении принципа функционального единства органов местного самоуправления и органов государственной власти, о соотношении понятий местного самоуправления и публичной власти [Ларичев, Кожевников, 2024; Карасев, Кожевников, Савоськин, 2021]. Пока не удалось достичь консенсуса по муниципальной реформе, предполагающей создание одноуровневой системы местного самоуправления.

Выводы

В ходе последних конституционных реформ на евразийском пространстве наметились следующие тенденции. Во-первых, происходит конституционализация отдельных конституционных принципов и институтов, отражающих специфику

правовых и политических систем государств (так, в Конституции РФ закреплён принцип единства системы публичной власти, в Конституции Республики Кыргызстан – институт курултайства). Часть из этих принципов становятся конституционными ценностями, а значит, заряжают политико-правовое бытие потенциалом для развития, становятся критерием оценки других явлений [Саликов, Нечкин, 2020: 72]. Во-вторых, уже имеющиеся конституционные принципы организации публичной власти получают новое, отличное от западных тенденций содержательное наполнение за счёт решения на конституционном уровне отдельных вопросов государственного устройства и организации системы органов публичной власти (например, принцип разделения властей).

Наличие обозначенных тенденций позволяет, на наш взгляд, ставить вопрос о постепенном формировании и дальнейшей целенаправленной разработке евразийских принципов организации публичной власти на международно-правовом уровне. Наличие подобных принципов может выполнять стабилизирующую функцию на национальном уровне и интегрирующую функцию для сплочения государств «глобального Востока и Юга».

Библиографический список

Боброва Н. А. Особенности российской формы правления и влияние на нее института лидерства // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 12. – С. 41–49.

Боброва Н. А. О форме правления России: прошлое, настоящее, перспективы // Государство и право. – 2019. – № 4. – С. 20–30.

Борисов Н. А. Президентство на постсоветском пространстве: процессы генезиса и трансформаций. – М.: РГГУ, 2018. – 537 с.

Зазнаев О. И. Тенденции развития института президентства в современном мире // Диалог: политика, право, экономика. – 2024. – № 4. – С. 57–63.

Карасев А. Т., Кожевников О. А., Савоськин А. В. Отдельные вопросы конституционной трансформации публичного управления в России // Вестник Московского университета. Сер. 21: Управление (государство и общество). – 2021. – № 2. – С. 24–37.

Ларичев А. А., Кожевников О. А. В поле гравитации: структура и элементы публичной власти // Правоприменение. – 2024. – Т. 8. – № 2. – С. 43–52.

Лыткина А. Ю., Пастухова К. И. Независимость центральных банков // Science Time. – 2016. – № 1. – С. 297–302.

Моисеев С. Р. Независимость центрального банка // Финансовая аналитика: проблемы и решения. – 2009. – № 2. – С. 2–17.

Нечкин А. В. Формы правления в странах Содружества Независимых Государств. – М.: Норма, 2018. – 208 с.

Нечкин А. В. Политическая конъюнктурность конституционных реформ в России и других государствах СНГ: прошлое, настоящее и будущее // Российское право: образование, практика, наука. – 2020. – № 1. – С. 67–78.

Нечкин А. В. Перспективы развития института главы государства в странах СНГ // Диалог: политика, право, экономика. – 2024. – № 4. – С. 64–68.

Руденко В. Н. Симулятивная демократия (референдум как инструмент продления срока полномочий главы государства) // Дискурс-Пи: научно-практический альманах. – 2004. – № 1. – С. 127–130.

Саликов М. С. Трансформация института публичной власти в современной России: плюсы и минусы // Юридические исследования. – 2023. – № 12. – С. 1–14.

Саликов М. С., Нечкин А. В. Конституционные ценности современного Российского государства // Herald of the Euro-Asian Law Congress. – 2020. – № 1. – С. 69–75.

Степин В. С. Современные цивилизационные кризисы и проблема новых стратегий развития. – М.: [б. и.], 2018. – 28 с.

Трунин П. В., Князев Д. А., Самдаров А. М. Анализ независимости центральных банков РФ, стран СНГ и Восточной Европы. – М.: ИЭПП, 2010. – 76 с.

Хабриева Т. Я. Конституционная реформа в России в координатах универсального и национального // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2021. – Т. 17. – № 1. – С. 6–12.

Худолей Д. М. Основные, гибридные и атипичные формы правления // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2010. – № 4. – С. 53–65.

Худолей К. М., Худолей Д. М. Формы правления зарубежных стран бывшего Советского Союза // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2018. – Вып. 41. – С. 371–395.

Худолей К. М. Изменения в законодательстве об организации местного самоуправления // Пермский юридический альманах. – 2023. – № 6. – С. 190–203.

References

Bobrova, N. A. (2018) Osobennosti rossiiskoi formy pravleniya i vliyanie na nee instituta liderstva [Peculiarities of the Russian form of government and the influence of the institution of leadership on it]. *Yuridicheskaya nauka: istoriya i sovremennost`*, (12), 41–49.

Bobrova, N. A. (2019) O forme pravleniya Rossii: proshloe, nastoyashchee, perspektivy [On the form of government in Russia: past, present, prospects]. *Gosudarstvo i pravo*, (4), 20–30.

Borisov, N. A. (2018) *Prezidentstvo na postsovetskom prostranstve: protsessy genezisa i transformatsii* [Presidency in the post-Soviet space: processes of genesis and transformations]. Moscow, RGGU, 537.

Karasev, A. T. & Kozhevnikov, O. A. & Savoskin, A. V. (2021) Otdel`nye voprosy konstitutsionnoi transformatsii publichnogo upravleniya v Rossii [Certain issues of constitutional transformation of public administration in Russia]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)*, (2), 24–37.

Khabrieva, T. Ya. (2021) Konstitutsionnaya reforma v Rossii v koordinatakh universal`nogo i natsional`nogo [Constitutional reform in Russia in the coordinates of the universal and national]. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel`stva i sravnitel`nogo pravovedeniya*, 17 (1), 6–12.

Khudoley, D. M. (2010) Osnovnye, gibridnye i atipichnye formy pravleniya [Basic, hybrid and atypical forms of government]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (4), 53–56.

Khudoley, K. M. & Khudoley, D. M. (2018) Formy pravleniya zarubezhnykh stran byvshego Sovetskogo Soyuzha [Forms of government of foreign countries of the former Soviet Union]. *Vestnik Permskogo universiteta. Yuridicheskie nauki*, (41), 371–395.

Khudoley, K. M. (2023) Izmeneniya v zakonodatel`stve ob organizatsii mestnogo samoupravleniya [Changes in the legislation on the organization of local self-government]. *Permskii yuridicheskii al`manakh*, (6), 190–203.

Larichev, A. A. & Kozhevnikov, O. A. (2024) V pole gravitatsii: struktura i elementy publichnoi vlasti [In the field of gravity: the structure and elements of public authority]. *Pravoprimenenie*, 8 (2), 43–52.

Lytkina, A. Yu. & Pastukhova, K. I. (2016) Nezavisimost` tsentral`nykh bankov [Independence of central banks]. *Science Time*, (1), 297–302.

Moiseev, S. R. (2009) Nezavisimost` tsentral`nogo banka [Central bank independence]. *Finansovaya analitika: problemy i resheniya*, (2), 2–17.

Nechkin, A. V. (2018) *Formy pravleniya v stranakh Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv* [Forms of government in the countries of the Commonwealth of Independent States]. Moscow, Norma, 208.

Nechkin, A. V. (2020) Politicheskaya kon`yunkturost` konstitutsionnykh reform v Rossii i drugikh gosudarstvakh SNG: proshloe, nastoyashchee i budushchee [Political conjuncture of constitutional reforms in Russia and other CIS countries: past, present and future]. *Rossiiskoe pravo: obrazovanie, praktika, nauka*, (1), 67–78.

Nechkin, A. V. (2024) Perspektivy razvitiya instituta glavy gosudarstva v stranakh SNG [Prospects for the development of the institute of the head of state in the CIS countries]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, (4), 64–68.

Rudenko, V. N. (2004) Simulyativnaya demokratiya (referendum kak instrument prodleniya sroka polnomochii glavy gosudarstva) [Simulative democracy (referendum as a tool for extending the term of office of the head of state)]. *Diskurs-Pi: nauchno-prakticheskii al`manakh*, (1), 127–130.

Salikov, M. S. & Nechkin, A. V. (2020) Konstitutsionnye tsennosti sovremennogo Rossiiskogo gosudarstva [Constitutional values of the modern Russian state]. *Herald of the Euro-Asian Law Congress*, (1), 69–75.

Salikov, M. S. (2023) Transformatsiya instituta publichnoi vlasti v sovremennoi Rossii: plyusy i minusy [Transformation of the Institute of Public Authority in Modern Russia: Pros and Cons]. *Yuridicheskie issledovaniya*, (12), 1–14.

Stepin, V. S. (2018) *Sovremennye tsivilizatsionnye krizisy i problema novykh strategii razvitiya* [Modern civilizational crises and the problem of new development strategies]. Moscow, 28.

Trunin, P. V. & Knyazev, D. A. & Satdarov, A. M. (2010) *Analiz nezavisimosti tsentral`nykh bankov RF, stran SNG i Vostochnoi Evropy* [Analysis of the independence of central banks of the Russian Federation, CIS countries and Eastern Europe]. Moscow, IEPP, 76.

Zaznaev, O. I. (2024) Tendentsii razvitiya instituta prezidentstva v sovremennom mire [Trends in the development of the institution of presidency in the modern world]. *Dialog: politika, pravo, ekonomika*, (4), 57–63.

Информация об авторах

Марат Сабирьянович Саликов – заслуженный деятель науки Российской Федерации, заслуженный юрист Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: salikov.marat@list.ru).

Андрей Вадимович Нечкин – доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: super.nechkin@gmail.com).

Валентина Викторовна Руденко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного права Уральского государственного юридического университета имени В. Ф. Яковлева (e-mail: emikh.valentina@gmail.com).

Information about the authors

Marat S. Salikov – Honored Scientist of the Russian Federation, Honored Lawyer of the Russian Federation, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: salikov.marat@list.ru).

Andrey V. Nechkin – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: super.nechkin@gmail.com).

Valentina V. Rudenko – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Constitutional Law of the Ural State Law University named after V. F. Yakovlev (e-mail: emikh.valentina@gmail.com).

© М. С. Саликов, 2025

© А. В. Нечкин, 2025

© В. В. Руденко, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Для цитирования:

Чичина Е. В. Случаи привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени (на основе законодательства Республики Беларусь) // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 90–101. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_90.

Information for citation:

Chichina, E. V. (2025) Sluchai privlecheniya rabotnikov k rabote za predelami ustanovlennoi prodolzhitel`nosti rabocheho vremeni (na osnove zakonodatel`stva Respubliki Belarus`) [Cases of Involving Employees in Work Beyond the Established Working Hours (Based on the Legislation of the Republic of Belarus)]. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 90–101. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_90.

УДК 349.2

BISAC 054000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_90.

Научная статья

СЛУЧАИ ПРИВЛЕЧЕНИЯ РАБОТНИКОВ К РАБОТЕ ЗА ПРЕДЕЛАМИ УСТАНОВЛЕННОЙ ПРОДОЛЖИТЕЛЬНОСТИ РАБОЧЕГО ВРЕМЕНИ (НА ОСНОВЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ)

Е. В. Чичина

Белорусский государственный экономический университет

ORCID ID: 0000-0002-3817-7974

В статье исследуются актуальные вопросы правового регулирования работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени. За основу взято законодательство о труде в Республике Беларусь. При этом автор активно использует сравнительный метод, обращаясь к законодательству о труде государств-членов ЕАЭС (России, Казахстана, Армении и Кыргызстана). В ходе исследования выявляется неопределенность в правовом регулировании, касающаяся правовой квалификации сверхнормативного рабочего времени при неполном рабочем дне и суммированном учете, которая характерна для трудового права большинства стран на евразийском пространстве. Автор последовательно обосновывает необходимость разработки специальных правовых режимов для сверхнормативного рабочего времени при неполном рабочем дне и суммированном учете, которые не должны совпадать с правовым режимом сверхурочных работ. Особое внимание уделяется анализу гарантий для работников. В заключении содержатся конкретные предложения по совершенствованию законодательства о труде, которые могут использоваться в целях гармонизации правовых систем государств-членов ЕАЭС.

Ключевые слова: рабочее время, сверхурочная работа, неполный рабочий день, суммированный учет, трудовые права, уязвимость, гармонизация законодательства, ЕАЭС

CASES OF INVOLVING EMPLOYEES IN WORK BEYOND THE ESTABLISHED WORKING HOURS (BASED ON THE LEGISLATION OF THE REPUBLIC OF BELARUS)

Elena V. Chichina

Belarus State Economic University

ORCID ID: 0000-0002-3817-7974

The article examines the current issues related to the legal regulation of work beyond the established working hours, with the labor legislation of the Republic of Belarus taken as the basis for the analysis. In this article, the author proactively employs a comparative method, referring to the labor legislation of the member states of the EAEU (Russia, Kazakhstan, Armenia and Kyrgyzstan). The study identifies uncertainties in legal regulation concerning the legal assessment of overtime working hours in cases of part-time work and summarized recording of working hours, issues that are characteristic of labor law in most countries within the Eurasian space. The author systematically justifies the need for the development of specific legal regimes for overtime work in cases of part-time work and summarized recording of working hours, which should not align with the legal regimes for overtime labor. Particular attention is given to the analysis of guarantees for workers. The conclusion presents specific proposals for improving labor legislation, which can be used to harmonize the legal systems of the EAEU member states.

Keywords: *working hours, overtime work, part-time work, summarized recording of working hours, labor rights, vulnerability, harmonization of legislation, EAEU*

Введение

Вопросы правовой регламентации работы сверх установленной продолжительности рабочего времени активно разрабатывались в науке трудового права, преимущественно в советский период, в рамках института рабочего времени. В частности, данная проблематика получила освещение в ряде кандидатских диссертаций: «Правовое регулирование рабочего времени рабочих и служащих» (Г. К. Москаленко, 1940 г.); «Правовое регулирование рабочего времени рабочих и служащих в СССР» (А. И. Процевский, 1961 г.); «Рабочий день и рабочая неделя по советскому трудовому праву» (Л. А. Муксинова, 1962 г.); «Общие и специальные вопросы правового регулирования рабочего времени» (Т. В. Иванкина, 1963 г.); «Участие профессиональных союзов в правовом регулировании рабочего времени» (В. П. Силаев, 1977 г.); «Правовое регулирование рационального использования рабочего времени» (В. С. Венедиктов, 1984 г.); «Правовое регулирование рабочего времени в России и зарубежных странах» (В. С. Козлов, 2007 г.); «Регулирование рабочего времени и времени отдыха в зарубежных странах (на примере стран Скандинавии)» (А. С. Чанышев, 2013 г.).

В контексте настоящей статьи отдельно выделим диссертационные работы Н. Ф. Шатова «Правовое регулирование сверхурочной работы и работы в нерабочие дни» (1979 г.) и И. Я. Белицкой «Правовое регулирование работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени» (2017 г.).

Если не ограничиваться исключительно диссертационными работами, следует упомянуть и иные исследования ученых советского периода, внесших вклад в развитие научных представлений о рабочем времени, таких как Н. Г. Александров, А. Е. Пашерстник, Л. Я. Гинцбург. В белорусской науке вопросы правового регулиро-

вания сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня системно исследовались Л. Я. Островским и Л. А. Березюк.

Несмотря на значительную научную разработанность темы, в ее рамках по-прежнему остаются открытыми некоторые вопросы (правовая сущность дежурства, отсутствие единого понимания места ненормированного рабочего дня в системе категорий института рабочего времени и некоторые другие). В частности, на необходимость скорейшей правовой регламентации дежурства как сверхустановленной работы уже неоднократно указывали как российские, так и белорусские ученые [Лушникова, 2020; Островский, 2003; Мищенко, 2016]. Кроме того, некоторые устоявшиеся аспекты правовой регламентации сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня требуют переосмысления в свете актуальных социально-экономических изменений.

Актуальность пересмотра сложившихся подходов обусловлена прежде всего изменениями в экономической, социальной и правовой политике государств; последовательно принимаемыми на этой основе специальными мерами. Примерами могут служить издание Указа Президента Республики Беларусь от 21 марта 2024 г. № 105 «О сверхурочной работе и работе в выходные дни в промышленных организациях» и принятие постановления Правительства РФ от 1 августа 2022 г. № 1365 «Об особенностях правового регулирования трудовых отношений в отдельных организациях, их структурных подразделениях и на отдельных производственных объектах». Указанные нормативные правовые акты вводят в публичных целях специальные правовые режимы привлечения работников к сверхурочным работам в промышленных организациях (Республика Беларусь) и отдельных организациях оборонно-промышленного комплекса (Российская Федерация).

При этом работники, привлекаемые к работе сверх установленной для них продолжительности рабочего времени, стали рассматриваться в последнее время как находящиеся в уязвимом положении. Юридическая уязвимость не тождественна в полной мере общесоциальной, связанной с принадлежностью к определенной социальной группе (лица с инвалидностью, граждане старших возрастных групп, дети и подростки, мигранты и др.). Полагаем, что юридическая уязвимость представляет собой правовое состояние, которое характеризуется: 1) полным отсутствием прав или умалением субъективных прав, на что указывает введение в правовое поле компенсаций; 2) фактической невозможностью или затруднениями в реализации прав, о чем свидетельствует наличие гарантий.

В контексте сверхнормативной работы уязвимость правового положения работников сомнений не вызывает, поскольку такая работа, хотя и осуществляется в допускаемых правом формах, переходит маркированные законом границы максимальной продолжительности рабочего времени и затрагивает гарантированные Основным законом права трудящихся на отдых, здоровые и безопасные условия труда.

Современные факторы уязвимости работников исследовались А. Ф. Нуртдиновой, которая к ним причислила и привлечение работников к сверхурочной работе [Нуртдинова, 2018: 75].

Таким образом, при правовом регулировании работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени сегодня ставятся разнонаправленные задачи: обеспечение публичных интересов экономического развития отдельных отраслей и производств и необходимость совершенствования системы социально-трудовых гарантий для работников, чье уязвимое положение обусловлено привлечением к работе в сверхустановленное время. В полной мере разделяем суждение

Ю. В. Иванчиной о том, что «основной побудительной силой вмешательства со стороны государства в правовое регулирование применения наемного труда является не только необходимость в удовлетворении социально значимых потребностей работников, но и удовлетворение основных (экономических) потребностей работодателей, а также потребность самого государства в данном регулировании, направленном на создание и поддержание социального мира» [Иванчина, 2017: 56–57].

Помимо вышеуказанного, самостоятельным импульсом к научной «ревизии» правовых форм привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени становятся и процессы евразийской региональной интеграции.

Одной из целей ЕАЭС является формирование единого рынка товаров, услуг, капитала и трудовых ресурсов (ст. 4 Договора о ЕАЭС). Несмотря на отсутствие прямого обязательства по проведению единой политики в социально-трудовой сфере, общий рынок трудовых ресурсов и сформированный Договором о ЕАЭС наднациональный правовой статус «трудящийся государства-члена» предполагают наличие гомогенной правовой среды, позволяющей обеспечить равенство в правовом положении трудящихся независимо от того, в каком государстве-члене ЕАЭС они заняты. В данном контексте С. Ю. Головина и Н. С. Лютов справедливо отмечают, что «в отличие от предыдущих интеграционных структур, созданных на постсоветском пространстве, ЕАЭС устанавливает пределы для сферы гармонизации и унификации законодательства и не включает в нее трудовое законодательство. Договор о ЕАЭС ограничивает координацию систем трудового права своих государств-участников вопросами свободного перемещения рабочей силы, сотрудничеством в области трудовой миграции, а также указанием на основные трудовые права работников из государств-участников, выполняющих работу на территории другого государства-участника» [Головина, Лютов, 2017: 71]. Некоторые противоречия в уставных целях и реальных потребностях евразийской интеграции отмечает белорусский ученый Т. М. Петоченко, по мнению которой «полномочия Комиссии ЕАЭС в области трудовых отношений ограничены вопросами трудовой миграции... Вместе с тем интеграционные процессы, происходящие в рамках Евразийского экономического союза, порождают необходимость унификации правовых систем Республики Беларусь, Российской Федерации, Республики Армения, Республики Казахстан и Кыргызской Республики» [Петоченко, 2020: 276].

Один из инструментов, позволяющих сблизить национальные правовые системы, – гармонизация законодательства, независимо от того, проводится ли она в силу прямых договорных обязательств или является способом формирования базисной среды в свободном движении рабочей силы.

Дополнительную актуальность данный процесс приобретает в сфере правового регулирования сверхустановленного рабочего времени. Именно этот «сегмент» института «рабочее время» демонстрирует значительную вариативность подходов, что, полагаем, требует проведения сравнительного анализа в целях выработки наиболее универсальных и эффективных моделей правового регулирования.

В качестве цели настоящей статьи обозначим получение новых научных знаний о формах и случаях привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени, допускаемых законодательством о труде государств-членов ЕАЭС.

Задачи исследования: систематизация правовых форм и случаев привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени, допускаемых законодательством Республики Беларусь и других государств-членов ЕАЭС; выявление недостатков их правового регулирования, которые

отражаются на правовом положении работников, состоянии их трудовых прав; выработка, обоснование и формирование конкретных предложений по совершенствованию правового регулирования сверхнормативной работы на евразийском пространстве.

Материалы и методы

Методологическую основу исследования составили следующие общенаучные и частнонаучные методы познания: анализа и синтеза, системный, формально-юридический и сравнительно-правовой.

Обсуждение

Законодательство о труде Республики Беларусь не оперирует термином «работа сверх установленной продолжительности рабочего времени» как собирательным. При этом словосочетание «работа сверх установленной продолжительности рабочего времени» упоминается в ст. 110, 119 и 118-1 ТК Беларуси при обозначении и определении понятий сверхурочной работы, ненормированного рабочего дня.

Указанный общий признак сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня позволяет вынести его «за скобки» и охватить единым термином две правовые формы, регламентируемые белорусским законодательством, при которых труд работников может выходить за пределы установленной продолжительности рабочего времени. В связи с этим корректность его использования в белорусской науке и справочной литературе, адресованной практическим работникам, в контексте сверхурочной работы и ненормированного рабочего дня сомнений не вызывает.

Добавим, что закреплению в научном поле термина «работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени», полагаем, во многом способствовал и понятийный аппарат российского трудового права. Так, ст. 97 Трудового кодекса Российской Федерации имеет тождественное анализируемому термину название «Работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени» и закрытым перечнем закрепляет две правовые формы, в рамках которых допустимо привлечение работодателем работника к работе за пределами установленной для него продолжительности рабочего времени: сверхурочная работа и работа на условиях ненормированного рабочего дня.

С методологической точки зрения сверхурочная работа и ненормированный рабочий день представляют собой автономные *правовые формы* привлечения работников к работе за пределами установленной продолжительности рабочего времени. Критериями такой правовой автономности, по нашему мнению, выступают:

наличие легального определения;

закрепление обозначающих понятия терминов: «сверхурочная работа» и «ненормированный рабочий день»;

собственный правовой режим (порядок привлечения, ограничения, запреты, компенсация, оформление, учет и т. п.);

определенное обособление норм в системе кодифицированного акта законодательства о труде.

Данные признаки, по нашему мнению, указывают на завершенность правовой конструкции как сверхурочной работы, так и ненормированного рабочего дня в качестве самостоятельных правовых форм привлечения работников к работе сверх установленной продолжительности рабочего времени. Проанализировав законодательство о труде на евразийском пространстве, правовыми формами можно при-

знать: сверхурочную работу (Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия), ненормированный рабочий день (Кыргызстан, Россия), дежурство (Армения).

При этом анализ законодательства о труде Республики Беларусь выявляет случаи привлечения работника к сверхнормативной работе, которые не приобрели собственной правовой формы.

В частности, в настоящее время ситуация, когда работающий на условиях неполного рабочего дня работник выполняет свою трудовую функцию за пределами установленной для него трудовым договором продолжительности рабочего дня, не имеет правовой квалификации. В рамках отдельно взятого правоотношения такая работа для конкретного работника является «сверхнормативной» как в аспекте нормы рабочего времени, так и в аспекте его режима. При этом такая работа не может быть квалифицирована как сверхурочная в силу прямых указаний закона. Согласно п. 2 ч. 2 ст. 119 ТК Беларуси работа, выполненная сверх установленной продолжительности рабочего времени работниками с неполным рабочим временем в пределах полного рабочего дня (смены), *сверхурочной не признается*. Отметим, что кодифицированные акты законодательства о труде государств-членов ЕАЭС аналогичной нормы-исключения не содержат.

На неопределенность (а значит, уязвимость) правового положения работников, которым установлен неполный рабочий день, в части сверхустановленной работы уже указывали как автор настоящего исследования, так и другие белорусские ученые [Березюк, 2019; Островский, 2007: 6]. По данному вопросу в правовом поле дискуссия разворачивается вокруг одного ключевого вопроса: считать такую работу сверхурочной или нет. Отметим, что и зарубежный опыт в данном вопросе вариативен. Некоторые государства, в том числе одно государство-член ЕАЭС (Армения), такую работу признают сверхурочной. В отдельных странах (Испания, Италия, Португалия) применительно к таким ситуациям вводится понятие дополнительного (добавочного) рабочего времени, которое сверхурочным не признается, но имеет собственный правовой режим: порядок, основания и ограничения по применению.

Как точно отмечал в связи с этим М. А. Веремчук, «мера труда, как и сам труд – сложная и многогранная категория. В раскрытии ее правового содержания нельзя ограничиваться методами юридической науки. Выводы таких отраслей знания, как политическая экономия, социология и др., имеют методологическое значение для объяснения правовой сущности меры труда» [Веремчук, 1980: 71]. Мы также исходим из того, что существующие противоречия в понимании и правовой квалификации работы, выполняемой работниками с неполным рабочим временем за его пределами, не могут быть разрешены исключительно правовыми средствами, поскольку выбор зависит прежде всего от экономической позиции по данному вопросу.

Между тем неопределенность правовой природы времени, затраченного работником, работающим на условиях неполного рабочего дня, за пределами индивидуально установленной ему трудовым договором нормы и режима, порождает ряд вопросов.

Во-первых, положения ст. 110 и 119 ТК Беларуси в своей взаимосвязи не позволяют квалифицировать такое время как рабочее: оно не является ни установленным, ни сверхурочным. При этом в силу ч. 7 ст. 133 ТК Беларуси это время учитывается как фактическое (отработанное) и подлежит оплате в одинарном размере пропорционально отработанному времени (при повременной форме оплаты труда) или в зависимости от выработки (при сдельной форме оплаты труда) (ст. 290 ТК Беларуси).

Во-вторых, законодательством о труде не урегулирован порядок привлечения работника с неполным рабочим днем к работе в рамках установленного внутренним трудовым распорядком полного рабочего дня. Требуется ли в таких случаях согласие работника? Здесь согласимся с мнением Л. Я. Островского, который полагает, что «сверхурочная работа может допускаться только с согласия работников, занятых неполное рабочее время», и объясняет это целевым назначением и договорным характером установления неполного рабочего времени [Островский, 2007: 33].

На основании изложенного можно сделать следующие промежуточные выводы: выполнение работником с неполным рабочим днем работы за его пределами – частный случай выполнения работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени, который в настоящее время не получил в Республике Беларусь, равно как и в некоторых других государствах-членах ЕАЭС, правовой регламентации (правовой формы);

вопрос о возможности отнесения к сверхурочной работе случаев выполнения работниками с неполным рабочим днем работы за пределами установленного для них трудовым договором рабочего времени является дискуссионным в правовой науке и имеет значительную вариативность правового регулирования в мировой практике. Разрешение данного вопроса зависит от понимания экономической природы такого времени, что требует отдельного комплексного экономико-правового исследования;

в целях устранения обозначенной правовой неопределенности (при ее наличии), а также преодоления уязвимости положения, в котором оказываются работники с неполным рабочим днем в случаях привлечения их к работе за пределами установленного рабочего времени, считаем возможным предложить дополнить кодифицированные акты законодательства о труде государств-членов ЕАЭС положениями, направленными на установление порядка такого привлечения – только с согласия работника.

Далее последовательно осуществленный анализ законодательства о труде Республики Беларусь выявил еще случай сверхнормативной для работника работы, который не получил соответствующего правового отражения: работа, выполненная работником согласно графику работ (сменности) при суммированном учете рабочего времени, в ситуации, когда продолжительность его рабочего времени в рамках учетного периода превысила норму часов за этот период, рассчитанную исходя из рабочего времени нормальной продолжительности.

Согласно ч. 1 ст. 126 ТК Беларуси в организациях, где по условиям производства (работы) невозможно или экономически нецелесообразно соблюдение установленной для данной категории работников ежедневной или еженедельной продолжительности рабочего времени, может применяться суммированный учет рабочего времени.

Как известно, суммированный учет рабочего времени несет в себе одну ключевую особенность: позволяет варьировать продолжительность работы в рамках первичных периодов (день, неделя), выдерживая при этом нормальную продолжительность рабочего времени в пределах более длительного учетного периода (месяц, квартал и др.). Иными словами, переработка в одни дни (недели) может погашаться недоработкой в другие дни (недели) так, чтобы в рамках установленного учетного периода общее количество рабочих часов соответствовало норме.

Режим работы работников при суммированном учете рабочего времени определяется графиком работ (сменности). При этом сумма часов рабочего времени по графику работ (сменности) за учетный период не должна превышать нормы ча-

сов за этот период, рассчитанной в соответствии со ст. 112–117 ТК Беларуси. Соответственно, законодатель обязывает нанимателя при составлении графиков работ (сменности) соотносить индивидуальные нормы рабочего времени с установленными расчетными в рамках учетного периода, т. е. графики работ (сменности) необходимо составлять таким образом, чтобы рабочее время по графику за учетный период соответствовало расчетной норме рабочего времени, определенной для этого же периода согласно нормам ст. 112–117 ТК Беларуси и зависящей от установленного в организации режима работы.

На практике суммированный учет рабочего времени вводится в организациях с непрерывным технологическим процессом (металлургическое, химическое производство), непрерывно обслуживающих население (связь, общественный транспорт, медицинская помощь, розничная торговля), при вахтовом методе организации работ.

Учитывая основание введения суммированного учета рабочего времени, а именно объективную невозможность для конкретного нанимателя нормировать труд работников посредством первичных норм рабочего времени (рабочая неделя, рабочий день (смена)), обеспечить на практике абсолютное соответствие часов расчетной, планируемой и индивидуальной нормы крайне затруднительно. На практике могут возникать и возникают ситуации, когда рабочее время работника, запланированное ему графиком работ (сменности), по итогам учетного периода превышает расчетную норму за соответствующий период. При этом правовой статус такого сверхнормативного времени в белорусском законодательстве не определен. Анализ правоприменительной практики и многочисленной справочной литературы подтверждает, что переработки, которые по итогу учетного периода представляют собой положительную разницу между рабочим временем, установленным графиком работ (сменности) и исчисленным в соответствии со ст. 112–117 ТК Беларуси, квалифицируются как сверхурочная работа и соответственно оплачиваются.

Еще раз акцентируем, что прямое упоминание о таком сверхнормативном времени не содержится ни в нормах, устанавливающих особенности суммированного учета рабочего времени (ст. 126 ТК Беларуси), ни в ст. 119–122 ТК Беларуси, регулирующих сверхурочную работу, ни в ст. 69 ТК Беларуси относительно компенсации работы в сверхурочное время.

В сравнительных целях укажем, что в Российской Федерации такие периоды прямо квалифицируются как сверхурочная работа. Так, согласно ч. 1 ст. 99 ТК России сверхурочная работа – работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной для работника продолжительности рабочего времени: ежедневной работы (смены), *а при суммированном учете рабочего времени – сверх нормального числа рабочих часов за учетный период.*

Такое расширительное понимание сверхурочных работ, которые определяются в масштабе учетного периода, каким бы он ни был (день, неделя, месяц, квартал, год и т. д.), содержится в кодифицированных актах законодательства и некоторых других государств-членов ЕАЭС. Так, согласно п. 80 ст. 1 Трудового кодекса Республики Казахстан сверхурочная работа – работа, выполняемая работником по инициативе работодателя за пределами установленной продолжительности рабочего времени (*сверх нормального количества рабочих часов за учетный период*). Согласно ч. 1 ст. 100 Трудового кодекса Кыргызской Республики сверхурочной считается работа, производимая работником по инициативе работодателя сверх установленной продолжительности рабочего времени, ежедневной работы (смены), *а также работа сверх нормального числа рабочих часов за учетный период.*

Действительно, «положительное сальдо» между продолжительностью установленного работнику графиком работ (сменности) рабочего времени при суммированном его учете и должной нормальной его продолжительности, исчисленной по нормам ст. 112–117 ТК Беларуси, является безусловно сверхнормативным временем, что должно быть компенсировано. При этом мы не можем согласиться с полным его отождествлением со сверхурочными работами с учетом следующего:

1) при суммированном учете рабочее время охвачено планированием и предусматривается графиками работ (сменности), а сверхурочная работа не может быть запланирована;

2) переработки при суммированном учете рабочего времени, хотя и превышают общеустановленные нормы рабочего времени, но предусмотрены для конкретного работника режимом рабочего времени (графиками работ, сменности), т. е. за пределы установленного работнику *режима рабочего времени* не выходят. Сверхурочная работа – работа, выполняемая как за пределами установленной нормы, так и за пределами установленного режима рабочего времени;

3) полное поглощение понятием «сверхурочная работа» переработок, образовавшихся при суммированном учете рабочего времени, неизбежно влечет за собой необходимость соблюдения в рассматриваемых случаях порядка привлечения к сверхурочным работам (получение письменного согласия работника), соблюдения ограничений и запретов, связанных со сверхурочной работой, соответствующего сверхурочным работам учета и т. д.

На основании изложенного полагаем, что время, которое согласно графикам работ (сменности) в рамках учетного периода при суммированном учете рабочего времени превышает продолжительность рабочего времени, исчисленную для работника исходя из нормального, является *самостоятельным случаем* работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени и требует отдельной правовой регламентации.

В качестве дополнительной аргументации укажем, что подобный подход к квалификации и компенсации сверхнормативного рабочего времени при суммированном учете, при котором оно не рассматривается как сверхурочная работа, но приравнивается к ней в аспекте компенсации, реализован в законодательстве о труде Армении. Согласно п. 2 ст. 143 Трудового кодекса Республики Армения если суммированный учет рабочего времени превышает установленное для работников число рабочих часов, то по желанию работника в порядке, установленном коллективным договором или правилами внутреннего распорядка, сокращается его рабочий день, или ему предоставляется свободный день (дни), или производится дополнительная оплата, установленная для сверхурочной работы.

Выводы

1. Анализ законодательства о труде Республики Беларусь и государств-членов ЕАЭС выявил правовую неопределенность в вопросах правового регулирования работы, выполненной работниками с неполным рабочим днем за пределами установленной для них продолжительности рабочего времени. Эта неопределенность проявляется прежде всего в отсутствии однозначной правовой квалификации таких периодов: работа в сверхустановленное время не признается сверхурочной работой, но при этом учитывается как фактически отработанное время. Такая неопределенность последовательно порождает ряд вопросов, в частности относительно порядка привлечения работников к данной работе (необходимо ли получение согласия), размеров оплаты труда, а также допустимых пределов такой работы, что в сово-

купности приводит к уязвимости положения обозначенной категории работников и не способствует формированию единообразной правоприменительной практики как на национальном уровне, так и в рамках евразийского интеграционного пространства.

2. В Республике Беларусь отсутствуют специальные положения касательно сверхнормативного рабочего времени, возникающего при суммированном учете, когда фактические часы работы согласно графикам работ (сменности) превышают установленную норму в рамках учетного периода. В некоторых государствах-членах ЕАЭС (Казахстан, Кыргызстан, Россия) такие периоды квалифицируются как сверхурочная работа. В Армении сверхнормативное рабочее время, возникающее при суммированном учете, имеет отдельную правовую регламентацию.

Проведенный теоретико-правовой и сравнительно-правовой анализ позволяет утверждать, что такие периоды имеют собственную правовую природу, которая не позволяет отнести их к сверхурочной работе.

В связи с изложенным предлагается рассматривать сверхнормативное рабочее время, возникшее при суммированном учете (когда фактические часы работы согласно графикам работ, сменности превышают установленную норму в рамках учетного периода), как частный случай работы за пределами установленной продолжительности рабочего времени, что требует создания отдельного правового режима для таких периодов с четким определением порядка их компенсации и учета.

Данное предложение имеет целью создание научных предпосылок для гармонизации законодательства о труде в рамках ЕАЭС, которое может быть осуществлено путем его совершенствования на национальном уровне в Республике Беларусь, Республике Казахстан, Республике Кыргызстан и Российской Федерации.

Библиографический список

Березюк Л. А. Работа за пределами установленной продолжительности рабочего времени работников с неполным рабочим временем // Конституционно-правовые основы развития Республики Беларусь как социального государства в современных условиях: материалы Междунар. науч.-практ. конф. – Минск: БГУ, 2019. – С. 338–343.

Веремчук М. А. Правовое регулирование меры труда // Известия высших учебных заведений. Правоведение. – 1980. – № 2. – С. 71–75.

Головина С. Ю., Люттов Н. С. Полезен ли опыт Европейского союза для гармонизации трудового законодательства государств Евразийского экономического союза? // Журнал российского права. – 2017. – № 4 (244). – С. 70–83.

Иванчина Ю. В. О функции социального мира в трудовом праве // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Право. – 2017. – Т. 17. – № 2. – С. 55–58.

Лушникова М. В. Правовое регулирование меры труда: актуальные проблемы // Вестник трудового права и права социального обеспечения. – 2020. – № 14. – С. 32–49.

Мищенко М. С. Проблема правового регулирования дежурств в трудовых отношениях. 2016 // URL: https://etalonline.by/document/?regnum=u01600442&q_id=1258275 (дата обращения: 24.02.2025).

Нуртдинова А. Ф. Нравственные основы трудового права // Журнал российского права. – 2018. – № 9 (261). – С. 71–83.

Островский Л. Я. Дежурство: правовое регулирование и применение на практике // Отдел кадров. – 2003. – № 12. – С. 40–43.

Островский Л. Я. Основное и дополнительное рабочее время // Библиотечка журнала «Юрист». – 2007. – № 8. – 96 с.

Петоченко Т. М. Соотношение законодательства Республики Беларусь в сфере стимулирования наемного труда с международными правовыми стандартами, законодательством государств-членов ЕАЭС и стран дальнего зарубежья // Правовые гарантии эффективной занятости в Республике Беларусь: современное состояние и актуальные направления развития законодательства. – Минск: Колорград, 2020. – С. 270–291.

References

Berezyuk, L. A. (2019) Rabota za predelami ustanovlennoi prodolzhitel`nosti rabocheho vremeni rabotnikov s nepolnym rabochim vremenem [Work beyond established working hours for part-time employees]. *Konstitutsionno-pravovye osnovy razvitiya Respubliki Belarus` kak sotsial`nogo gosudarstva v sovremennykh usloviyakh* [Constitutional and legal foundations of the Republic of Belarus development as a social state in modern conditions]: conference papers. Minsk, BGU, 338–343.

Golovina, S. Yu. & Lyutov, N. S. (2017) Polezen li opyt Evropeiskogo soyuza dlya garmonizatsii trudovogo zakonodatel`stva gosudarstv Evraziiskogo ekonomicheskogo soyuza? [Is the experience of the European Union useful for harmonizing labor laws across EAEU member states?]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (4:244), 70–83.

Ivanchina, Yu. V. (2017) O funktsii sotsial`nogo mira v trudovom prave [On the social peace functions in the labor law]. *Vestnik Yuzhno-Ural`skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Pravo*, 17 (2), 55–58.

Lushnikova, M. V. (2020) Pravovoe regulirovanie mery truda: aktual`nye problemy [Legal regulation of labor metrics: Current issues]. *Vestnik trudovogo prava i prava sotsial`nogo obespecheniya*, (14), 32–49.

Mishchenko, M. S. (2016) *Problema pravovogo regulirovaniya dezhurstv v trudovykh ot-nosheniyakh* [The problem of legal regulation of duty in labor relations]. Available at: https://etalonline.by/document/?regnum=u01600442&q_id=1258275 (accessed: 24.02.2025).

Nurtdinova, A. F. (2018) Nравstvennye osnovy trudovogo prava [Moral principles of labor law]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, (9:261), 71–83.

Ostrovskiy, L. Ya. (2003) Dezhurstvo: pravovoe regulirovanie i primeneniye na praktike [On-call duties: Legal regulation and practical application]. *Otdel kadrov*, (12), 40–43.

Ostrovskiy, L. Ya. (2007) Osnovnoe i dopolnitel`noe rabochee vremya [Regular and overtime working hours]. *Bibliotekha zhurnala 'Yurist'*, (8), 96.

Petochenko, T. M. (2020) Sootnosheniye zakonodatel`stva Respubliki Belarus` v sfere stimulirovaniya naemnogo truda s mezhdunarodnymi pravovymi standartami, zakonodatel`stvom gosudarstv-chlenov EAES i stran dal`nego zarubezh`ya [The relationship of the legislation of the Republic of Belarus in the field of stimulating wage labor with international legal standards, legislation of the EAEU member States and non-CIS countries]. *Pravovye garantii effektivnoi zanyatosti v Respublike Belarus`: sovremennoe sostoyaniye i aktual`nye napravleniya razvitiya zakonodatel`stva* [Legal guarantees of effective employment in the Republic of Belarus: current state and current directions of legislative development]. Minsk, Kolorgrad, 270–291.

Veremchuk, M. A. (1980) Pravovoe regulirovanie mery truda [Legal regulation of labor metrics]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Pravovedeniye*, (2), 71–75.

Информация об авторе

Елена Вацлавовна Чичина – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (e-mail: Chichina.elena@mail.ru).

Information about the author

Elena V. Chichina – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor of the Department of Civil Law Discipline of the Belarus State Economic University (e-mail: Chichina.elena@mail.ru).

© Е. В. Чичина, 2025

Дата поступления в редакцию / Received: 20.03.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Information for citation:

Yasinskaya-Kazachenko, A. V. (2025) Prevention of Labor Disputes at the Level of Application of Accounting Tools and Control of the Taxation Process. *European and Asian Law Review*. 8 (1), 102–110. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_102.

Для цитирования:

Ясинская-Казаченко А. В. Превенция трудовых споров на уровне применения инструментария учета и контроля процесса налогообложения // *European and Asian Law Review*. 2025. № 1. Т. 8. С. 102–110. DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_102.

УДК 349.22

BISAC 036000

DOI: 10.34076/27821668_2025_8_1_102.

Research Article

**PREVENTION OF LABOR DISPUTES AT THE LEVEL
OF APPLICATION OF ACCOUNTING TOOLS AND CONTROL
OF THE TAXATION PROCESS**

Anzhelika V. Yasinskaya-Kazachenko

Belarus State Economic University

ORCID ID: 0000-0003-2688-7909

The article presents an analysis of the problems and approaches to their solution in terms of the taxation process, control work of tax authorities in establishing the fact of substitution of labor relations with civil law that are combined organically with legal technique of an instrumental and operational nature. For this purpose, the labor and tax codes of the Republic of Belarus and the Russian Federation, judicial practice were analyzed. The main research methods were a systemic and comprehensive analysis of sources of legal regulation and comparative law. Individual methods are proposed for overcoming the identified contradictions that in the future will ensure appropriate forms for protecting the rights and legitimate interests of employees. This approach fits logically into the judgment on the need to consolidate at the level of the Constitutional Court definition and the Supreme Court Plenum resolution.

Keywords: *legal technique, standard of good faith behavior, inspection, check, income tax, retraining, labor dispute commission*

**ПРЕВЕНЦИЯ ТРУДОВЫХ СПОРОВ НА УРОВНЕ ПРИМЕНЕНИЯ
ИНСТРУМЕНТАРИЯ УЧЕТА И КОНТРОЛЯ
ПРОЦЕССА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ**

А. В. Ясинская-Казаченко

Белорусский государственный экономический университет

ORCID ID: 0000-0003-2688-7909

В статье представлен анализ проблем и подходы к их решению в части процесса налогообложения, контрольной работы налоговых органов при установлении

факта подмены трудовых отношений гражданско-правовыми, которые органически сочетаются с юридической техникой инструментального и операционного характера. С этой целью анализировались трудовые и налоговые кодексы Республики Беларусь и Российской Федерации, судебная практика. Основными методами исследования стали системный и комплексный анализ источников правового регулирования и сравнительное правоведение. Предложены отдельные способы преодоления выявленных противоречий, которые в перспективе позволят обеспечить надлежащие формы защиты прав и законных интересов работников. Данный подход логически вписывается в суждение о необходимости закрепления положений на уровне определения Конституционного суда Республики Беларусь и постановления Пленума Верховного суда Республики Беларусь.

Ключевые слова: юридическая техника, стандарт добросовестного поведения, инспекция, проверка, налог на прибыль, переквалификация, комиссия по трудовым спорам

Introduction

This topic needs more attention due to the fact that when conducting a tax audit because of substitution of labor relations, the main issue included in the subject of proof is the question of who initiated the registration of an individual as an individual entrepreneur. If it is established that this initiative came from the employer, other circumstances will not be significant. When performing work under a civil contract, the guarantees established by labor legislation do not apply. In the case of unjustified transfer of labor relations to a civil legal framework, social guarantees provided for full-time employees are not established for citizens, incentive and compensation payments are not made. A citizen who has entered into such an agreement may, under certain circumstances, be held administratively liable for illegal business activities.

Materials and methods

The essence of an employment contract is reduced to Art. 1 of the Republic of Belarus Labor Code dated July 26, 1999 No. 296-Z (as amended on July 8, 2024 No. 25-Z) (hereinafter 'LC'), according to which an employment contract is an agreement between an employee and an employer, according to which the employee undertakes to perform work in one or more specific positions of employees (worker professions) of the appropriate qualifications according to the staffing schedule and to comply with the internal work schedule, and the employer undertakes to provide the employee with the work stipulated by the employment contract, ensure working conditions stipulated by labor legislation, local legal acts and the agreement of the parties, and pay wages to the employee in a timely manner. In accordance with the current legislation standards, when paying wages and other income to an employee, the employer is obliged to withhold income tax from the employee's income and pay it to the budget. If an employer revises an employee's work duties for the sole purpose of subsequently entering into a civil law contract with him, including duties excluded from the list of labor duties, this will be perceived by inspectors as a substitution of labor relations for civil law relations.

With the advent of clause 4 of Art. 33 of the Republic of Belarus Tax Code dated December 19, 2002 No. 166-Z (as amended on December 13, 2024 No. 47-Z) (hereinafter the 'TC'), this system has become one of the riskiest. The relationship between an employer and an employee is possible in several options: classic labor relations (with entering into an employment contract); a civil law contract with an individual; a civil law contract with

an individual entrepreneur. The first two cases are of no interest to regulatory authorities, since when entering into a civil law contract with an individual, the legal entity is obligated to pay income tax and insurance premiums.

Results

Based on the practice of regulatory authorities, the following blocks of signs can be identified, according to which it is possible to apply the tools that reveal the substitution of labor relations for civil law relations:

the first is mainly of an instrumental legal technique nature [Smirnov, 2024: 7] – registering individuals as individual entrepreneurs at the request of the employer or as a condition of employment; entering into civil law contracts immediately after the registration of an individual as an individual entrepreneur, while terminating employment contracts with certain individuals the day before; entering into contracts with an individual entrepreneur not for the performance of a specific job (provision of a service), but for a calendar year (with an extension for the next year); personal performance of work (provision of services), without the involvement of hired workers and/or subcontractors; opening current accounts of an individual entrepreneur in one bank; using the same IP address frequently; transferring funds of an individual entrepreneur in the form of regular payments that is typical for labor relations; absence of facts of work performed by an individual entrepreneur for other business entities during the period of relations with the organization;

the second is of a clearly expressed operational nature, describes individual operations and their sequence in implementing legal activities, these may include the fact that after the termination of contractual relations with the organization, in most cases, there is no further entrepreneurial activity (or liquidation of the individual entrepreneur); in some cases, establishing the facts of the presence of employees in the organization's staff in positions that provide for the performance of work similar to the activities of an individual entrepreneur; the absence of expenses for an individual entrepreneur; indicating as the subject of the contracts entered into the process of performing work over a long period that is typical for labor relations; transfer of communication facilities, resources of the organization (mobile phone, vehicle, computer, office) to the individual entrepreneur; establishing payment for services rendered based on the number of hours worked and/or another system typical for labor relations; subordination of an individual entrepreneur to local legal acts of the organization.

Discussion

During inspections, regulatory authorities often reclassify civil law contracts with individual entrepreneurs as employment contracts. On this issue, Professor Manfred Weiss notes that in the context of changing labor relations, it is necessary to highlight several areas of adaptation of labor law, to focus on the prospects for expanding the scope of labor law, especially in the context of the spread of self-employment. The professor notes that it has become very difficult to draw a demarcation line between employment and self-employment. More and more often, there are people who call themselves self-employed, but are in fact hired workers. They must be included in the scope of labor legislation application, even if it is difficult to determine their status accurately. Therefore, in many countries, a special category has been invented for economically dependent self-employed persons: for example, in Germany they are called 'employee-like persons'. Therefore, he recommends establishing basic principles that apply to such 'employee-like persons'. This

will make it possible to develop individual protection models that take into full account the specific situation of this group [Novikov, Nogaylieva, 2024: 268].

The contact between the *fact of substitution of labor relations by civil law relations and the category of standards for assessing good faith behavior*, which can give rise to labor disputes, can be shown by referring to the opinion of I. B. Novitsky that good conscience (bona fides, Treu und Glauben, etc.), according to the etymological meaning, contains such elements as: knowledge of another, of their interests; knowledge associated with a certain goodwill; an element of trust, confidence that the moral foundations of turnover are taken into account, that everyone bases their behavior on them [Novitsky, 1916: 5].

The contact of the *principle of good faith with the category of standards for assessing behavior* can be shown by an attempt to bring them closer together, but not *identify them through abuse of rights* – this is such an implementation of the subjective and objective right of good faith behavior that is carried out contrary to the original purpose of granting this right as intended by the legislator [Golovina, Lyutov, 2022: 56]. When an abuse of rights is discovered, the courts make decisions to refuse to satisfy the employee's demand, taking into account only those violations that prevent the employee from fulfilling their work duties.

Here, indirectly, through a court decision, legal impact is exerted on labor and closely related relations [Yasinskaya-Kazachenko, 2023: 105]. The Labor Code does not provide for provisions on good faith behavior, and does not disclose the legal consequences when they are discovered. There is no review of practice at the level of a of the Supreme Court Plenum resolution. In this regard, it is necessary to consider the possibility of vesting the Labor Dispute Commission with *additional functions for resolving disputes about interests and to analyze the objectively existing standard for assessing the good faith of behavior*, while such disputes are not under the jurisdiction of the Labor Dispute Commission. The Labor Dispute Commission considers disputes of employees related to the application of labor legislation, collective agreements, agreements and other local legal acts, employment contracts. In addition to the specified disputes, the Labor Dispute Commission may also consider other labor disputes. On its own initiative or on the initiative of the employer, the Labor Dispute Commission does not have the right to consider labor disputes. Consideration of the dispute first in the CTC, that is, in the organization, simplifies the procedure for collecting evidence and reduces the time frame for considering the dispute.

Another issue is that there are still no sufficiently clear and generally accepted criteria for reclassifying civil law relations into labor relations, forms, methods, conditions, with the help of which the actual implementation of the rights and freedoms of employers and employees as participants in labor and closely related relations is ensured.

At the same time, the question arises whether an employee, when applying to the court with a statement of claim for reclassifying a civil law contract into a labor contract, can demand that the employer be obliged to enter into such an employment contract with him, if a civil law contract has already been entered into? It seems that, based on the Labor Code provisions, a person can demand an employment contract be entered into in the event of reclassifying a civil law contract into a labor contract. When considering and resolving disputes on determining the industry nature of a legal relationship, that is, if an employee asks the court to recognize the relationship as labor, formalize it and grant them all rights and obligations in accordance with labor legislation, the court may point out that the lower courts have not studied the process sufficiently and the degree of participation by the plaintiff in the life of the employing organization.

Among other things, the court may find out: whether the employee retained the position of an independent business entity; whether the employee was integrated into the organizational process; whether the employee obeyed the internal labor regulations and

local legal acts of the employer; whether he had access to information resources along with other employees of the employer; what were the remuneration features, including the frequency and amount of receipts, the calculation mechanism¹. We believe that the labor dispute commission is able to provide answers to these questions.

D. A. Smirnov notes some contradiction between the Russian Federation Labor Code provisions of December 30, 2001, No. 197-FZ (as amended on December 28, 2024 No 541-FZ) (hereinafter ‘Russian Federation Labor Code’) to wit, on the one hand, Art. 19.1 mentions only the court as a jurisdictional body recognizing relations arising on the basis of a civil law contract as labor relations. At the same time, Art. 391 of the Russian Federation Labor Code that contains a list of disputes directly considered in courts, does not mention disputes on recognizing relations arising on the basis of a civil law contract as labor relations. Despite the fact that these disputes arise on the basis of a civil law contract, they fall under the definition of an individual labor dispute provided for in Art. 381 of the Russian Federation Labor Code. Accordingly, the question arises whether a dispute on recognizing relations arising from a civil law contract as labor relations can be considered and resolved by the Labor Dispute Commission? We support and share the author’s position that the conflict between Art. 19.1 and 391 of the Russian Federation Labor Code should be resolved in favor of the former. This is due to both the general rules of interpretation, when in the event of a conflict between regulations of equal legal force, the special regulation or the regulation adopted later in time has priority, and considerations of expediency [Smirnov, 2024: 237–238].

The Russian Federation Ministry of Labor and Social Protection (hereinafter the ‘Ministry of Labor’) has put forward an initiative to expand the list of grounds on which regulatory authorities can appoint on-site inspections of companies to ensure compliance with labor legislation. Currently, a risk-oriented approach is in effect for business inspections that assumes that on-site inspections of companies occur if these companies have risk indicators in the field of labor law. The indicator itself is not a violation, but it indicates to the regulatory authority the high probability of a violation, which is why they come there for an inspection. The Ministry of Labor believes that risk indicators should be expanded by the *following item*: receipt by regulatory authorities of a protocol of the interdepartmental commission for combating illegal employment that contains information on the signs of such employment in the company (for example, failure to formalize an employment contract or the execution of a civil law contract that actually regulates labor relations) – provided that the controlled person or their representative failed to appear at meetings of the interdepartmental commission two or more times within six months (Bulletin of the Center for Monitoring and Analysis of Social and Labor Conflicts W – 09 – 2025, February 24 – March 02 (week 09) 2025)).

In the most general sense, a remote worker is a person who has an employment contract for remote work with a company, the second category is people who work under civil law contracts. Accordingly, the legislator had difficulties in developing criteria in which cases and which contracts to tax.

In this regard, the services that were rendered using domain names and network addresses located in the Republic of Belarus and the Russian Federation, the national domain system, or with the help of information systems of technical means that are located on the territory of the Republic of Belarus or the Russian Federation, or a set of software and hardware located on the territory of one of the states. This means that the servers must be located in one of the states in order to understand whether the income of a remote

¹ Labor disputes five most typical situations // URL: <https://ilex.by/trudovye-spyry-pyat-naibolee-tipichnyh-situatsij/> (accessed: 25.03.2025).

worker will be taxed or not, and then if at least one of the three conditions is met (*domain name, network address and a set of software and hardware located on the territory of one of the states*), then comes the second level of conditions – an individual is a tax resident of the Republic of Belarus or the Russian Federation and (or) the income was received on an account in a national bank. And the third condition is the source of income payments – a national organization, an individual entrepreneur. In this regard, the legislator made special changes and additions to Art. 83 of the Russian Federation Tax Code of July 31, 1998 No. 146-FZ (as amended on November 29, 2024 No. 418-FZ), in which it provided for the obligation of such foreign companies to register with Russian tax authorities.

Let us look at typical violations in terms of substituting labor relations with civil law relations.

The first example is the Gortop case¹. *As follows from the court decision, the Federal Tax Service Inspectorate for the Dzerzhinsky District of Volgograd (hereinafter the ‘Inspectorate’) conducted an on-site tax audit of the Gortop Joint -Stock Company (hereinafter the ‘Company’) for 2019–2021. As the Inspectorate established, the Company included in the expenses for the purpose of calculating income tax the amounts of bonuses paid to an individual (hereinafter the ‘Individual’) and their spouse (hereinafter jointly the ‘Individuals’). During the audited period, the Individuals were employees and shareholders of the Company, namely: the Individual held the positions of CEO of the Company, Head of Sales and Business Consultant, and was also a majority shareholder in the Company (78.80 % of shares in 2019, 78.89 % of shares in 2020–2021, 83.65 % in 2022). The Individual’s spouse held the positions of Economic Consultant and Development Specialist in the Company, and was also a minority shareholder of the Company (1.48 % of shares in 2019 and 1.62 % of shares in 2020–2022).*

For 2019–2021, the Individual received income from the Company in the amount of RUB130,242,629.72 in the form of wages for the performance of official duties of the CEO, head of the sales department, business consultant, including RUB116,891,000 in the form of bonuses based on the results of the successful work of the enterprise and high-performance indicators of the commercial department. Thus, the bonuses amounted to 90 % of the total income of the Individual and exceeded their salary in 2019 by 3 times, in 2020 by 7 times and in 2021 by 17 times. The spouse of the Individual also received income from the Company, of which bonuses based on the results of work for 2019–2021 amounted to RUB6,599,630. The Inspectorate qualified the amounts of bonuses paid to the Individuals as dividends and refused the Company to include the corresponding amounts in the composition of expenses for the purposes of the Company’s income tax, and also recalculated the insurance premiums paid by the Company. The Company did not agree with the Inspectorate’s position and believed that the reclassification of bonuses into dividends was unjustified, since the Inspectorate was not granted the right to verify the assessment of labor relations. The Company referred to the fact that during the period under review, the liquidity of shares and their potential profitability increased, based on the increase in the Company’s revenue and the acquisition of fixed assets. The court supported the Inspectorate’s position.

Second example. *During the audit of LLC G, it was established that in the period from 2018 through 2023, the company was provided with management services by individual entrepreneur B, who was the director of LLC G until 2018. At the same time, the monthly remuneration of individual entrepreneur B was several times higher than his salary as the director of the company and many times higher than the average monthly salary per employee of LLC G that was established during this period. Based on the totality of facts collected during the audit, it was established that the main purpose for carrying out business*

¹ Development of judicial practice on issues of reclassification of bonuses paid to employees as dividends // URL: <https://russiantaxandcustoms.com/news/rossiyskoe-nalogooblozhenie/razvitie-sudebnoy-praktiki-po-voprosam-perekvalifikatsii-premiy-vyplachennykh-rabotnikam-v-dividendy/> (accessed: 23.03.2025).

transactions to provide management services by individual entrepreneur B to LLC G is the incomplete payment of taxes, including income tax due to the unjustified overstatement of costs taken into account for taxation, which entailed, among other things, a distortion of information about the facts of business transactions.

Third example. Following an unscheduled inspection, the financial investigation department recognized the LLC as a tax agent obliged to withhold income tax from income transferred to the bank accounts of twenty-five individual entrepreneurs as remuneration under contracts for the provision of paid services. The auditors considered that in the relationship between the LLC and individual entrepreneurs (25 people) on practical training in driving a mechanical vehicle, knowledge testing and exams, there was a substitution of labor relations for civil law relations, and the income transferred to individual entrepreneurs was actually wages for the performance of labor duties.

In accordance with clause 4 of Art. 33 of the Tax Code, the LLC adjusted the tax base and additionally charged income tax for 6 years. The body of evidence included interrogation reports of the founder and director of the LLC, as well as the individual entrepreneurs themselves, about the circumstances for entering into the contracts. These individuals actually continued to perform the functions stipulated by the employment contracts drawn up for rates. Moreover, before employment, everyone registered as individual entrepreneurs, performed the same duties, worked with the same clients in the LLC cars assigned to the employees. The individual entrepreneurs did not have any other customers. There were no costs associated with entrepreneurial activity that usually ceased immediately after dismissal.

Fourth example. The employees of the tax inspectorate conducted an unscheduled inspection of the OJSC for the period from January 1, 2017 through June 31, 2024. During the inspection, they discovered an overstatement of expenses taken into account for tax purposes by the amount of paid services under contracts with three business entities for the transfer of powers of the sole executive body of the management organization. According to the inspectors, the contracts were entered into for a formality. Primary accounting documents did not confirm the fact of provision of services and did not substantiate their necessity. The judicial authorities agreed with the findings of the inspectorate, the expenses of the OJSC on payment of remuneration to the management organization during the audited period were not economically justified expenses, as required by the version of Art. 130 of the Tax Code in effect at that time. The testimony of the OJSC employees and a number of other pieces of evidence confirmed: duplication of functions under the management agreement and job responsibilities of the executive director; actual use by the OJSC and the management organization of the same premises, IP addresses for filing tax reports, the same administrative personnel; the impossibility of reliably establishing the content of the business transaction on the basis of the submitted documents - the specific types and volume of management work performed; interdependence of persons. As a result, the OJSC was charged additional taxes.

The arguments that the implementation of management functions on the basis of a civil law contract is not prohibited by law, the activities of an individual entrepreneur as a manager comply with the provisions of civil legislation and are an independent type of entrepreneurial activity are not considered a convincing argument in court. It is difficult to prove that the replacement of full-time managers with managers is economically justified by something other than the desire to save on taxes. Especially if the individual entrepreneur (management organization) and the previous manager are the same person performing the same functions, the remuneration of the former is several times greater than the previous salary of the latter, and the results of the enterprise do not improve. Based on the definition of salary in Art. 57 of the Labor Code, the courts conclude that

the amounts of money paid to individual entrepreneurs should be attributed to expenses taken into account for taxation in an economically justified amount (payment to employees in cash and (or) in kind for the performance of work duties).

Conclusion

In this regard, it is proposed to: introduce specific restrictions into the labor legislation in terms of entering into civil contracts with citizens, while developing criteria under which work under contracts is possible; develop a pre-trial mechanism for protecting violated rights and legitimate interests of citizens of this category, the provisions of such an article will be applied, including when regulatory authorities establish facts of substitution of labor relations with civil relations. A study of the practice by regulatory authorities made it possible to look at the facts of substitution of labor relations with civil relations through the prism of legal technique: *instrumental* and *operational* in nature that allows us to highlight several areas of adaptation of labor law to modern conditions, especially in the context of the spread of self-employment. Practice at the level of the standard for assessing good faith behavior and the principle of inadmissibility of abuse of rights and the priority of facts in the form of a Constitutional Court definition and a Supreme Court Plenum resolution, and Labor Code standards needs to be consolidated.

In agreement with the opinion of Professor Manfred Weiss regarding ‘employee-like persons’, it is necessary to establish the basic principles that apply to such persons, which will allow developing individual models of protection that fully take into account the specifics of the situation of this group. With such a model of proceedings, it can be concluded that the system gravitates toward a single legal nature of quasi-judicial institutions, including self-similar institutions applicable in the consideration and resolution of labor disputes. In this regard, the LC is able to *demonstrate standards for assessing good faith behavior as a form of protecting the rights and legitimate interests of employees*, consider and resolve disputes about interests, and provide an analysis of objectively related standards for assessing good faith behavior. In this case, there is a certain contradiction between the provisions of the Labor Code in that the list of disputes included in Part 2 of Art. 236 of the Labor Code and those subordinate to the LC does not include disputes on recognizing relations that arose on the basis of a civil law contract as labor relations. But these disputes, despite the fact that they arise on the basis of a civil law contract, fall under the general definition of an individual labor dispute, provided for in Art. 233 of the Labor Code, and accordingly can be considered and resolved by the Labor Dispute Commission.

It is necessary to pay attention to the issue of reclassifying a civil law contract into an employment contract that in the structure of labor relations is rather not only empirical, applied, but also fundamental and academic in nature. Since no clear and generally accepted criteria have been developed for determining what constitutes the concept of ‘reclassifying a civil law contract into an employment contract’.

References

Golovina, S. Yu. & Lyutov, N. L. (2022) Verkhovnyi Sud Rossiiskoi Federatsii – zakonodatel` v sfere trudovogo prava? [Supreme Court of the Russian Federation – a legislator in the field of labor law?]. *Zhurnal rossiiskogo prava*, 26 (10), 52–67.

Novikov, D. A. & Nogaylieva, F. K. (2024) Problemy i perspektivy trudovogo prava v issledovaniyakh nemetskogo uchenogo-trudovika Manfreda Vaisa [Problems and prospects of labor law in the studies of the German labor scholar Manfred Weiss]. *Ezhegodnik trudovogo prava* [Yearbook of Labor Law]: conference papers. Saint-Petersburg, Izdatel`stvo Sankt-Peterburgskogo universiteta, 263–277.

Novitsky, I. B. (1916) Printsip dobroj sovesti v proekte obyazatel`stvennogo prava [The principle of good conscience in the draft law of obligations]. *Vestnik grazhdanskogo prava*, (6) (October), 56–90, (7) (November), 85–106, (8) (December), 87–108.

Smirnov, D. A. (2024) *Trudopravovaya tekhnika normotvorchestva* [Labor-law technique of rule-making]: doct. jur. sc. thesis. Ekaterinburg, 326.

Yasinskaya-Kazachenko, A. V. (2023) Ob`ektivirovannyi opyt individual`no-pravovoi deyatel`nosti sudov na primere trudovykh sporov [Objectified experience of individual legal activities of courts on the example of labor disputes]. *Vesnik Belaruskaga dzyarzhaj`naga ekanamichnaga ŭniversiteta: navukova-praktychny chasopis*, (2:157), 103–111.

Библиографический список

Головина С. Ю., Лютов Н. Л. Верховный Суд Российской Федерации – законодатель в сфере трудового права? // Журнал российского права. – 2022. – Т. 26. – № 10. – С. 52–67.

Новиков Д. А., Ногайлиева Ф. К. Проблемы и перспективы трудового права в исследованиях немецкого ученого-трудовика Манфреда Вайса // Ежегодник трудового права: сб. науч. ст. Вып. 14 / отв. ред. Е. Б. Хохлов. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2024. – С. 263–277.

Новицкий И. Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник Гражданского права. – 1916. – № 6 (Октябрь). – С. 56–90; № 7 (Ноябрь). – С. 85–106; № 8 (Декабрь). – С. 87–108.

Смирнов Д. А. Трудоправовая техника нормотворчества: дис. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2024. – 326 с.

Ясинская-Казаченко А. В. Объективированный опыт индивидуально-правовой деятельности судов на примере трудовых споров // Веснік Беларускага дзяржаўнага эканамічнага ўніверсітэта: навукова-практычны часопіс. – 2023. – № 2 (157). – С. 103–111.

Information about the author

Anzhelika V. Yasinskaya-Kazachenko – Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Belarus State Economic University (e-mail: angelina_jas@mail.ru).

Информация об авторе

Анжелика Васильевна Ясинская-Казаченко – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Белорусского государственного экономического университета (e-mail: angelina_jas@mail.ru).

© А. В. Ясинская-Казаченко, 2025

Дата поступления в редакцию: Received: 03.30.2025

Дата принятия решения об опубликовании / Accepted: 15.04.2025

Научное издание
European and Asian Law Review

2025

Том 8. Выпуск 1

Адрес учредителя, издателя и распространителя:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Адрес редакции журнала:
620137, Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21, оф. 114
Телефон: +7 (343) 375-06-70; e-mail: ealawreview@uslu.su
<http://ealawreview.ru>

Редактор О. Ю. Петрова
Компьютерная верстка О. Ю. Петрова
Дизайн обложки А. Н. Ковшова

Распространение бесплатное

В соответствии с п. 1 ч. 2 ст. 1, п. 1 ч. 4 ст. 11 Федерального закона
от 29.12.2020 № 436-ФЗ маркировке не подлежит

Подписано в печать **04.07.2025**. Выход в свет 18.07.2025
Формат 60x84/8. Усл. печ. л. 13,02. Уч.-изд. л. 8,35. Тираж 500 экз.
Заказ №

Уральский государственный юридический университет им. В. Ф. Яковлева
620137, г. Екатеринбург, ул. Комсомольская, д. 21

Отпечатано в ООО «ПЕЧАТНИК».
617120, Пермский край, г. Верещагино, ул. Энергетиков, д. 2

Scientific Periodical

European and Asian Law Review

2025

Volume 8. Issue 1

Address of the founder, publisher and distributor:
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620137

Address of the editorial staff office:
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620137
Phone: +7 (343) 375-06-70; e-mail: ealawreview@uslu.su
<http://ealawreview.ru>

Proofreader O. Yu. Petrova
Computer make-up O. Yu. Petrova
Cover designer A. N. Kovshova

Free distribution

In accordance with item 1 section 2 article 1,
item 1 section 4 article 11 of the Federal Law of
December, 29 2020 No. 436-FZ the journal is not subject to identification.

Signed for publishing **04.07.2025**. Publication 18.07.2025
Layout 60x84/8. Reg. pr. sh. 13,02. Reg. ed.sh. 8,35. Circulation 500 copies
Order No.

Ural State Law University named after V. F. Yakovlev
21 Komsomolskaya Str., of. 114, Yekaterinburg, Russia 620137

Printed by 'PECHATNIK' LLC (Russia)
617120, Perm region, Vereshchagino, Energetikov str., 2

